НАО «Карагандинский Национальный Исследовательский университет
имени академика Е.А. Букетова»

УДК 347.6

На правах рукописи

МУТУБАЕВА ДИНАРА МАРАТОВНА

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РАЗРЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

**Диссертация на соискание ученой степени доктора философии (PhD)
по специальности «6D030100 – Юриспруденция»**

Научный руководитель:
Ильясова Г.А. – кандидат
юридических наук, профессор,
профессор-исследователь
НАО Карагандинского
Национального Исследовательского
университета академика
им. Е.А. Букетова

Зарубежный научный консультант:
Юхневичус Э.Э. – Dr. hab., профессор
Гданьского Университета (г. Гданьск,
Польша)

Караганда, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Обозначения и сокращения: 3
1 Теоретико-правовые основы разрешения семейных споров 15
1.1 Исторические аспекты становления и развития национального законодательства в сфере разрешения семейных споров 15
1.2 Правовая природа семейного спора и его классификация по законодательству Республики Казахстан 22
1.3 Международно-правовые стандарты в сфере разрешения семейных споров 34
2 Современные правовые модели разрешения семейных споров в национальном и зарубежном праве 46
2.1 Сравнительный анализ правовых моделей разрешения семейных споров в Республике Казахстан и зарубежных странах 46
2.2 Совершенствование моделей разрешения семейных споров 66
2.3 Развитие примирительной процедуры как альтернативной модели разрешения семейных споров 75
3 Модернизация национальной модели разрешения семейных споров в Республике Казахстан 89
3.1 Институциональные механизмы разрешения семейных споров 89
3.2 Концептуальная модель разрешения семейных споров в Республике Казахстан и направления её реализации 111
3.3 Судебная защита семейных прав (анализ судебной практики) 127
Заключение 197
Список использованных источников 203
Приложение А 217
Приложение Б 218
Приложение В 219
Приложение Г 220
Приложение Д 221
Приложение Е 222
Приложение Ж 223
Приложение З 224
Приложение И. 225
Приложение К 226

Обозначения и сокращения:

В настоящей диссертации применяются следующие обозначения и сокращения:
ADR-практик – (англ. Alternative dispute resolution) альтернативное урегулирование спора
ВДПЧ – Всеобщая декларация прав человека
ВС РК – Верховный Суд Республики Казахстан
ГК – гражданский кодекс Республики Казахстан
ГПК – Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан
ЕС – Европейский Союз
КоБС– Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве и семье)»
КПР – Конвенция ООН о правах ребенка
МПГПП – Международный пакт о гражданских и политических правах
МРП – месячный расчетный показатель
НАО – некоммерческое акционерное общество
НПО – неправительственная организация
ОАЭ – Объединенные Арабские Эмираты
п.п. – подпункт
п. – пункт
Пилотный проект – пилотный проект «Семейный суд»
РК – Республика Казахстан
РАГС – Регистрация актов гражданского состояния
рис. – рисунок
РФ – Российская Федерация
CEDAW – Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин
США – Соединенные Штаты Америки
ст. – статья
ЦАН – Центр адаптации несовершеннолетних
ч. – часть

Введение

Общая характеристика работы. Диссертация посвящена исследованию теоретических и практических аспектов правовой природы семейных споров и современных правовых моделей их разрешения в Республике Казахстан. На основе анализа научных работ, законодательства и судебной практики рассматривается эволюция института семейных споров и его современное состояние. Особое внимание уделяется критериям правосудия – справедливости и объективности, приобретающим особую значимость в условиях модернизации судебной системы Казахстана.

Актуальность темы исследования. Семья традиционно рассматривается как базовый социальный институт, от устойчивости которого напрямую зависит стабильность общества, воспроизводство социальных ценностей и обеспечение прав личности. Современные социально-правовые процессы свидетельствуют о росте числа семейных конфликтов, требующих правового вмешательства, что объективно подтверждает необходимость совершенствования механизмов их разрешения и поиска более эффективных моделей защиты прав и законных интересов участников семейных отношений.

Конституция РК (ст. 27) закрепляет охрану брака и семьи, материнства, отцовства и детства [1]. Новая Конституция Республики Казахстан (ст. 30) закрепляет брак как добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, усиливает защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а также устанавливает обязанность совершеннолетних детей заботиться о нетрудоспособных родителях [2]. Это позволяет рассматривать семью как одну из ключевых социальных ценностей, охраняемых государством. Государственная семейная политика, реализуемая через Концепцию семейной и гендерной политики до 2030 года [3], а также стратегические документы «Казахстан-2050» и Национальный план развития до 2029 года [4], ориентирована на укрепление института семьи, защиту материнства и детства, повышение ответственности родителей.

Актуальность исследования усиливается тем, что государственная семейная политика Республики Казахстан, реализуемая через Концепцию семейной и гендерной политики до 2030 года, а также стратегические документы долгосрочного развития («Казахстан-2050», Национальный план развития до 2029 года), ориентирована на укрепление института семьи, повышение ответственности родителей, развитие культуры ответственного родительства и защиту детства. Однако достижение этих целей затруднено при сохранении преобладающей конфликтно-адверсариальной модели разрешения семейных споров.

Актуальность настоящего исследования определяется совокупностью взаимосвязанных факторов правового, социального и институционального характера.

1. Несмотря на наличие в Республике Казахстан развитой системы нормативного регулирования семейных отношений, действующее

законодательство не формирует целостной и специализированной модели разрешения семейных споров. Нормы гражданского процессуального, административного и семейного законодательства фрагментарно регулируют примирительные процедуры, не обеспечивая их системной интеграции в механизм защиты прав ребёнка и иных уязвимых участников семейных правоотношений. Отсутствие законодательного разграничения общегражданской и семейной медиации, а также специальных стандартов рассмотрения дел, затрагивающих интересы детей, обуславливает необходимость научного переосмысления действующих правовых конструкций.

2. Современная судебная практика по делам о расторжении брака, определении места жительства ребёнка, порядке общения и взыскании алиментов и других категорий семейных дел характеризуется высокой нагрузкой на суды и неоднородностью подходов к оценке интересов ребёнка. Так, наблюдается следующая тенденция исходя из статистических данных ежегодного увеличения дел, по спорам в сфере брачно-семейных отношений в судах Республики Казахстан. В 2023 году из поступивших 110290 дел, рассмотрено 87901 дел. В 2024 году наблюдается незначительный рост поступивших 112133 дел, из которых рассмотрено 92459 дел. В 2025 году поступило 117 772 дел, рассмотрено 97 473 (Приложение А).

Формализация судебных процедур и преобладание состязательной модели рассмотрения дел ограничивают возможности комплексного разрешения семейных конфликтов и способствуют их повторяемости. Это свидетельствует о потребности в разработке альтернативных и смешанных моделей разрешения семейных споров, способных снизить конфликтный потенциал и обеспечить устойчивые договорённости между сторонами.

3. Система органов, участвующих в разрешении семейных споров (суды, органы опеки и попечительства, нотариат, медиаторы, психологические службы), функционирует преимущественно разрозненно, без устойчивых механизмов межведомственного взаимодействия. Отсутствие координирующей модели и единых алгоритмов сопровождения семейных конфликтов снижает эффективность защиты прав детей и препятствует реализации восстановительного потенциала примирительных процедур.

4. Трансформация современных семейных отношений, рост числа расторжений брака, изменение моделей родительства, увеличение количества неполных семей и трансграничных браков существенно усложняют характер семейных споров и повышают требования к качеству правового реагирования. Эти процессы обуславливают необходимость разработки гибких и адаптивных правовых моделей разрешения конфликтов, учитывающих не только юридические, но и психологические и социальные аспекты семейных отношений.

5. Республика Казахстан, являясь участником международных договоров в сфере защиты прав ребёнка и семьи, принимает на себя обязательства по обеспечению наилучших интересов ребёнка и развитию альтернативных

способов разрешения споров. Однако имплементация международных стандартов в национальную правоприменительную практику остаётся неполной и требует научного осмысления с учётом зарубежного опыта специализированных семейных судов и семейной медиации.

6. В отечественной правовой науке отсутствует единый концептуальный подход к понятию и классификации семейных споров, а также к моделям их разрешения. Научные исследования, как правило, носят фрагментарный характер и не формируют целостного представления о механизме взаимодействия судебных и внесудебных процедур. Это обуславливает потребность в комплексном междисциплинарном исследовании, сочетающем правовой, конфликтологический и восстановительный подходы.

7.Запрос общества на гуманизацию правосудия, снижение конфликтности бракоразводных процессов и сохранение родительских функций после расторжения брака требует разработки прикладных рекомендаций по внедрению эффективных моделей разрешения семейных споров. Результаты исследования могут быть использованы в нормотворческой деятельности, судебной практике, подготовке медиаторов и специалистов, работающих с семейными конфликтами

Дополнительную актуальность исследованию придают современные социальные вызовы, включая трансформацию института семьи, изменение моделей родительства, рост числа трансграничных браков, развитие международных стандартов защиты прав ребёнка и концепции «наилучших интересов ребёнка». Эти процессы требуют переосмысления действующих правовых подходов, адаптации зарубежного опыта и формирования комплексной модели разрешения семейных споров, сочетающей судебные и внесудебные механизмы.

Степень разработанности темы исследования. Вопросы семейного права, отдельных категорий споров, медиации, защиты прав ребёнка широко исследовались отечественными и зарубежными учёными: С.С. Алексеевым, М.В. Антокольской, Е.М. Ворожейкиным, А.М. Нечаевой, И.Б. Новицким, А.И. Пергаментом, Л.И. Петражицким, И.А. Покровским, Л.М. Пчелинцевой, В.А. Рясенцевым, Е.О. Жучковой, О.Г. Миролюбовой, С.О. Пастуховой, Н.Ю. Тарсамаевой; казахстанскими исследователями – С.З. Зимановым, Н.С. Ахметовой, Г.А. Алихановой, М.Т. Акимжановой, М.Жаскайрат, Ж.С. Каипбергеновой, Д.К. Оспановой, Н.Раззак, А.Б. Шайменовой, М.А. Ауелбаевым, Б.Б. Базарбаевым, А.И. Беспаловой, У.С. Жумакановой, Л.Р. Насыровой, Е.Б. Николаевой и многими другими.

Проблемам регулирования семейных правоотношений посвящены труды казахстанских учёных С.З. Зиманова, Н.С. Ахметовой, Г.А. Алихановой, М.Т. Акимжановой, З.К. Амирхановой, З.К. Абдуллиной, М.А. Ауелбаева, О.Н. Брызгаловой, Б.Б. Базарбаева, Ю.Г. Басина, А.И. Беспаловой, А.А. Гасанова, А.Г. Диденко, Б.А. Джандарбека, Д.А. Елеукиной, А.Ж. Жакипова, Г.М. Жуматовой, У.С. Жумакановой, У.К. Ихсанова, К.М. Ильясовой, С.Ж. Калмуратовой, Ж.С. Каипбергеновой, Э.И. Курумшиевой, С.С. Каржаубаева,

Д.П. Кивелева, М.Ж. Жаскайрат (Мукановой), Е.В. Луневой, Л.Р. Насыровой, Е.Б. Николаевой, Л.И. Носенко, Н.Н. Усерова, А.Ю. Пиджакова, Н. Раззак, М.К. Сулейменова, С.В. Скрябиным, А.М. Тусупбековой и др.

Исследование отдельных элементов альтернативных способов разрешения гражданско-правовых споров, а также теоретических проблем регулирования семейных правоотношений проводились отечественными и зарубежными учеными. Однако, в юридической литературе в основном рассматривались правовые аспекты разрешения отдельных видов семейных споров (защита прав детей, супругов), либо исследованы механизмы применения альтернативных способов для разрешения семейных споров.

В докторской диссертации Джандарбек Б.А. «Правовое регулирование брачно-семейных отношений в Республике Казахстан» (2010 г.) было изучено правовое регулирование семейно-правовых отношений, в которой определено место семейного права в системе казахстанского права, соотношения различных отраслевых норм в регулировании семейно-правовых отношений, оценен комплексный характер регулирования имущественных отношений супругов, соотношения гражданского и семейного, и иного законодательства в регулировании имущественных отношений, определены критерии ограничения родительских прав их лишения [5].

В кандидатской диссертации Мукановой М.Ж. «Брачный договор как способ регулирования отношений супругов» (2003 г.) было проведено исследование гражданско-правовой природы брачного договора в рамках семейного законодательства как способа регулирования семейно-брачных отношений, рассмотрение брачного договора как социального института, имеющего значение для жизнедеятельности семьи и общества [6].

В кандидатской диссертации Каипбергеновой Ж.С. на тему «Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом (2009 г.) исследовались проблемы правового регулирования брачно-семейных отношений с иностранным элементом, так как многочисленные коллизионные проблемы возникают прежде всего потому, что соответствующие материальные нормы разных государств существенно различаются между собой [7].

В диссертационной работе Раззак Н. «Концептуальные проблемы правового положения несовершеннолетних в Республике Казахстан» (2015 г.). рассматриваются вопросы нормативного закрепления правового статуса несовершеннолетних, обусловленное проблемами их адаптации в современном казахстанском обществе в силу самых разнообразных причин. В этой связи, исследование вопроса закрепления в законодательстве государства правового статуса детей, послужит укреплению, правовыми средствами, социального статуса несовершеннолетнего, как автономного индивида в современном обществе [8].

В диссертации на тему «Права ребенка по семейному законодательству Республики Казахстан и зарубежных стран (на примере Республики Болгария)» (2019 г.) автором Акимжановой М.Т. было проведено комплексное исследование теоретических выводов о личных и имущественных правах

ребенка и вопросов практики применения этих прав на основе проведения сравнительно-правового анализа семейного законодательства Республики Казахстан и зарубежных стран [9].

В диссертационной работе Шайменовой А.Б. «Альтернативные способы разрешения гражданско-правовых споров в Республике Казахстан: теория и практика» (2021 г.) изучена правовая природа отдельных видов альтернативных способов разрешения споров, проведен анализ современного состояния и перспектив развития внесудебных форм защиты гражданских прав в Республике Казахстан [10].

В учебном пособии Мукановой М.Ж. «Развитие семейного права Республики Казахстан» затронуты вопросы о возможности использования альтернативных способов решения семейных споров [11].

В диссертационной работе Оспановой Д.К. на тему «Суды по делам несовершеннолетних и семьи: зарубежный опыт и казахстанская практика» (2025 г.) исследованы вопросы правового регулирования деятельности судов по делам несовершеннолетних и семьи на основе зарубежного опыта и казахстанской практики. Также определены перспективы дальнейшего развития судов по делам несовершеннолетних и семьи [12].

В рассмотренных выше работах представлены отдельные вопросы (про брачный договор, права ребенка, суды по делам несовершеннолетних и семьи) совершенствования национального семейного законодательства, что позволяет обобщить и проанализировать современные предложения правоведов и разработать неучтенные в исследованиях, но обоснованные правоприменительной практикой предложения по дальнейшему эффективному развитию механизмов урегулирования семейных споров, которые основаны не только на деятельности судов. Ученые отмечают, что за рубежом данная практика весьма эффективна, в Республике Казахстан (и других странах на постсоветском пространстве) она только развивается, однако, ее преимущества достаточно очевидны. Авторами проанализированы перспективы развития альтернативных механизмов разрешения семейных споров в Республике Казахстан и продемонстрированы ключевые проблемы, которые необходимо решить для более широкого и качественного использования возможностей медиации.

Таким образом, в научной литературе накоплен значительный массив исследований, посвящённых отдельным институтам семейного права и применению альтернативных процедур. Однако, их рассмотрение выявило ряд аспектов, которые в научной литературе не получили комплексного освещения, что определило направленность нашего исследования, которое отличается системностью, междисциплинарным подходом и ориентацией на формирование современной эффективной модели разрешения семейных споров в Республике Казахстан.

Целью диссертационного исследования является выявление и анализ современных правовых моделей разрешения семейных споров в Республике Казахстан, определение их эффективности и разработка предложений по

совершенствованию законодательства и правоприменительной практики, разработка концептуальной правовой модели разрешения семейных споров.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи:**

– изучить генезис национального законодательства в сфере разрешения семейных споров, доктрину понятия, сущности и правовой природы судебного спора, и сформулировать его определение, исходя из специфики, которые характеризуют его отличие от других видов гражданско–правовых споров;

– выявить проблемы неэффективности отправления правосудия по семейно–правовым спорам в специализированных судах по делам несовершеннолетних в Казахстане на основе анализа международно-правовых стандартов, опыта зарубежных стран по разрешению семейных споров в современный период, и разработать научно-обоснованные рекомендации об единой юрисдикции по разрешению семейно-правовых споров;

– провести сравнительно-правовой анализ правовых моделей разрешения семейных споров в Республике Казахстан и зарубежных стран для выявления неэффективности судебно-ориентированной модели разрешения семейных споров в Казахстане, и в целях повышения эффективности семейного правосудия разработать рекомендации о переходе к интегративно-восстановительной модели, в центре которой находятся интересы ребёнка;

– разработать рекомендации по внедрению обязательного досудебного порядка разрешения споров по некоторым категориям брачно-семейных дел (раздел имущества, алименты, определение места жительства ребёнка, порядок общения с ребёнком) в результате изучения положительного опыта зарубежных стран по разрешению семейных споров путем институциональной интеграции судебных и внесудебных механизмов;

– анализировать положения о примирительных процедурах и практику применения примирительных процедур в судах, в части реализации мер по сохранению брака и семьи, а также разрешению семейных конфликтов, разработать предложение по совершенствованию полномочий Центра поддержки семьи по делам о расторжении брака;

– анализировать судебную практику по соблюдению правил подсудности по семейным спорам в соответствии с международным актом о правах ребенка, действующего семейного и гражданского процессуального законодательства, и разработать рекомендацию по совершенствованию национального законодательства.

Объектом исследования являются общественные правоотношения, возникающие при разрешении семейно-правовых споров.

Предметом исследования являются изучение правовой природы семейного спора, анализ современного состояния и перспектив развития национальной модели разрешения семейных споров в Республике Казахстан.

Нормативно-правовой базой исследования послужили законодательные акты Республики Казахстан: Конституция Республики Казахстан, Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», специальные законы, регулирующие отдельные виды либо группы семейно-правовых отношений,

Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан, подзаконные нормативные правовые акты, регламентирующие различные вопросы, вытекающие из брачно-семейных правоотношений, международные нормативно-правовые акты, регламентирующие семейно-брачные отношения.

Эмпирическая основа исследования. В диссертационном исследовании использовались обзоры и обобщения судебной практики, статистические материалы, судебные акты по делам о разрешении семейных споров. Изучена судебная практика специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области, Карагандинского областного суда и других судов Республики Казахстан, а также обобщения судебной практики Верховного Суда Республики Казахстан и ювенальных судов Республики Казахстан.

Методология исследования. Методологию исследования составляют как общенаучные (описание, сравнительный и комплексный анализ, индукция, дедукция, наблюдение, прогнозирование, моделирование), так и специальные (исторический, формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-гносеологический, статистический и системный) методы познания. Применены исторический, системно-структурный, комплексный, сравнительно-правовой, формально-юридический и другие методы научного исследования.

Описательный метод позволил последовательно изложить суть правовых явлений, связанных с урегулированием семейных споров в Республике Казахстан и в отдельных зарубежных странах. Благодаря сравнительному и комплексному анализу удалось выявить общие и особенные черты в национальном и международном праве, связанные с разрешением брачно-семейных споров, а также выявить приоритетные направления совершенствования семейного законодательства Республики Казахстан.

Индукция и дедукция оказались полезны при формулировании выводов по результатам исследования, а также оценке отдельных альтернативных механизмов урегулирования семейных споров, которые в настоящее время недостаточно активно и широко используются на практике. Посредством прогнозирования и моделирования были выявлены перспективные направления совершенствования национального семейного права РК и сформулированы предложения, способствующие эффективному развитию современной модели разрешения семейных споров в Казахстане.

Исторический метод исследования помог детально изучить исторические аспекты развития отечественного права по разрешению семейных споров, охарактеризовать основы правовой категории «семейный спор» в отечественной доктрине. Посредством применения формально-юридического метода удалось проанализировать казахстанское законодательство в сфере гражданско-правовой охраны семейных прав, определить виды семейных споров, представить семейный спор как предмет судебного рассмотрения.

Использование сравнительно-правового метода предоставило возможность соотнести международно-правовые стандарты в сфере защиты семейных прав и нормы национального семейного права Республики Казахстан, а также выявить

особенности разрешения семейных споров в зарубежных странах и продемонстрировать прогрессивные механизмы альтернативного разрешения семейных споров в Казахстане

Статистический метод способствовал эффективному изучению динамики возникновения и разрешения семейных споров в Казахстане, а также оценке эффективности современного механизма урегулирования данных споров. Посредством системного метода были определены актуальные вопросы, связанные с определением подсудности судов, занимающихся урегулированием семейных споров, а также специфика совершения некоторых процессуальных действий судом и лицами, участвующими в деле, в ходе производства по семейным спорам. Системный метод позволил комплексно изучить объект и предмет исследования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в комплексном теоретико-правовом осмыслении категории семейных споров в правовой системе Республики Казахстан, выявлении проблем нормативного регулирования и правоприменения, формировании концептуальной правовой модели разрешения семейных споров, разработке предложений о совершенствовании механизмов разрешения и профилактики семейных споров.

В результате проведенного системного исследования действующего семейного и гражданского процессуального законодательства, и анализа судебной практики на защиту выносятся следующие положения и выводы.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Установлено, что семейный конфликт и семейно-правовой спор не является тождественными понятиями. Впервые на основе системного анализа законодательства Республики Казахстан, международных документов и доктринальных подходов обоснована необходимость легального закрепления понятия «семейный спор». Сформулировано авторское определение *«**Семейный спор** - это правовой конфликт между членами семьи, возникающий по поводу осуществления, нарушения или защиты субъективных семейных прав и обязанностей, выражающийся в объективированных разногласиях и требующий разрешения посредством специальных правовых или восстановительных процедур с участием компетентных третьих лиц».* Предложено включить данную дефиницию в пункте 37 статьи 1 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье».

2. Считаем целесообразным создать современную модель разрешения семейных споров в Казахстане – образовать специализированные семейные суды вместо действующих специализированных судов по делам несовершеннолетних. Ювенальные суды в Республике Казахстан создавались как специализированные судебные органы, ориентированные на защиту прав детей. Создание единой юрисдикции по семейным делам позволит разгрузить суды первой инстанции, способствовать правильному и справедливому разрешению споров. На основе компаративного анализа опыта зарубежных стран (США, Великобритания, Канада, Германия, Франция, Норвегия, Австралия) выявлено, что современные семейные суды интегрируют

междисциплинарные команды, обязательную медиацию, консультирование и судопроизводство, предполагающая специализированную юрисдикцию. Единому семейному суду будут подсудны все семейно-правовые споры.

3. Обоснована необходимость внедрения обязательного досудебного порядка разрешения споров по ряду категорий брачно-семейных дел (раздел имущества, алименты, определение места жительства ребёнка, порядок общения с ребёнком). Данное предложение обосновано на зарубежном опыте (Италия, Франция, Германия), способствует снижению нагрузки на суды и сокращению деструктивности конфликта.

Предлагается внести изменение в статью 18 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», «Рассмотрение споров, возникающих между супругами при расторжении брака (супружества)» изложить в следующей редакции: *«Споры относительно раздела общего имущества, выплаты средств на содержание нетрудоспособного супруга, а также несовершеннолетних детей, возникающие между супругами при расторжении брака (супружества), определения места жительства ребенка и порядка общения родителя с ребенком рассматриваются в судебном порядке, только после соблюдения обязательного досудебного порядка разрешения споров».*

4. Разработан и обоснован механизм досудебного конфликтологического консультирования по делам о расторжении брака, не относящимся к медиабельным. Доказано, что дела о расторжении брака, не предполагающие достижение медиативного соглашения, требуют применения особого формата досудебного воздействия, включающего конфликтологические беседы, консультирование и диагностику супружеских отношений, направленные на снижение конфликтности, защиту интересов ребёнка и формирование ответственности родителя.

В целях институционализации данного механизма предлагается статью 5-1 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» дополнить подпунктом 10), закрепляющим полномочия Центров поддержки семьи по проведению досудебного конфликтологического консультирования по делам о расторжении брака следующего содержания: *«Реализация мер государственной семейной политики, в том числе мер по сохранению брака и семьи, разрешению семейных конфликтов, включая проведение досудебного конфликтологического консультирования по делам о расторжении брака, направленного на снижение конфликтности, диагностику семейных отношений и защиту интересов несовершеннолетних детей».*

5. Эффективным механизмом разрешения семейных споров является сопровождение семьи на всех стадиях судопроизводства с оказанием консультативной, психологической поддержки с разъяснением правовых последствий. В связи с этим предлагается создание «Центра семейного сопровождения» при семейных судах как автономных сервисных структур досудебного урегулирования споров. Основной целью Центра является поддержка семей посредством предоставления психологической помощи, консультативно-правовой, социальной помощи, координации взаимодействия с

государственными органами и организациями. В отличие от существующих областных центров поддержки семьи, предлагаемые Центры семейного сопровождения специализируются на спорах о детях, обеспечивают досудебное урегулирование споров, медиативное, психологическое, социальное и информационное сопровождение сторон, координируют взаимодействие государственных органов и НПО при полном сохранении независимости суда.

6. Учитывая специфику рассмотрения дел в ювенальных судах, предусматривающих: обязательное участие и явку сторон и других лиц в суде (в режиме офлайн); рассмотрение дел по месту проживания ребенка; с привлечением представителя органа, опеки и попечительства того региона (города, района), в котором проживает ребенок; проведение психологических исследований по месту жительству ребенка; назначение обследования жилищно-бытовых условий родителей, опрос и обязательное участие в судебном заседании самого несовершеннолетнего ребенка (в порядке ст.62 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье»). Передача дел, подсудных одному региону специализированному суду другого региона противоречит принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст. 3 Конвенции ООН о правах ребёнка). Также согласно разъяснений Верховного Суда РК по спорам о расторжении брака и определении места жительства детей запрещено направление дел по правилам экстерриториальной подсудности.

В связи с этим считаем необходимым внести изменения в третий абзац пункта 3 статьи 27 ГПК РК изложить в следующей редакции: *«Гражданские дела по спорам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних, за исключением дел, подсудных районным (городским) судам, находящимся в пределах городов республиканского значения и столицы, областных центров, не передаются по правилам экстерриториальной подсудности».*

Теоретическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что материалы исследования можно использовать в учебном процессе для преподавания дисциплин: «Гражданское право Республики Казахстан», «Семейное право Республики Казахстан», «Гражданское процессуальное право Республики Казахстан», элективных курсов по альтернативным способам разрешения семейно-правовых споров, а также для разработки учебно-методических пособий по семейному праву и семейно-брачному законодательству. Кроме того, полученные теоретические результаты могут быть использованы в будущем при проведении научного исследования по вопросам разрешения споров, вытекающих из семейно-брачных отношений.

Практическая значимость исследования состоит в том, что разработанные в диссертации положения и рекомендации могут быть использованы в правотворческой деятельности для совершенствования семейного и гражданского процессуального законодательства, также в практической деятельности суда, адвокатов, медиаторов. На текущий момент составлены акты о внедрении результатов научного исследования в рамках темы диссертации в практическую деятельность Карагандинского областного

суда (Приложения Б, В), Специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области (Приложение Г), в учебный процесс юридического факультета НАО Карагандинского национального исследовательского университета им. академика Е.А. Букетова (Приложение Д).

Апробация исследования. Основные выводы диссертационного исследования опубликованы в 12 научных статьях, из них 1 статья в международном рецензируемом научном журнале, 4 статей в научных изданиях, включенных в Перечень научных изданий, рекомендуемых для публикации основных результатов научной деятельности, 7 статей в сборниках материалов международных научно-практических конференции.

Структура и объем диссертации отвечают целям и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, трех разделов, заключения, списка использованных источников, приложений.

1 Теоретико-правовые основы разрешения семейных споров

1.1 Исторические аспекты становления и развития национального законодательства в сфере разрешения семейных споров

История регулирования семейных споров демонстрирует эволюцию представлений общества о природе семьи, распределении внутрисемейной власти и пределах вмешательства государства в семейные отношения. На протяжении длительного периода механизмы урегулирования конфликтов развивались от обычного и религиозного контроля к формализованным юридическим процедурам и современным моделям альтернативного урегулирования. Эволюция механизмов разрешения семейных споров представляет собой сложный, многоуровневый процесс, отражающий не только изменение правовых норм и институтов, но и глубокую трансформацию социального уклада, моделей семьи, представлений о браке, роли женщины, статусе ребёнка и пределах вмешательства государства во внутрисемейную сферу. Анализ исторического материала показывает, что способы урегулирования семейных конфликтов на протяжении веков развивались в логике смены общественно-экономических формаций и соответствующих им правовых механизмов: от общинно-патриархальных форм примирения к религиозно-нормативным установлениям, от государственно-правового вмешательства к комплексным междисциплинарным подходам, ориентированным на восстановление нарушенных отношений и защиту наилучших интересов ребёнка.

В ранних обществах разрешение семейных конфликтов основывалось на обычаях и религиозных нормах. Родовые советы и старейшины выполняли функции арбитров, обеспечивая обязательный для сторон результат, воспринятый как справедливый. Уже Законы Хаммурапи (XVIII в. до н.э.) содержали детальную регламентацию брака, имущественные последствия семейных отношений, что свидетельствует о появлении первых форм правовой предсказуемости [13]. Сходные по структуре нормы закреплялись в законах Ману и иных источниках сакрального права [14].

В этот период прослеживаются ключевые тенденции, предопределившие дальнейшее развитие механизмов урегулирования семейных споров: приоритет примирения над наказанием, авторитетные посреднические функции старейшин, отсутствие формализованных процедур, высокий уровень морально-нравственного регулирования, постепенное правовое оформление брачно-семейных норм. Эти особенности показывают, что изначально семейные споры рассматривались в логике социального восстановления, а не карательного воздействия – что является архетипом для современной медиации.

Для этой модели характерно сочетание юридизованных предписаний с нравственно-религиозным подходом: семейный конфликт воспринимался как

отклонение от нормы поведения, требующее восстановления гармонии, что формировало предпосылки примирительных процедур.

В античных государствах семейные споры постепенно переходят в сферу публичной компетенции. Особое значение имеет римское право, сформировавшее концептуальные основы юридизации семейных отношений. Институты pater familias, формы брака (cum manu и sine manu), приданое, правовой статус жены и детей – подробно исследованы романистами. Как отмечал В.М. Хвостов, часть семейных конфликтов разрешалась в преторском судопроизводстве, тогда как значительное число споров урегулировалось внутрисемейно, решением главы рода [15]. Римское право впервые создало бинарную модель: судебная защита семейных прав сосуществовала с авторитетным посредничеством, что предопределило дальнейшее развитие дуализма «судебные – внесудебные» формы разрешения споров.

В средневековой Европе ведущую роль играло каноническое право, определявшее недопустимость расторжения брака, регламентацию брачных отношений и моральную оценку поведения супругов. Церковные суды сочетали юрисдикционные и примирительные функции, стремясь к сохранению брака. Переход к светской модели регулирования связан с кодификациями Нового времени, прежде всего с Французским гражданским кодексом 1804 г., закрепившим государственный характер брака, институт расторжения брака и имущественный режим супругов. Именно эта кодификация оказала системообразующее влияние на развитие европейского семейного права.

Во второй половине XX века международно-правовые стандарты (прежде всего Конвенция о правах ребёнка 1989 г.) обусловили трансформацию национальных семейных систем: приоритет интересов ребёнка, развитие специализированных органов, внедрение психологического сопровождения, медиации и восстановительных практик. Во многих государствах были созданы семейные суды, ориентированные на междисциплинарный подход.

История регулирования семейных отношений на территории Казахстана имеет свои особенности. Казахское обычное право и институт суда биев формировали самостоятельную модель урегулирования споров. По справедливому замечанию С.З.Зиманова, казахское обычное право представляло собой «неписаное право», основанное на устойчивых институтах и кратких нормативных изречениях [16]. Суд биев, опираясь на адат и законодательные установления ханов («Жаргы Касыма», «Есім ханның ескі жолы», «Жеті жарғы» Тауке-хана), обеспечивал рассмотрение широкого круга семейных дел [17]. Исследователи отмечают его принципы: справедливость, беспристрастность, публичность, ориентацию на примирение сторон, высокий уровень правовой культуры и риторики судей [18]. Эта система сочетала элементы правосудия и медиации, сохраняя для современности ценную традицию договорного и примирительного подхода.

Национальное законодательство в сфере разрешения семейных споров прошло долгий путь от традиционных (обычных) норм к современным правовым институтам. Исторические формы регулирования семейных споров в

Казахстане отражали особенности правовой системы в разные периоды (обычное право, шариат, советское законодательство, современное право). Изменение правовых подходов к семейным спорам находилось в зависимости от социально-экономических и политических условий (колониальная политика, советская унификация, постсоветская модернизация).

Исторически в Казахстане были развиты внесудебные способы урегулирования семейных конфликтов (институты биев, посредничество родственных и общественных структур). Суд биев представляет собой уникальный институт традиционного права казахского общества, который объединял правовые, культурные и моральные аспекты. Его специфика заключалась в гибкости, авторитетности, а также в способности адаптироваться к нуждам общества, сохраняя при этом ключевые принципы справедливости.

В дореволюционный период семейные отношения регулировались сочетанием религиозного, светского и обычного права. После 1917 г. произошло резкое секуляризирование семейной сферы. Кодекс 1918 г. установил гражданскую форму брака и упростил расторжение брака, что вызвало теоретические дискуссии о стабильности брака. В дальнейшем советская модель усилила роль государства в семейных отношениях, усложнила бракоразводные процедуры, одновременно закрепив равноправие супругов. Наиболее распространёнными категориями споров стали дела о расторжении брака, месте жительства ребёнка, порядке общения, алиментах, лишении родительских прав. Разрешение семейных споров фактически осуществлялось преимущественно в судебном порядке, альтернативные процедуры отсутствовали.

После распада СССР Казахстан сформировал собственную модель регулирования семейных отношений, сочетая советское наследие, международные стандарты и национальные традиции. Постепенное внедрение медиации (Закон РК «О медиации» 2011 г.), развитие органов опеки, психологических служб, примирительных процедур создают современную основу для поиска оптимальной модели разрешения семейных споров.

К числу типичных семейных дел, рассматривавшихся судом биев, относились брачные конфликты, споры о размере и возврате калыма, обеспечении бывшей жены и детей, определении места проживания ребёнка после расторжения брака, а также вопросы наследования, содержания родителей и восстановления нарушенной чести семьи. Решения формировались на основе норм адата, религиозных предписаний и устоявшихся общественных представлений о справедливости. Существенным элементом такой модели являлось стремление сохранить социальное равновесие рода, предотвратить эскалацию конфликта и обеспечить экономическую устойчивость сторон. Как отмечал С.З.Зиманов, суд биев представлял собой форму правосудия, максимально интегрированную в общественную структуру и опирающуюся на морально-нравственные ценности, тесно переплетённые с правовыми началами [16].

Таким образом, суд биев не имел строгих процессуальных правил. Рассмотрение дел происходило в неформальной обстановке, что позволяло учитывать обстоятельства каждого случая индивидуально. Это обеспечивало быстрое принятие решений и минимизировало бюрократические препятствия.

Высочайшее значение и влияние личности бия, что являлось сутью правосудия. Главной основой суда была личность бия. Би являлся не только судьёй, но и мудрым наставником, посредником, который пользовался непререкаемым уважением. Его авторитет строился на глубоких знаниях адата (традиционного права) и шариата; высоком моральном облике; умении говорить убедительно и решать сложные конфликты.

Роль суда биев, как проявление социальной справедливости и проводником примирительных функций. В отличие от современных судов, ориентированных на строгое исполнение закона, суд биев акцентировался на достижении общественного согласия. Решения биев учитывали не только нормы права, но и моральные устои, обычаи и интересы общины, что способствовало социальной гармонии. Основой деятельности суда биев была идея примирения сторон. В традиционном казахском обществе споры рассматривались не только как индивидуальные конфликты, но и как потенциальные угрозы для общественного порядка.

Примирительная процедура включала в себя не только юридические аргументы, но и использование убеждения, этических норм и культурных ценностей. Бии часто выступали не как судьи в современном понимании, а как посредник, способный восстановить мир и согласие между сторонами.

Реалистичная гласность и гарантированная публичность для казахского общества имела определяющее значение. Заседания суда биев проводились открыто, в присутствии членов общины. Это создавало условия для общественного контроля и повышало доверие к принимаемым решениям. Принципы справедливости и мудрости демонстрировались публично, укрепляя доверие народа. Бии стремились восстановить не только правовые отношения, но и социальные и моральные связи между сторонами. Это особенно важно в конфликтах между родственниками или соседями, где целью было сохранить мир в общине.

Суд биев рассматривал широкий спектр дел, каждое решение выносилось с учётом как обычаев, так и обстоятельств конкретного дела, что позволяло избегать несправедливости и жёсткости, свойственных формальному праву.

Специфика суда биев остаётся актуальной и сегодня, особенно в контексте развития медиации и альтернативного разрешения споров. Принципы суда биев – примирение, учет интересов обеих сторон и восстановление социальной гармонии – могут служить примером для современных правовых систем, стремящихся к гуманизации судебного процесса. Суд биев – это не только исторический феномен, но и наследие, которое демонстрирует уникальный подход к разрешению споров, соединяющий право, мораль и социальную справедливость[19].

Современные исследователи (Н.С. Ахметова, А.В. Турлаев и др.) подчёркивают, что принципы деятельности суда биев – приоритет примирения, гибкость процедур, учёт социального контекста и интересов общины – демонстрируют значительное сходство с концептуальными подходами медиации и иных альтернативных процедур урегулирования споров [20]. Это позволяет рассматривать бийское правосудие как историко-правовой прототип примирительных практик, ориентированный на восстановление отношений, а не на репрессивное вмешательство.

Суд биев в традиционном казахском праве выполнял не только юрисдикционную, но и важную социально-примирительную функцию. Он обеспечивал разрешение споров посредством убеждения, апелляции к нравственным нормам и авторитету бия как носителя правовой и моральной компетентности. Примирительный характер деятельности суда, его публичность и ориентация на гармонизацию социальных отношений позволяют рассматривать этот институт как раннюю форму восстановительного правосудия. В современных условиях данные принципы приобретают новое значение в контексте развития семейной медиации и гуманизации семейного судопроизводства[21].

На рубеже XX–XXI веков развитие семейно-брачного законодательства Казахстана определяется несколькими ключевыми тенденциями: институционализацией специализированных ювенальных судов, расширением сферы применения медиации, внедрением механизмов психологического консультирования, а также цифровизацией отдельных процедур, включая подачу заявлений о расторжении брака и взыскании алиментов. Современное регулирование демонстрирует отход от исключительно судебной модели и движение к комбинированному механизму, включающему судебные, административные и альтернативные способы урегулирования семейных споров.

Историческая эволюция подходов (от обычного и религиозного права к кодифицированным советским и постсоветским формам) свидетельствует о постепенном переходе к многоуровневой системе разрешения семейных конфликтов, основанной на сочетании формальных и неформальных процедур. Для Казахстана особенно значимо то, что традиция примирительного правосудия, восходящая к суду биев, сохраняет культурную и правовую ценность и служит концептуальной основой для развития современных примирительных институтов, включая медиацию, семейные центры и досудебные консультации. Эта историко-правовая преемственность позволяет обосновать необходимость интеграции гуманистических и восстановительных механизмов в современную правовую модель разрешения семейных споров.

Принятие Закона РК «О браке и семье» 1998 г. и последующее введение КоБС РК 2011 г. закрепили новые подходы к урегулированию семейных конфликтов, ориентированные на усиление правовой защиты детей, развитие договорных начал, создание механизмов взаимодействия суда, органов опеки и иных субъектов семейных отношений [22]. Посткодификационный этап

характеризуется поиском баланса между судебными и внесудебными процедурами, а также стремлением адаптировать международные стандарты к национальной правовой культуре.

Современная правовая система Казахстана демонстрирует устойчивую тенденцию к комплексной модели разрешения семейных споров, где медиация, психологическое сопровождение и специализированные службы рассматриваются не как вспомогательные элементы, а как необходимые структурные компоненты правосудия, ориентированного на защиту интересов ребёнка и минимизацию конфликта. Гуманизация семейного судопроизводства, развитие специализированных институтов и интеграция восстановительных практик отражают современный этап эволюции национального законодательства и формируют основу для дальнейшего совершенствования правовых моделей урегулирования семейных споров.

Эволюция механизмов разрешения семейных споров показывает не только изменчивость правовых институтов, но и глубокую трансформацию социальной природы семьи. На протяжении веков менялись источники права, способы разрешения конфликтов, роль государства и общества, однако неизменным оставалось стремление к сохранению стабильности семейных отношений и предотвращению деструктивных последствий конфликта. Сравнительный анализ различных исторических этапов демонстрирует, что изменение правового регулирования всегда совпадало с трансформацией семейной модели, экономической структуры и идеологических представлений общества.

Прежде всего, прослеживается закономерность: чем выше степень юридизации семейных отношений, тем выше степень формализации разрешения споров, но одновременно – выше риск утраты гибкости и индивидуального подхода. Так, древние и традиционные правовые системы, включая казахское обычное право, характеризовались низким уровнем формализации, но высокой адаптивностью к обстоятельствам дела и возможностью учитывать моральные, культурные и психологические аспекты конфликтов. Именно поэтому институт биев стал одним из наиболее устойчивых в казахской правовой традиции: он позволял решать семейные споры быстро, авторитетно и приоритетно ориентируясь на социальную гармонию, а не на юридический прецедент.

В противоположность этому, европейская и российская правовые системы XIX–XX веков пошли по пути кодификации и институционализации семейного права. Это обеспечило правовую определённость (особенно в имущественных отношениях), но одновременно сделало семейные споры предметом жёстких, формализованных судебных процедур, что усилило расстояние между спором и его социально-психологическим контекстом. В советский период роль государства стала доминирующей, семейные отношения рассматривались в рамках идеологической модели, что ограничивало вариативность способов урегулирования конфликтов и практически исключало внесудебные формы взаимодействия.

Переход Казахстана к независимости и созданию собственного семейного законодательства привёл к формированию гибридной модели, сочетающей элементы советской системы, международных стандартов, европейских тенденций и национальных традиций. В этой модели суд по-прежнему играет ключевую роль, однако государственная политика постепенно ориентируется на смягчение судебной нагрузки и развитие альтернативных механизмов, включая медиацию, конфликтологическое консультирование и психологическое сопровождение семейных дел. Данная эволюция подтверждает общую мировую тенденцию: в странах, прошедших этапы модернизации семейного права (Канада, Австралия, Нидерланды), внедрение специализированных семейных судов, примирительных служб и психологов стало ответом на непродуктивность чисто судебной модели.

Особое значение в историко-правовом контексте приобретает идея комплексного характера семейного спора, объединяющего юридические, психологические и социальные аспекты.

На разных этапах истории этот комплексный характер реализовывался по-разному: в традиционных обществах через общинную солидарность, участие старейшин, моральные нормы; в религиозных правопорядках через сочетание канонического судопроизводства и догматических предписаний; в советский период через институционализированную систему государственных органов; в современную эпоху через специализированные и междисциплинарные механизмы, предполагающие взаимодействие юристов, психологов, медиаторов и социальных работников.

Такое развитие показывает, что семейные споры не могут быть урегулированы исключительно юридическими средствами, поскольку их сущность лежит на стыке права, психологии, социологии и культуры. Именно этот вывод позволяет обосновать необходимость комплексных правовых моделей.

Анализ становления и развития национального законодательства Казахстана в сфере разрешения семейных споров также демонстрирует важный вывод: традиционные практики примирения (суд биев) и современные альтернативные процедуры (медиация) имеют общую ценностную базу – ориентацию на согласие сторон, гибкость, учёт индивидуальных обстоятельств, предотвращение эскалации конфликта. Таким образом, развитие медиации в Казахстане имеет не только правовую, но и культурно-историческую легитимность, что усиливает аргументацию диссертации о необходимости интеграции медиации в государственную систему разрешения семейных споров.

Кроме того, исторический анализ показывает, что судебная модель, доминирующая в XX–XXI веках, не всегда обеспечивает достижение справедливости, особенно в делах с участием детей. В странах с развитой системой семейных судов судебное разбирательство интегрировано с психологическими и медиативными процедурами – то, что в Казахстане пока находится на стадии формирования. Данный историко-правовой контекст

позволяет обосновать необходимость перехода к интегрированной модели семейного правосудия, ориентированной на защиту наилучших интересов ребёнка, профилактику конфликтов и снижение психологического ущерба.

В целом, сопоставление различных исторических моделей позволяет сформулировать ряд аналитических положений, важных для выводов параграфа:

1. Развитие семейных споров всегда происходило параллельно с трансформацией общества;
2. Судебная модель является поздним и не всегда оптимальным инструментом урегулирования семейных конфликтов;
3. Традиционные институты суда биев обладают высоким примирительным потенциалом и соотносятся с современными ADR-практиками;
4. Международные тенденции указывают на необходимость междисциплинарных и гуманистических подходов;
5. Историко-правовой анализ подтверждает: эффективная модель разрешения семейных споров должна быть гибридной и комплексной.

Таким образом, историко-правовой анализ эволюции механизмов разрешения семейных споров позволяет выявить несколько устойчивых закономерностей.

Во-первых, трансформация семейно-брачного законодательства сопровождается постепенным переходом от доминирования обычных и религиозных регуляторов к кодифицированным формам светского права при одновременном сохранении примирительных практик.

Во-вторых, для казахстанской правовой традиции характерна изначальная ориентация на восстановление социальной гармонии и согласия сторон, наиболее ярко проявившаяся в институте суда биев, который по своей природе сочетал юрисдикционные и медиативные функции.

В-третьих, развитие современного семейного законодательства Республики Казахстан демонстрирует движение от исключительно судебной модели к комбинированному подходу, включающему судебные, административные и альтернативные механизмы урегулирования семейных конфликтов. Тем самым складывается историко-правовая основа для формирования комплексной национальной модели разрешения семейных споров, интегрирующей судебные процедуры, медиацию и иные гуманистически ориентированные механизмы профилактики и разрешения семейных конфликтов.

1.2 Правовая природа семейного спора и его классификация по законодательству Республики Казахстан

Прежде чем перейти к анализу понятия «семейный спор», необходимо определить содержание базовой категории семьи как объекта правового регулирования. В юридической науке и законодательстве семья традиционно рассматривается не только как социальная общность, но и как социальный институт, основанный на браке, кровном родстве либо усыновлении и

характеризующийся общностью быта, взаимной ответственностью, поддержкой и солидарностью.

С правовой точки зрения семья представляет собой круг лиц, связанных между собой как личными неимущественными, так и имущественными правами и обязанностями, основанием возникновения которых выступает факт заключения брака, происхождения по рождению либо принятия ребёнка на воспитание. Подобный подход позволяет перейти от узкого социологического понимания семьи к углублённому анализу структуры семейно-правовых связей, что имеет принципиальное значение для последующего исследования семейных споров.

Следует отметить, что в более ранних научных работах семья нередко рассматривалась как ограниченный круг лиц, объединённых исключительно брачными либо кровнородственными связями. Современное семейное право отходит от такого подхода, расширяя содержание понятия семьи и включая в него более сложные и многоуровневые социально-правовые связи. Данный подход нашёл нормативное закрепление в Кодексе Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье», согласно которому:

«Семья – круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака (супружества), родства, свойства, усыновления (удочерения) или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений» (п. 29 ст. 1 Кодекса) [22].

Юридическое содержание семейных отношений во многом определяется такими категориями, как родство и свойство.

Юридическое значение родства существенно выше, чем свойства, поскольку именно происхождение порождает устойчивую правовую связь между субъектами, сопровождаемую взаимными правами и обязанностями. Отношения свойства, напротив, носят более опосредованный характер и, как правило, не образуют самостоятельного комплекса прав и обязанностей, что обусловливает их менее значимую роль в регулировании семейных и смежных правоотношений.

Субъектами семейных отношений выступают лица, наделённые семейными правами и обязанностями. Сами семейные отношения представляют собой особый вид социальных отношений, возникающих в связи с заключением брака, созданием семьи, рождением и воспитанием детей, а также совместным приобретением имущества. Целостность и специфика данных отношений образуют предмет семейного права как самостоятельной отрасли права [23].

В современных условиях особое значение приобретает реабилитация института семьи, которая невозможна без эффективного и преимущественно мирного урегулирования конфликтов, возникающих в семейных отношениях. Именно в рамках семейных правоотношений наиболее часто возникают конфликты правового характера, тесно переплетённые с личными и эмоциональными связями субъектов. При этом специфика семейных споров заключается в том, что они нередко выходят за рамки чисто юридических

противоречий и затрагивают глубинные личные, психологические и социальные аспекты взаимодействия членов семьи.

В научной литературе последних лет всё более активно развивается направление, рассматривающее семейные споры через призму правовых противоречий. Данная концепция охватывает не только собственно правовые споры, но и смешанные конфликты, которые изначально возникают вне сферы формальных правоотношений, но по мере своего развития приобретают юридически значимый характер и трансформируются в семейно-правовые споры.

Доктрина семейного права последовательно подчёркивает, что семейные споры по своей природе носят комплексный характер, сочетая правовые, социальные и психологические элементы. В связи с этим их эффективное разрешение невозможно исключительно средствами судебной защиты и требует развития профилактических, примирительных и восстановительных механизмов [24].

Семейные конфликты, не урегулированные внутри семьи, трансформируются в семейные споры, разрешение которых предполагает участие третьих лиц в досудебном или судебном порядке.

В основе любого семейного спора лежит конфликт, защита же семейных прав и законных интересов осуществляется в юрисдикционной форме, включающей судебный, административный и внесудебный порядок защиты, в том числе посредством обращения к институту медиации. Вместе с тем в национальной практике приоритет по-прежнему отдаётся судебной защите в рамках гражданского судопроизводства, при том, что даже после разрешения спора конфликт нередко сохраняется.

Семейные споры отличаются высокой степенью эмоциональной напряжённости, поскольку возникают между лицами, имеющими значимую личную связь. Именно поэтому они относятся к числу наиболее острых конфликтов. Их разрешение и предупреждение предполагает использование широкого спектра правовых и внеправовых инструментов.

Следует отметить, что в юридической литературе отсутствует единое, общепризнанное определение понятия семейного спора. Учёные предлагают различные трактовки, исходя из причин возникновения конфликтов и способов их разрешения. Так, Толстиков О.М. определяет семейные споры как сложную категорию судебных дел, обладающую спецификой в правовом и психологическом аспектах [25]. Данное определение носит общий характер и не раскрывает субъектный состав, основания и содержание семейных споров.

Тасалян Л. относит к семейным спорам конфликты, возникающие вследствие расторжений брака, необходимости обеспечения попечительства над детьми, раздела имущества и случаев семейного насилия [26]. Однако в данном определении не раскрываются основания возникновения прав и обязанностей членов семьи.

По мнению Садыкова В.Р., семейные споры возникают тогда, когда члены семьи не могут урегулировать разногласия без обращения к органам

правосудия; при этом в делах, затрагивающих интересы детей, обязательным является участие органов опеки и попечительства, а также прокурора [27]. Вместе с тем данное определение раскрывает скорее процессуальный аспект, нежели сущность семейного спора.

Ахметов А.Д. рассматривает семейные споры как особую категорию дел, возникающих при заключении и расторжении брака и связанных с имущественными и нравственными вопросами, подчёркивая их эмоциональную сложность [28]. Однако данное определение нуждается в большей юридической точности.

Алиев Б.С. ограничивает семейные споры разногласиями между супругами по вопросам брака, расторжения брака, алиментов, имущества и детей [29], что, на наш взгляд, необоснованно сужает круг возможных субъектов семейного спора.

Толстикова О.М. подчёркивает социальную значимость семейных споров, указывая на их влияние на воспитание подрастающего поколения и общество в целом [25, с.70].

Анализ приведённых подходов позволяет сделать вывод о фрагментарности и неполноте существующих дефиниций. В этой связи представляется целесообразным сформулировать авторское определение понятия семейного спора и предложить его нормативное закрепление. С учётом изложенного предлагается дополнить ст. 1 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» п. 37 следующего содержания:

«Семейный спор – это юридически значимый конфликт между членами семьи, возникающий по поводу осуществления, нарушения или защиты субъективных семейных прав и обязанностей, выражающийся в объективированных разногласиях и требующий разрешения посредством специальных правовых или восстановительных процедур с участием компетентных третьих лиц при обязательном учёте интересов ребёнка».

Для более глубокого понимания сущности семейного спора необходимо раскрыть его правовую природу. Семейно-правовой спор представляет собой особую разновидность правового спора, возникающего в сфере брачно-семейных правоотношений и обусловленного конфликтом правовых позиций субъектов относительно содержания или способа реализации принадлежащих им субъективных семейных прав и обязанностей.

Правовая природа семейно-правового спора носит комплексный характер, сочетая элементы частного и публичного права. С одной стороны, спор возникает между формально равноправными субъектами и основан на принципах диспозитивности. С другой стороны, наличие императивных норм, приоритет интересов ребёнка, участие органов опеки и активная роль суда придают семейному спору публично-правовые черты.

Семейно-правовой спор затрагивает не только права сторон, но и охраняемые законом интересы третьих лиц, прежде всего несовершеннолетних детей, что выводит его за рамки классической двусторонней частноправовой конструкции. Дополнительной особенностью является высокая эмоциональная

и ценностная нагрузка, влияющая на эффективность традиционных юридических механизмов и обуславливающая необходимость использования альтернативных процедур.

Совокупность указанных характеристик позволяет выделить специфические признаки семейно-правового спора, а также его структурные элементы: субъектов, предмет, основание и устойчивые правовые позиции сторон, формирующиеся под влиянием как норм права, так и фактических обстоятельств семейной жизни.

Объектом правовой защиты в семейно-правовом споре выступают не только субъективные права сторон, но и охраняемые законом интересы, прежде всего интересы ребёнка, что придаёт данному виду споров повышенную социальную и публичную значимость. В отличие от большинства частноправовых конфликтов, семейно-правовой спор затрагивает сферу отношений, имеющих прямое значение для стабильности общества, демографической политики государства и формирования личности ребёнка. Именно поэтому семейные споры находятся в зоне повышенного внимания государства и подлежат специальному правовому регулированию.

В юридической литературе наряду с попытками определения понятия семейного спора неоднократно предпринимались усилия по систематизации споров, вытекающих из семейных правоотношений. Как правило, такая систематизация осуществляется путём выделения определённого критерия и построения соответствующих классификаций. Вместе с тем, несмотря на значительное количество научных публикаций, до настоящего времени в доктрине отсутствует устоявшееся и общепризнанное мнение относительно видового разграничения семейных споров, что свидетельствует о сложности и многоаспектности данного правового явления.

В научных исследованиях семейные споры традиционно классифицируются по различным основаниям, отражающим как их правовую природу, так и особенности субъектного состава и предмета спора. В частности, семейные споры подразделяются на следующие группы:

– споры, вытекающие из брачных отношений;

– споры, вытекающие из иных семейных отношений;

– споры, связанные с оспариванием актов гражданского состояния [30, с. 34].

В рамках брачных правоотношений семейные споры включают в себя:

– признание брака недействительным;

– расторжение брака в судебном порядке при отсутствии согласия одного из супругов;

– раздел совместно нажитого имущества супругов;

– определение долей при разделе совместного имущества;

– признание имущества супругов общей собственностью;

– признание брачного договора недействительным;

– изменение и расторжение брачного договора;

– обращение взыскания на имущество супругов [31, с.53].

Особое место в системе семейных споров занимают споры, в которых решается судьба несовершеннолетних детей, поскольку именно в них наиболее ярко проявляется публично-правовой элемент семейного права. К данной категории относятся:

– споры, связанные с реализацией родительских прав;

– установление происхождения детей;

– вопросы воспитания детей;

– отобрание детей у третьих лиц;

– возврат ребёнка родителям, удерживаемого без законных оснований или судебного акта;

– усыновление и отмена усыновления;

– взыскание алиментов;

– определение места жительства ребёнка при раздельном проживании родителей;

– определение порядка осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно;

– устранение препятствий к общению ребёнка с близкими родственниками;

– возврат подопечного опекунам (попечителям);

– лишение и восстановление родительских прав;

– ограничение родительских прав и отмена ограничений;

– установление и оспаривание отцовства (материнства);

– иные споры, прямо или косвенно затрагивающие интересы ребёнка.

Законодатель возлагает на суд обязанность рассматривать все дела, в которых затрагиваются права и законные интересы детей, с обязательным участием органов опеки и попечительства [31, с.55]. Данное положение отражает приоритет принципа наилучших интересов ребёнка и подчёркивает особый характер данной категории споров.

Следует отметить, что единой классификации семейных прав и, соответственно, семейных споров в Республике Казахстан в настоящее время не разработано. В научной доктрине представлены различные подходы, отражающие авторское видение структуры семейных правоотношений, однако они не получили нормативного закрепления. Представляется целесообразным разработать и закрепить такую классификацию в Кодексе РК «О браке (супружестве) и семье», дополнив статью 3 положением о видах семейных прав. Это позволило бы усилить охрану и защиту семейных прав в контексте реализации государственной семейной политики.

Охрана прав выражается в установлении общего правового режима и создании условий для их беспрепятственной реализации, тогда как защита предполагает применение специальных мер в случаях нарушения или оспаривания прав. В соответствии со статьёй 5 Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» к регулированию брачно-семейных отношений

применяется гражданское законодательство [22], что подтверждает комплексный характер правового регулирования данной сферы.

Классификация семейных споров по законодательству Республики Казахстан основывается на положениях Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье» и иных нормативных правовых актов. В зависимости от предмета спора семейные споры подразделяются на споры, связанные с личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями.

К числу личных неимущественных споров относятся:

– споры о расторжении брака;

– споры о признании брака недействительным (ст. 26–30 Кодекса);

– споры о месте жительства ребёнка (ст. 71 Кодекса);

– споры об определении порядка общения с ребёнком (ст. 73 Кодекса);

– споры об ограничении или лишении родительских прав (ст. 74–76 Кодекса);

– споры об установлении или оспаривании отцовства (материнства) (ст. 47–51 Кодекса);

– споры о праве на воспитание и защиту ребёнка.

Имущественные семейные споры включают:

– раздел совместно нажитого имущества супругов (ст. 32 Кодекса);

– споры, связанные с брачным договором (ст. 39 Кодекса);

– споры об использовании имущества ребёнка (ст. 74 Кодекса);

– споры о праве на содержание (алименты) (ст. 138–152 Кодекса).

По составу участников семейные споры подразделяются на споры между супругами, между родителями и детьми, между иными родственниками, а также между физическими лицами и государственными органами (прежде всего органами опеки и попечительства).

По порядку рассмотрения семейные споры могут разрешаться:

– в судебном порядке;

– в административном или досудебном порядке;

– с использованием процедур медиации.

По характеру правоотношений выделяются имущественные и личные неимущественные споры, а по степени конфликтности – конфликтные и бесконфликтные, что имеет значение для выбора модели их разрешения.

Законодательство Республики Казахстан детально регламентирует семейные споры, однако их эффективное разрешение требует учёта не только юридических, но и социально-этических и психологических факторов. Многие семейные конфликты не могут быть исчерпаны исключительно правовыми средствами, что подчёркивает значение медиации и досудебных процедур.

Кроме того, современное семейное право сталкивается с новыми формами человеческих отношений, не всегда охватываемыми действующим законодательством, что приводит к появлению правовых пробелов и усложняет квалификацию семейных споров.

Как указывает к.ю.н., профессор М.Муканова «существует презумпция того, что все имущество, приобретенное в течение брака относится к общей собственности. Из этой презумпции вытекает, что лицо, требующее отнесения имущества, приобретенного в браке к категории общего не должно представлять никаких доказательств. Раздел имущества может быть произведен как в период брака, так и после его расторжения по требованию одного из супругов, общее имущество супругов может быть разделено по соглашению супругов, в случае спора раздел общего имущества супругов производится в судебном порядке» [32; 116].

Теоретическое осмысление правовой природы, структурных элементов и классификационных критериев семейно-правового спора приобретает практическую ценность лишь постольку, поскольку эти положения находят отражение в правоприменительной деятельности. Именно анализ практики позволяет выявить пределы применимости теоретических моделей и определить направления дальнейшего совершенствования системы разрешения семейных споров.

Споры, возникающие в сфере семейного права и подлежащие рассмотрению в судебном порядке, охватывают широкий круг правоотношений и отличаются многоуровневой структурой. К ним относятся как классические брачно-правовые конфликты (расторжение брака, признание брака недействительным), так и более сложные категории дел, затрагивающие правовой статус ребёнка и формы семейного устройства: установление режима раздельного проживания супругов, вопросы усыновления (удочерения), опеки и попечительства, определение места жительства ребёнка и порядка общения с ним, распределение финансовых обязанностей и имущественных прав, а также дела, связанные с семейно-бытовым насилием, жестоким обращением с детьми и ненадлежащим исполнением обязанностей по их воспитанию и содержанию.

Сложность указанных категорий споров обусловлена тем, что семейные правоотношения по своей природе предполагают необходимость соблюдения баланса прав и законных интересов всех членов семьи, включая лиц, которые могут не выступать формальными сторонами процесса, но фактически оказываются затронутыми последствиями спора. Семейные права и обязанности не могут быть произвольно ограничены или нарушены, поскольку они связаны с личным статусом субъектов, их жизненными обстоятельствами, воспитанием и развитием несовершеннолетних, а также сохранением или трансформацией семейных связей.

Вместе с тем при возникновении семейного конфликта между его участниками формируется противоречие правовых позиций и интересов, которое требует использования предусмотренных законодательством средств защиты нарушенных прав. Существенной особенностью семейно-правовых споров является то, что они нередко включают не только правовой компонент (оспаривание прав и обязанностей), но и конфликт ценностей, эмоций, социальных ролей, что влияет на динамику спора, поведение сторон и эффективность традиционных процессуальных средств.

Защита субъективных семейных прав может осуществляться как в судебном порядке, так и посредством иных форм, не запрещённых законодательством Республики Казахстан. Однако, несмотря на многообразие механизмов, на практике наиболее востребованным и доминирующим способом разрешения семейных споров остаётся именно судебная форма защиты, поскольку она обеспечивает принудительную силу итогового решения и формальную определённость правового статуса сторон. В рамках гражданского судопроизводства защиту семейных прав осуществляют супруги и бывшие супруги, родители и иные родственники, а в установленных законом случаях - государственные органы и иные уполномоченные субъекты, включая органы опеки и попечительства, призванные обеспечивать защиту прав и законных интересов несовершеннолетних.

В брачно-семейных отношениях суды рассматривают широкий перечень споров, включая расторжение брака.

Особое значение для характеристики судебной модели имеет вопрос о разграничении судебного и административного порядка расторжения брака. В Республике Казахстан предусмотрено два порядка расторжения брака: судебный и административный (через органы РАГС). Административный порядок является упрощённой формой расторжения брака.

Согласно ст. 17 КоБС РК брак может быть расторгнут органами РАГС при отсутствии общих несовершеннолетних детей и при отсутствии имущественных и иных претензий друг к другу. Данная конструкция преследует цель исключить ситуационные, импульсивные решения и направлена на обеспечение минимальной стабильности семейных отношений. В этой связи оформление расторжения брака в органах РАГС осуществляется спустя месяц после подачи заявления, что выполняет функцию своеобразного «периода охлаждения» и снижает риск непродуманного прекращения брака.

Административный порядок расторжения брака допускается также в случаях, когда один из супругов признан по судебному решению безвестно отсутствующим, недееспособным либо лишён свободы на срок более трёх лет [22]. Указанные ситуации отражают правовую конструкцию, при которой сохранение брака как фактической семейной связи становится невозможным по объективным причинам, а потому законодатель предусматривает упрощённую процедуру прекращения брачных отношений.

В свою очередь, судебный порядок расторжения брака применяется тогда, когда наличие семейного конфликта сопровождается спором относительно детей, имущества или иных юридически значимых обстоятельств. Брак расторгается судом, если существует спор между родителями об определении места жительства несовершеннолетних либо усыновлённых детей, об установлении порядка участия отдельно проживающего родителя в воспитании, а также о материальном содержании детей. В суде супруги разрешают также вопросы, связанные с разделом общего имущества, определяют порядок содержания нетрудоспособного нуждающегося супруга и иные производные требования.

В данном контексте целесообразно проиллюстрировать наиболее распространённые семейные споры через обращение к судебной практике, рассматривая её как эмпирическое отражение категорий семейно-правовых споров. Анализ судебной практики Республики Казахстан позволяет выявить устойчивые категории семейно-правовых дел, которые фактически формируют предмет судебного рассмотрения в сфере брачно-семейных правоотношений. Привлечение конкретных судебных кейсов направлено не на их детальный разбор, а на иллюстрацию типовых категорий дел, возникающих при разрешении семейных споров в судах на основании нормативно-правовых актов Республики Казахстан в области семейно-брачных отношений.

Судебная практика Республики Казахстан свидетельствует о том, что семейно-правовые споры охватывают широкий спектр категорий дел. Многообразие категорий, а также выявленные сложности правоприменения (в частности, нарушения правил подсудности, статистического учёта и процессуальные дефекты при принятии заявлений об усыновлении) подтверждают, что семейные споры относятся к числу наиболее сложных в гражданском судопроизводстве и требуют дифференцированного подхода к выбору правовой модели их разрешения. Указанные обстоятельства обусловливают необходимость их дальнейшего анализа, включая оценку институциональных механизмов, процедурных стандартов и межведомственного взаимодействия при защите интересов ребёнка.

В различных странах и правовых системах подходы к разрешению семейных споров демонстрируют значительное многообразие, что обусловлено как историко-культурными особенностями развития семейного права, так и различиями в правовых традициях (континентальная, англосаксонская, религиозно-правовая модели). Эти различия затрагивают не только содержание материально-правовых норм, но и процессуальные механизмы разрешения конфликтов, степень участия государства в семейных отношениях, а также роль суда и внесудебных институтов. Так, в одних юрисдикциях при разделе имущества супругов применяется формально-равный подход, основанный на презумпции равенства долей, в то время как в других приоритет отдается принципу справедливости, учитывающему вклад каждого из супругов, их экономическое положение и интересы детей. Аналогичным образом вопросы опеки и воспитания детей решаются с различной степенью усмотрения суда: от строго формализованных критериев до комплексной оценки семейной ситуации с участием психологов и социальных служб.

Указанная неоднородность правовых подходов существенно осложняет формирование универсального и абстрактного определения семейного спора, применимого ко всем правовым системам. Особенно остро данная проблема проявляется в условиях трансграничных семейных отношений, когда семейный конфликт затрагивает элементы иностранного права, вопросы признания и исполнения судебных решений, а также коллизионные нормы. В таких ситуациях семейный спор приобретает дополнительное измерение, выходя за рамки национального семейного законодательства и превращаясь в

комплексное частноправовое и процессуальное явление, что усиливает потребность в доктринальной ясности и гибкости правовых конструкций.

Не менее значимой является проблема разграничения семейных споров от иных категорий правовых конфликтов. В правоприменительной практике нередко возникают ситуации, при которых семейный конфликт переплетается с трудовыми, наследственными, обязательственными или жилищными правоотношениями. Например, требования о содержании одного из супругов могут быть связаны с его трудовым статусом и доходами, а споры о пользовании жилым помещением одновременно затрагивать нормы жилищного и семейного права. Аналогично, наследственные споры между членами семьи могут иметь выраженную семейно-правовую природу, однако формально рассматриваться в рамках гражданско-правовых институтов. Отсутствие чётких критериев разграничения влечёт риск неправильной квалификации спора, выбора неадекватной процессуальной формы и, как следствие, снижения эффективности судебной защиты.

Особую сложность представляет отсутствие унифицированной процедуры разрешения семейных споров. В зависимости от предмета и субъектного состава такие споры могут рассматриваться в порядке искового производства, особого производства, административных процедур либо с применением альтернативных форм урегулирования, включая медиацию. При этом выбор процедуры не всегда отражает реальную правовую природу спора. Так, формально бесспорные категории дел (например, расторжение брака по взаимному согласию или установление алиментных обязательств) могут сопровождаться скрытыми конфликтами, затрагивающими интересы детей и требующими более сложных восстановительных механизмов. В то же время судебная процедура, ориентированная на установление юридических фактов, не всегда позволяет эффективно реагировать на динамику семейного конфликта и его психологическую составляющую.

Дополнительные сложности связаны с трансформацией современных семейных отношений и появлением новых форм семейной жизни, которые традиционное семейное законодательство не всегда способно адекватно охватить. Расширение практики суррогатного материнства, изменение гендерной идентичности одного из супругов, фактическое сожительство без регистрации брака, участие третьих лиц в воспитании ребёнка – все эти явления порождают новые типы семейных конфликтов, не имеющих однозначного правового решения. Отсутствие нормативной определённости в таких случаях приводит к правовым пробелам и усиливает роль судебного усмотрения, что, в свою очередь, повышает риск неоднородности правоприменения [33].

Таким образом, проблемы правового определения семейного спора обусловлены не только многообразием социальных форм семьи, но и структурной сложностью самого семейного конфликта как правового явления. Для преодоления указанных трудностей требуется дальнейшее развитие семейного законодательства, направленное на формирование более гибких и адаптивных правовых конструкций, способных учитывать современные

социальные реалии и обеспечивать баланс между юридической определённостью и защитой уязвимых участников семейных отношений.

В этой связи семейно-правовой спор следует рассматривать как сложное и многоуровневое правовое явление, обладающее самостоятельной правовой природой, совокупностью специфических признаков и внутренней структурой. Именно данные особенности обусловливают невозможность применения к семейным спорам унифицированных и формально-нейтральных моделей разрешения конфликтов и предопределяют необходимость анализа различных правовых моделей, ориентированных на специфику семейных правоотношений и приоритет защиты интересов ребёнка.

Семейно-брачные споры в Республике Казахстан преимущественно разрешаются в рамках судебной модели, ориентированной на установление юридически значимых фактов и применение императивных норм семейного законодательства. При этом суд, как правило, сосредотачивается на формально-правовых аспектах прекращения брака, определения алиментных обязательств или изменения правового статуса супругов, тогда как причины семейного конфликта, его социально-психологическая динамика и возможности трансформации конфликтных отношений остаются за пределами судебного рассмотрения.

С учётом изложенного можно сделать вывод, что судебная модель разрешения семейных споров, безусловно, обеспечивает юридическую определённость и формальную защиту нарушенных прав, однако по своей природе ориентирована преимущественно на ретроспективную оценку сложившихся обстоятельств и формальное завершение правоотношений. Особенно наглядно это проявляется в делах о расторжении брака и разделе имущества, где судебное решение, как правило, фиксирует факт распада семьи, не устраняя глубинных причин конфликта и не предотвращая возникновение последующих споров.

Указанные обстоятельства объективно обусловливают необходимость обращения к иным правовым моделям разрешения семейных споров, направленным не только на формальное восстановление нарушенных прав, но и на снижение конфликтности, защиту интересов ребёнка и предупреждение повторных конфликтов. В этой связи дальнейший анализ правовых моделей разрешения семейных споров предполагает сопоставление судебной модели с альтернативными и смешанными формами урегулирования, включая медиацию и иные примирительные процедуры, что позволит выявить их потенциал и пределы применения в национальной правовой системе.

Таким образом, мы пришли к выводу, что понятие семейного конфликта шире, чем понятие семейного спора. Понятие семейного спора имеет правовую природу, является юридическим конфликтом. К сожалению, в отечественной теории гражданского процессуального права, в действующем гражданско-процессуальном законодательстве отсутствует дефиниция понятия семейного спора. В связи с этим предлагается следующее авторское определение: «Семейный спор - это юридический конфликт между членами семьи,

возникающий по поводу осуществления, нарушения или защиты субъективных семейных прав и обязанностей, выражающийся в объективированных разногласиях и требующий разрешения посредством специальных правовых или восстановительных процедур с участием компетентных третьих лиц».

1.3 Международно-правовые стандарты в сфере разрешения семейных споров

Знание международно-правовых подходов к регулированию семейных отношений и разрешению семейных споров имеет ключевое значение для формирования современной национальной модели защиты семьи. Именно международные стандарты позволяют выявить универсальные тенденции развития семейного права, определить базовые ценности (равноправие, автономия воли, защита ребёнка), а также установить требования к правосудию, участвующему в разрешении семейных конфликтов. По мнению автора, обращение к международным актам является не только теоретически значимым, но и практически необходимым, поскольку позволяет выявить несоответствия национальной практики современным требованиям и определить направления её модернизации.

Международные стандарты в сфере семьи, брака и детства формировались под воздействием актов универсального и регионального характера, прежде всего документов ООН, Совета Европы и Гаагской конференции по международному частному праву. На основании этих документов выработаны ключевые принципы: автономия воли супругов при заключении и расторжении брака, равноправие мужчин и женщин, приоритет интересов ребёнка, необходимость предотвращения насилия в семье, обеспечение участия ребёнка в процедурах, затрагивающих его судьбу, а также развитие международного сотрудничества при трансграничных семейных спорах.

Всеобщая декларация прав человека (ВДПЧ) и её влияние на семейное законодательство РК.

ВДПЧ 1948 года является фундаментальным источником, повлиявшим на современную доктрину семейного права. Статья 16 закрепляет базовые ориентиры: свобода вступления в брак, добровольность, равноправие супругов. Считаем, что именно эти положения предопределили концептуальную основу законодательств большинства стран мира, включая Казахстан[34].

Имплементация принципов ВДПЧ прослеживается в нормах Кодекса:

– добровольность брака (ст. 11 Кодекса),

– равноправие супругов в личных и имущественных отношениях (ст. 39),

– признание семьи основной ценностью общества (ст. 1),

– особая защита материнства и детства (ст. 62) [22].

Однако, как справедливо отмечается в научной литературе, влияние Декларации носит рамочный характер: она задаёт направление, но не формулирует конкретных механизмов урегулирования семейных споров. По

мнению автора, именно отсутствие детализированных процедур в универсальных актах ставит перед национальными правовыми системами задачу разработки самостоятельных, но соответствующих международным принципам моделей урегулирования – включая медиацию, восстановительные практики, участие психологов и социальных служб.

Защита от семейного насилия: международные ориентиры и казахстанская специфика.

Стандарты ВДПЧ, запрещающие жестокое обращение и дискриминацию, получили развитие в национальном праве через принятие Закона РК «О противодействии семейно-бытовому насилию» (2024 г.) [35].

Автор считает закономерным, что Казахстан впервые перешёл от декларативного уровня к созданию специализированных механизмов защиты:

– усиление уголовной и административной ответственности,

– специальные меры защиты несовершеннолетних,

– институционализация центров поддержки семьи,

– расширение перечня деяний, посягающих на безопасность детей.

Однако, несмотря на прогресс, остаётся нерешённым вопрос о включении в систему защиты восстановительных механизмов, способных работать до эскалации конфликта. Неоднократно доказано, что без медиации, консультирования и участия психологов государственные карательно-защитные меры обеспечивают безопасность, но не устраняют первопричину конфликта. Эта проблема будет раскрыта автором в последующих параграфах.

Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП)

Статья 23 МПГПП [36] повторяет ключевые стандарты: защита семьи, добровольность брака, равенство прав супругов. В казахстанском законодательстве данные нормы нашли отражение в ст. 10–11, 19, 39 КоБС РК и соответствующих положениях УК РК о запрете принуждения к браку [22].

Однако, по мнению автора, МПГПП не раскрывает процедурную компоненту защиты прав супругов, оставляя существенные пробелы в вопросах:

– обеспечения равенства сторон в процессе разрешения спора,

– предотвращения психологического давления,

– доступа к бесплатной юридической помощи,

– участия третьих лиц (психологов, медиаторов) в целях снижения конфликтности.

Отсюда вытекает задача национального законодательства – обеспечить такие процессуальные условия, при которых принципы МПГПП приобретают не декларативный, а операциональный характер.

Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW): гендерное равенство в семейных отношениях и его казахстанская реализация.

CEDAW (1979 г.) нацелена на устранение дискриминации женщин, включая сферу брака и семьи [37]. Казахстан имплементировал её положения довольно полно (ст. 39, 32, 42, 43 КоБС РК), однако реальное равноправие

супругов в семейных спорах остаётся проблемным. По мнению автора, формальное равенство супругов в материальном праве не всегда сопровождается качественной защитой процессуальных прав, особенно в ситуациях экономической зависимости, психологического давления, отсутствия квалифицированной юридической помощи.

Отсутствие обязательной медиации, семейных центров сопровождения и ранней профилактики делает защиту, предусмотренную CEDAW, неполной. Именно это противоречие между нормативным равноправием и процессуальным неравенством должно стать одним из ключевых аргументов в пользу модернизации механизмов разрешения семейных споров.

Конвенция о правах ребёнка (КПР) и её влияние на семейное право Казахстана

КПР (1989 г.) сформировала глобальный стандарт защиты детей, определив ребёнка не объектом защиты, а самостоятельным участником правоотношений, обладающим правом голоса [38]. Это принципиальный сдвиг, оказавший фундаментальное влияние на национальные семейные системы большинства стран.

Казахстан имплементировал положения КПР в Закон «О правах ребёнка» и КоБС РК (ст. 62, главы 3–7) [22]. Однако, практическая реализация принципа наилучших интересов ребёнка требует:

– участия психологов в судах,

– обязательного учёта мнения ребёнка,

– усиления органов опеки,

– реформирования судебных процедур,

– внедрения медиации, учитывающей мнение ребёнка.

По мнению автора, именно несоответствие между нормами и их практическим применением создаёт главные проблемы правоприменения по семейным делам.

Гаагская конвенция 1980 г. обязывает государство обеспечивать срочное возвращение незаконно вывезенных детей [39], а Конвенция 1993 г. регулирует межгосударственное усыновление [40].

Участие Казахстана в этих конвенциях привело к внедрению специальных процедур международного сотрудничества, но выявило проблемные зоны:

– недостаточное взаимодействие между судами и органами опеки,

– отсутствие психологического сопровождения ребёнка в трансграничных процедурах,

– нерегулярность участия медиаторов,

– затруднённую коммуникацию между компетентными органами.

Автор полагает, что именно Гаагские стандарты демонстрируют необходимость комплексной модели работы с семьёй, объединяющей право, психологию и медиацию – подход, который впоследствии будет обоснован как основа авторской модели.

Гаагские конвенции 1980 и 1993 годов заложили основу международного сотрудничества государств по вопросам трансграничных семейных споров,

особенно затрагивающих детей. Казахстан, присоединившись к этим соглашениям, обязался внедрять механизмы оперативного реагирования на незаконное перемещение детей, обеспечивать взаимодействие между центральными органами, судами и органами опеки, а также формировать комплексные процедуры семейного сопровождения при межгосударственных усыновлениях. На практике участие в Гаагских конвенциях не только расширило международные обязательства государства, но и выявило ряд структурных проблем правоприменения: недостаточную подготовку судей и специалистов органов опеки по трансграничным делам, отсутствие единой методологии оценки интересов ребёнка, нехватку квалифицированных медиаторов, владеющих международными стандартами. В этой связи можно утверждать, что имплементация международных норм должна сопровождаться институциональными реформами и развитием профессиональных компетенций.

Анализ зарубежной правоприменительной практики показывает, что эффективность реализации международных стандартов зависит от сочетания правовых механизмов и комплексной междисциплинарной модели сопровождения семейных споров. Так, в странах ЕС (Германия, Нидерланды, Дания) значительную роль играет участие социальных служб, психологов и семейных консультантов в процессе урегулирования споров. В Германии функционируют ювенальные и семейные суды, где обязательным является участие специалистов Jugendamt, обеспечивающих оценку условий жизни ребёнка, его психологического благополучия и возможности совместного воспитания после расторжения брака. Эта модель демонстрирует целостный подход: правовой механизм не ограничивается рассмотрением дела, а включает социально-психологическую экспертизу и медиацию как обязательный этап.

В странах англосаксонской правовой системы (Великобритания, США, Канада, Австралия) семейные споры регулируются в рамках специализированных семейных судов, где акцент делается на примирительные процедуры и обязательные консультации. В Великобритании введён обязательное медиационное информационно-оценочное собрание (MIAM), на котором стороны получают информацию о преимуществах медиации как альтернативного способа урегулирования спора до обращения в суд [41]. Австралийская модель строится вокруг Family Relationship Centres, выполняющих роль центров семейного сопровождения, где семья получает юридическую, психологическую и медиативную поддержку. Анализ показывает, что именно интеграция правовых норм с социальными услугами существенно снижает количество судебных разбирательств, повышая уровень исполнения соглашений после медиации.

Следовательно, международные стандарты в сфере защиты семейных прав требуют системного подхода к урегулированию семейных конфликтов. В странах, где такая система развита комплексно, наблюдается снижение уровня судебной нагрузки и повышение удовлетворённости сторон результатами процедур. По мнению автора, зарубежные практики демонстрируют важность не только правового регулирования, но и институционального обеспечения –

создания специализированных служб, центров поддержки семьи, психологических подразделений, что обеспечивает реальное, а не формальное воплощение принципа приоритета интересов ребёнка.

Анализируя имплементацию международных стандартов в Казахстане, следует отметить, что законодательство достаточно полно отражает ключевые принципы ВДПЧ, МПГПП, CEDAW и КПР. Однако, национальная правоприменительная практика сталкивается с трудностями институционального характера. Например, органы опеки и попечительства зачастую имеют ограниченные ресурсы и недостаточную подготовку для качественного участия в делах о месте жительства ребёнка, что снижает объективность принимаемых решений. Судебная система сохраняет черты классической модели состязательного процесса, который не всегда ориентирован на восстановление отношений между родителями и защиту психологического состояния ребёнка.

Кроме того, международные стандарты предполагают активное участие ребёнка в решении вопросов, затрагивающих его интересы, однако на практике казахстанские суды не всегда соблюдают эту норму. Отмечается, что мнение ребёнка формально учитывается лишь при наличии заключений психологов или соответствующего возраста ребёнка, в то время как международная практика (Германия, Норвегия, Швеция) допускает гибкие формы участия ребёнка – через видеозаписи, беседы со специалистами, посредников и консультантов. Это свидетельствует о необходимости совершенствования процессуальных механизмов участия ребёнка в суде, в том числе с применением специальных детских комнат и «дружелюбных» методик интервьюирования.

По мнению автора, международно-правовые стандарты в полной мере смогут реализоваться в Казахстане только при наличии специализированной инфраструктуры семейного правосудия, включающей:

– семейные суды и семейные судьи;

– обязательные консультации и медиацию при семейных спорах;

– профессиональных медиаторов, подготовленных по международным стандартам;

– психологические службы при судах;

– центры семейного сопровождения;

– методологии оценки интересов ребёнка;

– межведомственное взаимодействие судов, органов опеки, полиции и социальных служб.

Этот вывод подтверждается сопоставлением зарубежных моделей: правовые нормы эффективны только тогда, когда они встроены в институциональную систему, способную сопровождать семью на всех этапах конфликта.

Целостный анализ международных стандартов показывает, что современная тенденция заключается в переходе от сугубо юридической модели к интегрированной системе урегулирования семейных споров, где ключевым

элементом является восстановительный подход, ориентированный на сохранение отношений, снижение конфликтности, защиту психологического благополучия ребёнка и стабилизацию семьи после расторжения брака.

Закон Республики Казахстан «О правах ребёнка» 2002 года, основанный на положениях Конвенции ООН о правах ребёнка и учитывающий нормы МПГПП и CEDAW, формирует комплексную нормативную основу для защиты прав детей в Казахстане. Он закрепляет широкий спектр гарантий, направленных на обеспечение физической, психологической и социальной безопасности ребёнка, включая механизмы защиты от насилия, гарантии участия в процедурах, затрагивающих его интересы, и специальные формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Вместе с тем, по мнению автора, несмотря на высокий уровень материальной имплементации международных стандартов, национальное законодательство всё ещё нуждается в развитии процессуальных механизмов, обеспечивающих реальное, а не декларативное исполнение принципов Конвенции. К числу таких необходимых механизмов относятся усиление роли органов опеки, профессионализация психологического сопровождения, внедрение восстановительных моделей работы с семьями и системное применение медиации именно как семейной, а не общей посреднической процедуры.

Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (1980 г.) направлена на защиту детей от незаконного перемещения и удержания за пределами государства постоянного проживания. Документ устанавливает международно признанный механизм срочного возвращения ребёнка и минимизации ущерба, причиняемого разрывом семейных связей [39].

Казахстан присоединился к Конвенции в 2013 году, что потребовало институциональной адаптации национальной системы: создания Центрального органа (Генеральная прокуратура), установления специальных процессуальных сроков и порядка взаимодействия с иностранными юрисдикциями.

Основные положения Конвенции включают квалификацию незаконного перемещения как нарушения прав опеки, установленных в государстве постоянного проживания, обязанность государства обеспечить возвращение ребёнка в срок, не превышающий шести недель, ограниченный перечень исключений, связанных с риском причинения ребёнку серьёзного вреда, невозможностью обеспечить безопасность или явной несостоятельностью родителя, требующего возвращения [39].

Имплементация этих норм нашла отражение в ст. 76 КоБС РК (запрет вывоза ребёнка без согласия второго родителя), ст. 83 КоБС РК (обязательность учета международных договоров), ст. 165 КоБС РК (признание и исполнение иностранных решений) [22].

Думается, что присоединение к Гаагской конвенции 1980 г. стало важным этапом интеграции Казахстана в систему международного семейного права, однако практика её реализации демонстрирует ряд проблем: несогласованность действий судов и правоохранительных органов; недостаточную компетентность

органов опеки в трансграничных спорах; отсутствие механизмов медиации, применимых к международным делам. Международные стандарты предполагают восстановительный подход, ориентированный на снижение конфликтности между родителями; в Казахстане этот потенциал реализован лишь частично.

Для государств постсоветского пространства важное значение имеют Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 1993 г.) [42] и обновлённая Конвенция (Кишинёв, 2002 г.) [43].

Они обеспечивают взаимное признание судебных решений; упрощённое взыскание алиментов через компетентные органы; единый подход к вопросам опеки, усыновления и возвращения детей; возможность граждан обращаться в суды других государств-участников за защитой своих прав.

Нормы этих конвенций нашли отражение в ст. 165 и 203 КоБС РК [22], а также в главе 55 ГПК РК, регулирующей признание решений судов государств СНГ [44].

Автор полагает, что данные соглашения создают устойчивую базу международного сотрудничества в семейных делах, однако не содержат механизмов примирения, что ограничивает их потенциал в современных условиях. В частности, в делах о воспитании ребёнка или порядке общения нередко требуется не только формальное исполнение решений, но и восстановление нарушенных отношений между родителями сфера, в которой международные соглашения СНГ пока остаются недостаточно развитыми.

Международные стандарты семейной медиации закреплены в Рекомендациях Rec (98)1 Комитета министров Совета Европы и документах Гаагской конференции, в которых подчёркивают необходимость добровольного участия, нейтральности медиатора, обеспечения конфиденциальности, профессиональной подготовки медиаторов именно в сфере семейных отношений, приоритетной ориентации на интересы ребёнка[45].

Закон РК «О медиации» и ГПК РК содержат общие положения о примирительных процедурах [46], но, как справедливо отмечает ряд исследователей, в Казахстане отсутствует институциональная семейная медиация: нет отдельных стандартов подготовки, нет обязательного информационного этапа, нет интеграции медиации в судебный процесс. По мнению автора, национальная система в значительной степени отстаёт от международных рекомендаций, что снижает потенциал досудебного урегулирования и увеличивает нагрузку на суды.

Международные стандарты противодействия семейному насилию закреплена в Стамбульской конвенции (2011 г.), несмотря на неприсоединение Казахстана, фактически оказывает влияние на национальную политику через формирование мировых стандартов защиты женщин и детей [47]. Она закрепляет комплексный подход предупреждение насилия, защита жертв, уголовное преследование виновных, формирование государственной политики.

Допустимо утверждать, что международные стандарты демонстрируют важную тенденцию: семейное насилие рассматривается не как частный конфликт, а как нарушение прав человека. Следовательно, при разработке моделей разрешения семейных споров необходимо чётко разделять случаи, в которых медиация уместна, и те, где восстановительные процедуры недопустимы ввиду угрозы безопасности пострадавшего лица.

Гаагская конвенция 1996 г. о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений в области брака и опеки на детей, 1996, регулирует вопросы трансграничной опеки, порядка контактов, мер защиты детей, взаимодействия между компетентными органами разных государств [48].

В условиях увеличения числа трансграничных браков и повышенной мобильности граждан данная Конвенция приобретает особую значимость. Её имплементация в Казахстане идёт постепенно, но требует развития специальных процедур, включая психологическую диагностику, оценку привязанности ребёнка, участие медиаторов, владеющих знаниями межкультурной коммуникации.

В зарубежных юрисдикциях принцип участия ребёнка является не только юридическим требованием, но и важнейшим элементом современной модели child-friendly justice - дружественное к детям правосудие. Европейские стандарты, сформированные Комитетом министров Совета Европы, Европейским судом по правам человека и Гаагской конференцией, подчёркивают, что участие ребёнка в процедурах должно носить ненасильственный, добровольный и развивающий характер, а само мнение ребёнка рассматривается как значимый элемент установления фактической стороны дела. На практике это реализуется через институт специальных представителей ребёнка, детских адвокатов, независимых социальных служб. В некоторых странах (например, Нидерланды, Норвегия, Германия) действуют детские омбудсмены, которые могут участвовать в оценке споров об опеке и порядке общения.

Наиболее яркими примерами закрепления международных стандартов отражены в кейсах: Kutzner v. Germany (2002), реализация стандарта пропорциональности вмешательства государства, пределы изъятия ребёнка, приоритет семейных связей [49]. X v. Latvia (2013) баланс между Конвенцией 1980 г. (Гаага) и наилучшими интересами ребёнка, трансграничные споры, процессуальные гарантии. Neulinger and Shuruk v. Switzerland (2010), принцип «best interests of the child» -«наилучшие интересы ребёнка», критика формального применения международных механизмов, необходимость индивидуальной оценки [50].

Kutzner v. Germany, Neulinger and Shuruk v. Switzerland, X v. Latvia это классический «золотой треугольник» по семейным спорам и интересам ребёнка. В кейсе Kutzner отражены пределы вмешательства государства в семейную жизнь, в деле Neulinger приоритет best interests of the child - «наилучшие интересы ребёнка» над формальным применением международных обязательств, в X v. Latvia демонстрируют стандарты судебной процедуры и

необходимость индивидуальной оценки обстоятельств дела. Исходя из проведённого исследования, можно заключить, что континентальная правовая традиция давно признаёт ограниченность чисто судебного вмешательства в семейные отношения.

Как отмечает П. Вуарен, семейные и имущественные отношения супругов по своей природе «плохо поддаются исключительно судебному разрешению», поскольку они затрагивают не только правовой статус сторон, но и устойчивость личных и экономических связей, сложившихся в семье. В этой связи автор подчёркивает значение договорных и квазидоговорных механизмов, позволяющих учитывать волю сторон и особенности конкретной семейной ситуации, что соответствует континентальной традиции частного права [51].

Анализ практики Европейского суда по правам человека (Kutzner v. Germany, Neulinger and Shuruk v. Switzerland, X v. Latvia) позволяет сделать вывод о том, что современное международное право последовательно отходит от формально-юридического подхода к разрешению семейных споров, акцентируя внимание на индивидуальной оценке обстоятельств дела, пропорциональности вмешательства государства и приоритете наилучших интересов ребёнка. Данный подход коррелирует с доктринальными позициями континентальной правовой школы. Так, П. Вуарен подчёркивает, что семейные правоотношения по своей природе требуют гибких правовых механизмов, сочетающих судебную защиту с договорными и примирительными формами урегулирования, что позволяет минимизировать конфликтность и сохранить устойчивость семейных связей.

Анализ зарубежной доктрины и законодательства в сфере семейных отношений позволяет сделать вывод о наличии устойчивой мировой тенденции, заключающейся в постепенном отходе от исключительно судебной модели разрешения семейных споров в пользу комплексных, многоуровневых систем, сочетающих судебные, административные, договорные и примирительные механизмы.

Работы З. И. Ворониной [52], Е. А. Жилы [53], Е. Барковской [54], С.С. Глушенковой [55], И.А Андреевой [56], В.Г Яковлева[57], Измайлова В. В. [58], Бруггемайер Г., Коломби К. А., О’Каллахан П. [59], а также анализ законодательства европейских и латиноамериканских государств свидетельствуют о том, что современное семейное право всё в большей степени ориентировано на обеспечение автономии семьи, упрощение процедур расторжения брака при согласии сторон, приоритет защиты интересов ребёнка и развитие внесудебных форм урегулирования конфликтов.

Конституционные и законодательные реформы в Италии [60], Португалии [61], Испании [62], Ирландии [63], Аргентине [64], Колумбии [65] и ряде других государств подтверждают формирование восстановительной модели семейного правосудия, в рамках которой суд рассматривается как крайний механизм, а не основной способ разрешения семейных конфликтов.

Полагаем, что указанный опыт имеет особое значение для Республики Казахстан, где нормативная база участия ребёнка сформирована достаточно последовательно, однако процедурные механизмы пока остаются фрагментарными. Не регламентированы процессуальные гарантии, касающиеся условий опроса ребёнка, минимальных стандартов профессиональной подготовки специалистов, критериев допустимости использования заключений психологов. Это приводит к тому, что даже при наличии в КоБС РК норм, обеспечивающих учёт мнения ребёнка, их применение может быть непоследовательным. Следовательно, имплементация зарубежных подходов требует не только формального заимствования норм, но и институционального изменения системы – усиления психологических служб при судах, внедрения стандартов child-sensitive procedures, формирования единой методологии оценки интересов ребёнка.

По мнению автора, международно-правовые стандарты в сфере семьи и семейных споров формируют комплексную, многоуровневую систему нормативных и институциональных требований, ориентированных на защиту наиболее уязвимых участников семейных отношений – детей и женщин. Вместе с тем их эффективная реализация в Казахстане зависит от качества процессуальных и институциональных механизмов, которые пока развиты недостаточно.

Анализ показывает, что международные документы задают рамочные стандарты, однако требуют развития конкретных механизмов их реализации (семейная медиация, обязательное консультирование, специализированные суды).

Материальные нормы имплементированы полно, но процессуальные гарантии и сервисные механизмы частично. В делах с участием детей ключевым стандартом является приоритет интересов ребёнка, который требует интеграции психологического анализа, оценки среды, участия органов опеки, а также использования восстановительных методов урегулирования. Международные акты не всегда согласованы между собой, что требует адаптации норм к национальной специфике.

Казахстан стоит на пути создания гибридной модели разрешения семейных споров – соединяющей судебные, административные и альтернативные способы, что соответствует лучшим зарубежным практикам.

Анализ международных стандартов и зарубежных моделей показывает, что мировая практика идёт по пути гуманизации семейного правосудия, приоритета интересов ребёнка, обязательной интеграции психологических и социальных механизмов, расширения медиации и восстановительных практик, развития специализированных семейных судов, усиления трансграничного сотрудничества, учёта гендерно-чувствительных аспектов семейных споров. Для Казахстана эти тенденции представляют собой ориентир и одновременно аргумент в пользу модернизации национальной системы, что станет предметом дальнейшего анализа.

Анализ международных правовых актов, регулирующих семейные отношения, позволяет сделать вывод, что современная система международных стандартов выстроена вокруг нескольких ключевых идей: признания универсального характера прав семьи, женщин и детей; приоритета наилучших интересов ребёнка; равноправия супругов; недопустимости насилия; обеспечения процессуальных гарантий при разрешении семейных споров. Эти положения формируют единое правовое пространство, в котором национальные законодательства, включая законодательство Республики Казахстан, обязуются развивать механизмы защиты семьи, соответствующие международным требованиям.

Имплементация международных норм в Казахстане носит последовательный и системный характер. Казахстан ратифицировал ключевые документы – ВДПЧ, МПГПП, CEDAW, Конвенцию о правах ребёнка, Гаагские конвенции 1980, 1993, 1996 гг., Минскую и Кишинёвскую конвенции, что обеспечило многоуровневую нормативную базу защиты семьи. В КоБС РК нашли отражение базовые стандарты: добровольность брака, равенство супругов, защита прав ребёнка, запрет принуждения к браку, необходимость учёта мнения ребёнка, приоритет семейных форм устройства детей. Национальное законодательство о медиации также учитывает международные рекомендации и предполагает возможность внесудебного урегулирования семейных конфликтов.

Вместе с тем на уровне правоприменения сохраняются пробелы, препятствующие реализации международных стандартов в полном объёме. Можно утверждать, что законодательная имплементация часто носит формальный характер: многие принципы отражены в нормах права, однако не обеспечены эффективными институциональными механизмами. Так, нормы о приоритете интересов ребёнка (ст. 62 КоБС РК), закреплённые в соответствии со ст. 3 Конвенции о правах ребёнка, не всегда сопровождаются надлежащими процессуальными гарантиями – отсутствуют стандартизированные процедуры оценки интересов ребёнка, слабым остаётся участие психологов и социальных работников, недостаточно развиты практики щадящего опроса ребёнка и специализированного сопровождения семейных дел.

Анализ положений международных актов показывает, что современная модель защиты семьи базируется на комплексности регулирования: правовые споры рассматриваются не только как юридические, но и как социально-психологические ситуации, требующие междисциплинарного подхода. Международная практика ориентирует государства на создание специализированных семейных судов, развитие медиации и иных восстановительных процедур, участие мультидисциплинарных команд (медиатор, психолог, социальный работник), а также на внедрение механизмов раннего вмешательства с целью предотвращения эскалации конфликта. В Казахстане эти компоненты представлены фрагментарно, что позволяет констатировать неполную институциональную имплементацию международных стандартов.

Особого внимания заслуживает проблема трансграничных семейных споров. Несмотря на присоединение к Гаагской конвенции 1980 г. и создание центрального органа, практика исполнения требований о возвращении детей остается неоднородной: наблюдаются затяжные сроки рассмотрения дел, недостаточная координация между судами, органами опеки и правоохранительными органами, а также недостаточное использование примирительных процедур, рекомендованных Гаагской конференцией. Можно утверждать, что имплементация международных стандартов в этой сфере требует не только нормативных изменений, но и глубокого процессуального реформирования судебной и административной практики.

В области защиты прав женщин и предотвращения семейного насилия также сохраняется ряд структурных проблем. Несмотря на отражение стандартов CEDAW и положений ВДПЧ в законодательстве, фактическая защищённость женщин нередко ограничена экономической зависимостью, слабой доступностью бесплатной юридической помощи и отсутствием достаточных механизмов безопасного досудебного урегулирования семейных споров. Международные подходы требуют устойчивой модели – сочетания карательных, защитных и восстановительных мер, при которой медиация используется не как средство примирения любой ценой, а как часть комплексной системы профилактики конфликта при отсутствии насилия. В Казахстане подобная модель пока не выстроена.

Таким образом, международные стандарты задают высокую планку требований к национальной системе защиты семьи. В целом, международно-правовые стандарты в полной мере смогут реализоваться в Казахстане только при наличии специализированной инфраструктуры семейного правосудия, включающей: семейные суды и семейные судьи; обязательная медиация по семейным делам; центры семейного сопровождения; психологические службы при судах; методологии оценки интересов ребёнка; межведомственное взаимодействие судов, органов опеки, полиции и социальных служб. Только на этой основе международные стандарты могут быть превращены из декларативных норм в реально действующий инструмент защиты семьи в Казахстане.

В связи с вышеизложенным, считаем целесообразным в Республике Казахстан вместо действующих специализированных судов по делам несовершеннолетних образовать специализированные семейные суды. Единому семейному суду будут подсудны все семейно-правовые споры. Создание единой юрисдикции по семейным делам позволит разгрузить суды первой инстанции, способствовать правильному и справедливому разрешению семейных споров.

2 Современные правовые модели разрешения семейных споров в национальном и зарубежном праве

2.1 Сравнительный анализ правовых моделей разрешения семейных споров в Республике Казахстан и зарубежных странах

Современная правовая модель представляет собой концептуальную конструкцию, отражающую теоретическое видение правовых явлений, закономерности их функционирования и возможные варианты институциональной реализации. Правовая модель формируется на основе теоретических обобщений, научной доктрины, правоприменительной практики и сравнительного правоведения, позволяя выявлять характерные черты правовой системы, прогнозировать её развитие и сопоставлять различные подходы. В отличие от правовой модели, правовой механизм представляет собой совокупность юридических средств, процедур, институтов и инструментов, обеспечивающих практическую реализацию правового регулирования в конкретной сфере. Он включает нормативную базу, компетентные органы (суды, нотариат, органы опеки, службы примирения), правоприменительные процедуры, способы защиты прав и процессуальные гарантии. Если правовая модель определяет теоретическую архитектуру регулирования, то правовой механизм – это её операциональное воплощение. Иначе говоря, модель – это «проект», а механизм – набор практических инструментов, обеспечивающих воплощение этого проекта в правовой действительности. Современная научная доктрина подчёркивает, что категории «правовая модель» и «правовой механизм» относятся к разным уровням правового регулирования и не могут рассматриваться как тождественные.

Правовая модель отражает концептуальное видение, теоретическую конструкцию, описывающую идеальный или оптимальный вариант функционирования определённого правового института. Модель формируется через обобщение нормативной базы, правоприменительной практики, зарубежного опыта и принципов права. Она задаёт идеологию и принципы правового регулирования, логическую структуру процесса разрешения спора, распределение ролей субъектов, допустимые процедуры, цели и параметры эффективности. Правовая модель отражает концептуальное видение, теоретическую конструкцию, описывающую идеальный или оптимальный вариант функционирования определённого правового института.

Таким образом, правовая модель – это когнитивная конструкция, описывающая, как должно работать право.

В юридической доктрине обоснованно подчёркивается, что категории «правовая модель» и «правовой механизм» относятся к различным уровням правового регулирования и не могут рассматриваться как тождественные. Если правовой механизм представляет собой совокупность юридических средств, обеспечивающих реализацию норм права в конкретных общественных отношениях, то правовая модель выступает как теоретико-концептуальная

конструкция, отражающая идеальное представление о функционировании соответствующего правового института.

В отличие от модели, правовой механизм представляет собой практическую систему реализации нормативных предписаний, включающую правовые нормы, процедуры, компетентные органы, способы защиты прав, исполнительно-процессуальные действия и институциональные элементы. Механизм – это совокупность реальных инструментов, с помощью которых модель воплощается в правоприменении. Современная научная литература выделяет несколько обязательных структурных элементов правовой модели [66]:

1. Принципы (справедливость, наилучшие интересы ребёнка, пропорциональность вмешательства, восстановительный подход, конфиденциальность).
2. Субъектный состав (государственные органы, суды, органы опеки, медиаторы, социальные службы, психологи).
3. Процедуры (судебные, досудебные, медиационные, административные).
4. Функциональные цели (защита ребёнка, сохранение семьи, восстановление отношений, минимизация конфликта).
5. Институциональная архитектура (семейные суды, центры примирения, службы опеки, центры семейной поддержки).
6. Правовые последствия (изменение статуса, родительских прав, режима общения, имущественных прав).

Такая структура позволяет рассматривать любую модель судебную, медиационную, гибридную или административную, через единые критерии.

В результате проведённого анализа нормативных актов, международных документов и доктринальных исследований выделяются следующие характеристики современной модели:

1. Нормативность, модель основывается на определённой системе законодательства.
2. Комплексность включает правовые, психологические и социальные элементы.
3. Многоуровневость предусматривает разные способы урегулирования: от переговоров до суда.
4. Междисциплинарность - участие юристов, психологов, социальных работников.
5. Процедурная последовательность от профилактики до разрешения конфликта.
6. Ориентация на ребёнка приоритет принципа наилучших интересов (ст. 3 Конвенции ООН о правах ребёнка) [38].
7. Восстановительный характер характеризуется минимизацией конфликта, поддержкой отношений после спора.

Эти признаки позволяют выделить устойчивые модели урегулирования. Современные модели разрешения семейных споров определяются уровнем судебной специализации, развитием примирительных процедур, вовлечением

социальных и психологических служб, а также культурно-правовыми традициями государства.

На основе анализа зарубежного и национального законодательства, а также теоретических подходов можно выделить следующие модели

1. Судебная модель (континентальная, традиционная) является исторически первой и доминирующей в странах романо-германской правовой семьи. Суд играет решающую роль как единственный орган, обладающий властными полномочиями, деятельность основана на принципе законности и в процессуальной форм. Состязательность как основная модель взаимодействия сторон, ограниченная возможность учета эмоционально-психологических факторов, высокий уровень формализации доказательств основные критерии данной модели. В Германии семейные дела рассматриваются в составе участков семейных судов в соответствии с FamFG.

Во Франции действует система семейных судей – Juge aux affaires familiales (JAF), уполномоченных рассматривать вопросы брака, родительской ответственности, алиментов [67].

2. Медиационная модель (восстановительная, примирительная) характеризуется тем, что во главу угла ставит автономию, добровольность и равенство сторон, конфиденциальность, интересоориентированный подход; сохранение личных отношений, гибкость процедур, приоритет добровольности.

Медиация широко институционализирована в Нидерландах, Германии (Gesetz zur Förderung der Mediation, 2012) [68], Италии (обязательная медиация по ряду категорий) [69], Австралии (Family Law Act 1975 с обязательной информационной сессией FDR). Ключевое преимущество это способность снижать эскалацию семейного конфликта. Однако неэффективность и ограниченность при насилии, зависимости, асимметрии сторон.

3. Интегративная (гибридная) модель сочетает судебную процедуру и примирительные практики, суд стимулирует медиацию, направляет на консультации, используется в Канаде, Великобритании, Нидерландах. Интегративная (гибридная) модель объединяет судебное вмешательство, медиацию, консультирование, социальную поддержку. Судья здесь играет роль координатора различных процедур. Пример – модель «Family Dispute Resolution» (FDR) в Австралии, где процесс урегулирования строго последовательный: консультирование, медиация, суд. Явными преимуществами является минимизация судебной нагрузки, эффективность досудебных стадий[70].

4. Примерами социально-административной модели защиты ребёнка являются органы опеки и попечительства в Германии (Jugendamt), функционирующие в рамках системы SGB VIII, социальные службы Великобритании, применяющие механизмы Child Protection Plans, а также канадские Family Services, действующие на основе провинциального законодательства о защите детей [71]. Административная модель характеризуется разрешением отдельных категорий споров государственными органами, а не судами, часто применяется при назначении алиментов, опеки,

профилактике насилия, характерна для скандинавских стран. Административная модель характерна для систем, где государственные органы несут ключевую ответственность за защиту ребёнка и помощь семье. Особенность – активное участие государства в процессе урегулирования споров, без обязательного обращения в суд. Примерами являются органы опеки и попечительства в Германии (Jugendamt) [72], социальные службы Великобритании, применяющие Child Protection Plans [73], канадские Family Services [74].

5. Модель специализированных семейных судов. Это наиболее развитая форма судебной модели, предполагающая специализированную юрисдикцию; междисциплинарные команды, обязательную медиацию, участие психологов и социальных работников. Такие суды функционируют в США (Family Courts) Великобритании (Family Court of England and Wales), Канаде (Unified Family Court), Японии (Family Courts). Несомненным достоинством являются глубина анализа семейной ситуации, скорость, восстановительный характер. Специализированные семейные суды как отдельная ветвь судебной модели, где рассматриваются только споры о семье и детях, участвуют междисциплинарные команды: психологов, соцработников, медиаторов. Процедуры отличаются гибкостью и восстановительным подходом, это наиболее развитая форма в Австралии, Великобритании, Канаде, Германии.

Более глубокое понимание моделей и механизмов разрешения семейных споров требует, по нашему мнению, детального исследования зарубежных правовых моделей разрешения семейных споров. Современные зарубежные правовые системы демонстрируют значительное разнообразие подходов к разрешению семейных споров, отражающее исторические, культурные и политико-правовые особенности конкретных государств. Несмотря на общие тенденции – усиление роли принципа наилучших интересов ребёнка, развитие восстановительных практик, расширение альтернативных способов разрешения конфликтов – в каждой юрисдикции сложились уникальные модели, обусловленные национальными правовыми традициями. Компаративный анализ зарубежных моделей позволяет выявить их ключевые структурные элементы, определить степень эффективности и оценить возможность адаптации в правовой системе Республики Казахстан.

В качестве сравнения можно рассмотреть практику зарубежных систем. Это одна из самых чётко структурированных моделей. В целом зарубежные правовые модели можно типологизировать по нескольким критериям: степень участия государства, роль суда, обязательность или факультативность медиации, уровень институциональной интеграции служб поддержки семьи, структура специализированных органов по делам семьи и детей, процедурный баланс между состязательностью и восстановительным подходом.

Исследование показывает, что в мировой практике сформировались четыре базовые модели:

– континентальная судебная,

– англосаксонская семейно-судебная,

– скандинавская восстановительно-медиационная

– средиземноморская обязательной медиации.

Особый интерес представляют и азиатские модели (Япония, Южная Корея), демонстрирующие синтез судебного и административного подходов.

Континентальная (романо-германская) судебная модель: Франция и Германия

1. Континентальная правовая модель традиционно строится на доминировании судебного рассмотрения семейных споров, высокой формализации процедур и чёткой законодательной регламентации. Франция и Германия являются двумя наиболее показателями примерами этой модели, хотя каждая страна развила собственные особенности. Французская модель семейного судьи (JAF) отличается следующими особенностями: правовое регулирование осуществляется Кодексом гражданского судопроизводства Франции и Семейным кодексом. Ключевую роль играет Juge aux affaires familiales (JAF) – судья, наделённый широкими полномочиями по рассмотрению вопросов брака, расторжения брака, родительских прав, алиментов, защиты от насилия [67].

JAF (Juge aux affaires familiales), судья по семейным делам во Франции. может вмешиваться на любой стадии семейного конфликта, обладает возможностями по изданию временных мер, регулированию общения, обеспечению защиты ребёнка. Juge aux affaires familiales (JAF) – специализированный судья судебной системы Франции, рассматривающий семейные и связанные с ними гражданские споры. Институт введён законом № 93-22 от 8 января 1993 г. и действует в составе Tribunal judiciaire. JAF рассматривает расторжение брака и раздельное проживание супругов, определение места жительства ребёнка, установление порядка общения с ребёнком, алиментные обязательства, родительскую ответственность (autorité parentale), семейные соглашения, утверждение соглашений, достигнутых в том числе в порядке медиации. Важно, что JAF сочетает судебную функцию с координационной и примирительной, активно направляя стороны к медиации и утверждая медиативные соглашения. Высокая процессуальная формализация определяет чёткие требования к доказательствам, заключениям социальных служб и экспертов. Развитая структура вспомогательных органов: социальные службы, психологи, эксперты по семье активно участвуют в процессе. Возможность обращения к медиации, но медиация остаётся факультативной, за исключением отдельных ситуаций (например, при конфликтах о родительских обязанностях).

Германская модель интегрированного семейного суда (FamFG) регламентируется Законом о судопроизводстве по семейным делам и делам добровольной юрисдикции (FamFG, 2009). Для этой модели характерно: интегрированность семейного суда: семейные дела и дела о детях объединены в рамках единой юрисдикции, центральная роль Jugendamt – аналог органа опеки, но обладающий расширенными полномочиями по сопровождению семьи, участию в судебных процессах и подготовке заключений, активное применение

медиации и примирительных процедур, иногда прямо предусмотренных законом (например, при разделении родительских прав), ориентация на восстановительный подход, суд обязан рассматривать возможность примирения родителей, гибкие процессуальные механизмы: ускоренные процедуры, упрощённые формы заявлений, обязательное участие социальных служб. Германия является моделью комплексного семейного правосудия. FamFG (Gesetz über das Verfahren in Familiensachen und in den Angelegenheiten der freiwilligen Gerichtsbarkeit), § 23: «Familiensachen sind Angelegenheiten, die das Verhältnis der Eltern zum Kind, die Pflege, das Umgangsrecht und die elterliche Sorge betreffen.(«Семейные дела – дела, касающиеся отношений родителей и детей, ухода, общения и родительской ответственности»). Германия точно определяет, что составляет семейные дела и какие органы их рассматривают [72].

С учётом изложенного можно сделать вывод о том, что Франция и Германия демонстрируют модель, где суд остаётся центральным субъектом разрешения споров, структура сильно институционализирована, медиация поддерживается, но не является основным способом; значительную роль играют социальные службы; принцип наилучших интересов ребёнка реализуется через экспертизы, заключения специалистов, временные меры. Важно отметить, что для Казахстана этот опыт ценен в части интеграции органов опеки в судебную систему и создания единой юрисдикции по семейным делам.

Законодательный декрет Италии № 28/2010 (Статья 5) - (Legislative Decree 28/2010 (Italy, Article 5): «La mediazione è condizione di procedibilità per le controversie in materia di condominio, diritti reali, successioni ereditarie, patti di famiglia, locazioni, comodato, affitto di aziende»). «Медиация является условием допустимости иска по делам». То есть в Италии до суда нужно пройти обязательную медиацию.

Англосаксонская модель (США, Канада, Великобритания) семейных судов имеет специфику. Эта модель отличается более сильной специализацией и институциональной структурой, чем континентальная. Она исходит из понимания семейного спора как комплексного социально-психологического явления, требующего междисциплинарного участия.

Англия и Уэльс развили модель MIAM (обязательная медиационная информационная сессия). Children and Families Act (2014), Section 10: "A person may not make a relevant family application unless... the person has attended a family mediation information and assessment meeting ("MIAM") - Положения Раздела 10 Закона о детях и семьях 2014 года, устанавливающие обязательное процессуальное требование для инициации семейных споров в Англии и Уэльсе.

В США структура семейных судов (Family Courts) имеет различия по штатам, но практически везде действует Family Court – специализированный суд с отдельной процедурой. Специфическими особенностями являются: междисциплинарные команды: психологи, социальные работники, школьные

консультанты, специалисты по домашнему насилию. Разработаны и используются обязательные программы для родителей (Parenting Classes, родительские классы). Медиация является обязательной стадией в большинстве штатов перед обращением в суд. Активное использование моделей восстановительного правосудия (Restorative Justice). Child Custody Evaluation – комплексная психологическая экспертиза по вопросам места жительства ребёнка [75].

Канадская модель считается одной из наиболее развитых]. Это Unified Family Courts, особенностями являются:

– Единый семейный суд (Unified Family Court), рассматривающий весь спектр семейных дел: бракоразводных, имущественных, дел о детях, защиты детей, усыновления.

– Ранняя нейтральная оценка (Early Neutral Evaluation).

– Открытый доступ к службе семейного правосудия (Family Justice Service), включающей медиаторов, социальных работников и консультантов.

– Обязательная информационная сессия о медиации и спорах о детях.

– Возможность многоуровневых процедур: переговоры, медиация, арбитраж, суд.

Модель Великобритании: Семейный суд Англии и Уэльса (Family Court of England and Wales), созданный в 2014 году для рассмотрения всех семейных дел.

Правовая база – Закон о детях 1989 года (Children Act 1989, Family Procedure Rules), который ставит интересы ребенка выше интересов родителей [76].

– Медиация обязательна (MIAM – Mediation Information and Assessment Meeting) перед подачей заявления в суд.

– CAFCASS – уникальная служба независимых социальных работников, представляющих интересы ребёнка.

– Family Court – единая структура, рассматривающая все семейные дела.

– Акцент на предотвращении эскалации конфликта.

– Процедуры «Private Law Programme», ориентированные на быструю деэскалацию споров родителей. [77].

Допустимо утверждать, что эта модель наиболее близка к идее специализированных семейных судов: высокий уровень междисциплинарности, обязательная медиация, программы обучения родителей, развитая психологическая инфраструктура. Для Казахстана это наиболее релевантное направление развития, так как ювенальные суды уже представляют лишь частичную специализацию.

Скандинавская модель (Норвегия, Финляндия). Скандинавские страны строят семейную политику на принципах «государства благополучия», высокой социальной ответственности, равноправия родителей и обязательной медиации.

В Норвегии основой является семейная медиация как обязательная процедура при расторжении брака и спорах о детях.

Особенности: государственные медиационные центры; обязательная сертификация медиаторов; акцент на интересах ребёнка; возможность участия специалистов по семейной психологии; высокая доступность услуг.

Финская модель сочетает семейные консультационные службы; обязательные переговоры в органах социального обеспечения; активное участие муниципальных служб; доступное дошкольное образование, влияющее на снижение родительских конфликтов [78].

По мнению автора, скандинавская модель, ориентированная на профилактику, равноправие и обязательную медиацию, демонстрирует высокую эффективность при низких нагрузках на суды. Это важное направление для Казахстана. приоритет социального государства (welfare state), активную роль муниципальных социальных служб, обязательные или квазиобязательные переговоры/медиацию, минимизацию судебной конфронтации, фокус на best interests of the child, интеграцию права, психологии и социальной работы.

Особенность Италии – обязательная предварительная медиация (D.Lgs. 28/2010) по многим гражданско-правовым категориям, включая семейные [79]. К примеру, при расторжении брака родители обязаны пройти: информационную встречу; медиационную сессию; только затем могут обращаться в суд.

Японские семейные суды функционируют на восстановительном подходе [80]. Процедуры включают семейную медиацию, консультирование, психологическое сопровождение, обязательную попытку примирения.

Южная Корея модель включает в себя суды по семейным делам; обязательную медиацию; развитые органы социальной защиты [81].

Сингапурская модель триадного правосудия. "Family Justice Courts integrate mediation, counselling and adjudication within a single system."-Семейные суды интегрируют медиацию, консультирование и судопроизводство.

Также считаем важным в современных условиях рассмотреть исламскую (шариатскую) модель разрешения семейных споров. Религиозно-правовые системы Ближнего Востока и Северной Африки представляют собой особый тип правовой модели, основанный на шариате (исламском праве), где вопросы брака, расторжения брака, опеки над детьми, алиментов и наследования регулируются нормами фикха и местного семейного законодательства. В ряде стран (Саудовской Аравии, ОАЭ, Иордании, Кувейте, Египте, Марокко) существуют семейные (личностные) суды, компетентные рассматривать семейные споры, которые функционируют на основе принципов шариата и современных законодательных актов[82].

Таким образом, исламская модель представляет собой уникальное сочетание традиционной религиозной доктрины и современных правовых механизмов, в которых примирение институционализировано как обязательный элемент процедуры [83].

Исламская модель важна для сравнительного анализа, поскольку она демонстрирует иную философию семейного права, где ключевыми являются:

религиозная природа семейных отношений; приоритет защиты детей и женщины (в современных реформах); медиация как религиозно оправданная форма примирения – sulh (صلح); участие родственников и общины в разрешении семейных споров. В странах, правовая система которых основана на шариате (исламском праве), семейные споры регулируются комплексом норм: Коран и Сунна как первоисточники; фикх (правовая доктрина четырёх мазхабов); национальное семейное законодательство, кодифицированное в XX–XXI вв.; решения семейных судов (Personal Status Courts) [84].

Правовая философия шариата рассматривает семью как религиозный и социальный институт, имеющий приоритетный характер. Поэтому регулирование семейных споров включает не только судебные механизмы, но и религиозно-моральные формы восстановления отношений.

Исследователи отмечают: «Islamic family law is founded on the dual nature of marriage as a legal and moral contract, where dispute resolution prioritizes reconciliation and the preservation of family integrity.» - «Исламское семейное право основано на двойственной природе брака как юридического и морального договора, при котором разрешение споров ориентировано на примирение и сохранение целостности семьи». Таким образом, исламская модель представляет собой уникальное сочетание традиционной религиозной доктрины и современных правовых механизмов.

Особое значение имеет ст. 16 Федерального закона №28 от 2005 года «О личном статусе»: «No case related to family disputes shall be admitted before the court unless it has first been submitted to the Family Guidance Committee.» - «Ни одно дело, связанное с семейным спором, не принимается судом, если оно предварительно не было передано в Комитет семейного руководства». Таким образом, обязательное досудебное примирение является законодательной нормой.

В Саудовской Аравии действует Закон о личном статусе (Personal Status Law), утвержденный Королевским указом № M/73 от 9 марта 2022 года, является первым в истории Королевства кодифицированным законом, регулирующим семейные отношения. – первая всеобъемлющая кодификация семейного права. Закон закрепляет: «The court shall attempt reconciliation between the spouses before proceeding with adjudication.» - «Суд должен предпринять попытки примирения супругов до перехода к рассмотрению дела по существу». Также предусмотрена специализация судей по делам личности.

В Марокко важнейшим актом является Moudawana Семейный кодекс (Family Code, 2004). Ст. 82 Moudawana: «The judge shall endeavor to reconcile the spouses before authorizing or granting divorce.», что в переводе означает «Судья обязан стремиться примирить супругов до того, как разрешит или подтвердит расторжение брака» [84].

Египетский Закон № 1 от 2000 года «О регулировании некоторых условий и процедур судопроизводства по делам о личном статусе» (Law No. 1 of 2000 Regulating Certain Conditions and Procedures of Litigation in Personal Status Matters) является ключевым актом, реформировавшим семейное право Египта

устанавливает: «Disputes concerning personal status shall be referred to family reconciliation offices prior to litigation», что в переводе означает «Споры, касающиеся личного статуса, передаются в службы семейного примирения перед началом судебного разбирательства» [85].

Институты разрешения семейных споров также существуют в исламской системе. Sulh (صلح) религиозно и юридически признанная процедура примирения. Исследования отмечают: «Sulh operates as a restorative justice mechanism designed to reduce hostility and re-establish harmony within the family.», что в переводе «Сулх функционирует как механизм восстановительного правосудия, направленный на снижение враждебности и восстановление гармонии в семье». Это ключевое отличие исламской модели примирение не факультативно, а встроено в саму правовую процедуру.

Семейные консультанты и религиозные посредники (hakam). Коран (4:35) предписывает: «Если между супругами возник разлад, направьте посредника из семьи мужа и посредника из семьи жены». Современные законодательства адаптировали этот институт. Например, в Саудовской Аравии: «The court may appoint two arbitrators (hukamaa)» в переводе «Суд может назначить двух посредников (хукама)» [83].

В большинстве стран исламского права существуют специализированные семейные суды. Например, в Саудовской Аравии их деятельность регулируется Personal Status Law (2022), Family Courts Law (2014). В ОАЭ – Personal Status Federal Law No. 28/2005, в Египте – Law No. 1/2000 on Personal Status Procedures[86].

Зарубежные источники указывают: «Family courts in sharia-based jurisdictions adjudicate personal status matters, including marriage, divorce, child custody and maintenance.» в переводе означает «Семейные суды в странах, основанных на шариате, рассматривают дела о личном статусе, включая брак, расторжение брака, опеку над детьми и алименты» [86].

Порядок разрешения семейных споров исламской модели, которая включает несколько характерных стадий:

а) Во многих странах sulh – обязательный досудебный этап. «Conciliation attempts (sulh) are mandatory before referral of family disputes to the sharia court.” - «Попытки примирения (сулх) являются обязательными перед передачей семейного спора в шариатский суд.» Примирение проводится семейными консультантами, религиозными посредниками или государственными службами примирения. Во многих странах обязательное участие медиатора является частью процедуры.

В ОАЭ существуют Family Guidance Committees, которые проводят досудебное примирение по всем семейным делам (до 60–70% споров урегулируются без суда).

б) В шариатской модели различают talaq (расторжение брака по инициативе мужа) и khula (расторжение брака по инициативе жены), судебное расторжение брака (tafriq).

Современные законодательства стремятся уравнять процесс, например, Марокко (Moudawana 2004) закрепляет: «Divorce must be judicial and subject to the supervision of the family judge». - «Расторжение брака должно быть исключительно судебным и находиться под контролем семейного судьи».

в) Опека и место проживания ребёнка. Исламское право учитывает два аспекта: hadana (фактический уход); wilaya (правовое представительство) [86].

Приоритет традиционно отдаётся матери, но в ряде стран применяется принцип наилучших интересов ребёнка, например: «The best interests of the child shall be the paramount consideration in custody decisions.»- «Наилучшие интересы ребёнка являются главным критерием при определении опеки».

Медиация не только допускается, но и закреплена религиозно: Коран (4:35) предписывает привлекать посредников (hakam): «Если вы опасаетесь разлада между супругами, отправьте посредника из семьи мужа и посредника из семьи жены.».

Современные исследования подчёркивают: «Islamic family mediation (sulh) emphasizes restoration, forgiveness and preservation of kinship ties.» - «Исламская семейная медиация (сулх) уделяет особое внимание восстановлению отношений, прощению и сохранению родственных связей.»

Расторжение брака (talaq, khula, tafriq) Современное законодательство стремится минимизировать односторонние расторжения брака и переводит их в судебный формат. ОАЭ: «No talaq pronounced outside the court shall have legal effect unless approved by the judge». - «Ни один талак, произнесённый вне суда, не имеет юридической силы без утверждения судьи». Марокко: «All forms of divorce must be judicial.", что в переводе означает «Все формы расторжения брака должны осуществляться в судебном порядке» [87].

Хотя традиционно hadana принадлежит матери, современные кодексы усиливают роль отца и ориентируются на интересы ребёнка:

Марокко: «In all custody decisions, the best interests of the child shall prevail.", что в переводе означает «Во всех решениях об опеке интересы ребенка имеют преимущественное значение» [84].

В большинстве исламских стран алименты – строгая обязанность отца с расширенными гарантиями принудительного исполнения:

Египет: «Maintenance obligations are enforceable through expedited procedures before family courts», что в переводе означает «Алиментные обязательства подлежат исполнению в упрощенном порядке в судах по семейным делам» [86].

Таким образом, целесообразно выделить отдельные преимущества исламской модели: обязательное примирение снижает количество судебных дел. интеграция психологов и социальных работников в систему семейных судов, высокая скорость процедур по алиментам, сильная инфраструктура служб примирения, комплексное регулирование «личного статуса" в одном кодексе.

Недостатками исламской модели, на наш взгляд, может считаться зависимость от религиозной интерпретации, не всегда гендерно-

сбалансированные нормы, вариативность по странам и школам права, проблемы признания решений за рубежом.

Шариатская модель демонстрирует высокую институциональную обязательность примирения, специализированные семейные суды работают эффективнее, чем универсальные, приоритет восстановления отношений снижает агрессию и эскалацию споров, обязательное участие медиатора и психолога позволяет снизить нагрузку на суды.

Казахстан может использовать такие элементы: обязательный досудебный этап примирения; семейные консультативные службы при судах; усиление роли органов опеки в оценке интересов ребёнка; создание автономной инфраструктуры семейных судов.

Современная правовая модель разрешения семейных споров в Республике Казахстан в значительной степени носит судебно-ориентированный характер. Несмотря на развитие институтов медиации, органов опеки, нотариата и социально-психологического сопровождения, именно судебный порядок остаётся основным, доминирующим и зачастую единственно доступным способом разрешения большинства категорий семейных дел. Согласно статье 13 Конституции РК, каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, что предопределяет ведущую роль суда в разрешении любых семейно-правовых конфликтов [1]. КоБС РК также строит систему разрешения споров вокруг судебной процедуры, закрепляя обязательность обращения в суд.

Такой подход имеет исторические и институциональные причины. С одной стороны, казахстанская правовая система унаследовала от советской модели приоритет судебного рассмотрения споров как наиболее формализованной гарантии защиты прав. С другой стороны, на протяжении десятилетий отсутствовали альтернативные институты, способные разгрузить суды и предложить менее конфликтный способ урегулирования разногласий.

Сегодня ГПК РК прямо определяет судебный порядок рассмотрения семейно-правовых споров (ст. 27–28 ГПК РК) [44]. В отдельных случаях предусмотрены упрощённые процедуры, однако они применимы лишь к ограниченному кругу споров (например, алименты в приказном производстве).

Эта модель характеризуется высокой степенью формализации и зависимостью от процессуальных норм ГПК РК. Как отмечает Е.О. Жучкова, «в условиях доминирования судебной модели семейные конфликты склонны к эскалации, поскольку само обращение в суд становится актом обвинения и юридической борьбы» [88].

Юристы, изучающие семейные споры, подчёркивают, что такие дела требуют особого подхода, поскольку «традиционная состязательная модель гражданского процесса не учитывает эмоциональную природу семейных конфликтов и интересы ребёнка как уязвимого участника».

Именно поэтому многие государства уходят от классически судебной модели в сторону восстановительной и смешанной (гибридной), однако в Казахстане доминирование суда сохраняется.

Судебная модель обладает рядом преимуществ, обеспечивается принцип законности, состязательности и процессуальных гарантий, суд может привлекать органы опеки, специалистов, назначать экспертизы, решения суда обладают исполнительно-обязательной силой. Однако, её недостатки также очевидны. Это конфронтационный характер судебного процесса усиливает напряжённость; суды перегружены делами о расторжении брака, о детях, алиментах, что приводит к формализму. Судебная процедура долгая, затратная и эмоционально тяжёлая для сторон; участие психологов и медиаторов остаётся де-факто выборочным, а не системным; решения суда часто не обеспечивают долгосрочного восстановления отношений, а лишь фиксируют статус-кво.

Согласно статистике Верховного Суда, ежегодно в Казахстане рассматривается более 50 000 дел о расторжении брака и порядка 20 000 споров о детях [89]. Это свидетельствует о тотальной перегрузке, затрудняющей индивидуальный подход.

Сравнивая судебно-ориентированную модель Казахстана с зарубежными юрисдикциями, можно отметить, что Казахстан находится ближе всего к континентальной традиции (Германия, Франция), но без развитых семейных судов и обязательной медиации, которые являются ключевыми элементами современных моделей. Ювенальные суды в Казахстане как элемент модели. Ювенальные суды – ключевой элемент национальной модели, поскольку именно они рассматривают значительную часть дел, затрагивающих интересы несовершеннолетних, были созданы в 2007 году и стали предметом научного изучения. Э.Б. Аблаева выделяет: «ядром системы ювенальной юстиции признаны ювенальные суды, на которых зиждутся все мероприятия, направленные на реализацию государственной политики в сфере защиты прав, свобод и законных интересов детей» [90].

Роль ювенальных судов проявляется в следующих аспектах:

– Судьи проходят обучение по детской психологии, взаимодействию с органами опеки, анализу семейных ситуаций.

– Ювенальная модель предполагает участие специалистов органа опеки, психологов, социальных работников, педагогов. Но на практике эта междисциплинарность реализуется фрагментарно.

– Суды обязаны учитывать ст. 3 Конвенции ООН о правах ребёнка: «наилучшие интересы ребёнка должны быть первостепенной заботой» [38].

– В некоторых судах действует пилотная практика семейной медиации при суде. Однако она пока не институционализирована. Несмотря на потенциал ювенальных судов, их роль в формировании современной модели остаётся ограниченной. Они не рассматривают споры между супругами без детей, количество ювенальных судов недостаточно, отсутствует единый стандарт взаимодействия с органами опеки и службами поддержки.

Ювенальные суды в Республике Казахстан создавались как специализированные органы, ориентированные на защиту прав детей. В соответствии со ст. 27 ГПК РК они рассматривают дела, возникающие из семейных отношений, затрагивающие права несовершеннолетних[44].

В странах с развитой системой ювенальной юстиции (США, Канада, Норвегия) семейные и ювенальные суды часто работают в связке или совмещены.

Казахстанская модель демонстрирует прогресс, но остаётся ряд проблем: недостаток кадров (психологов, социальных работников); отсутствие единых стандартов психологических исследований; отсутствие единой методики учёта мнения ребёнка; случаи формального участия опеки и отсутствия межведомственного взаимодействия. Ювенальные суды Казахстана представляют собой специализированную судебную подсистему, ориентированную на защиту прав несовершеннолетних.

Их деятельность основывается на принципах приоритет наилучших интересов ребёнка (ст. 3 Конвенции ООН о правах ребёнка) [38], специализация судей, использование восстановительных процедур, конфиденциальность, участие психологов, педагогов, социальных работников. Ювенальные суды являются важным шагом в развитии системы защиты прав детей, но они не являются полноценной моделью семейного суда, поскольку не охватывают все семейные споры, не интегрируют медиацию как обязательный этап. Ювенальные суды по факту приближают Казахстан к модели специализированного семейного правосудия, но не формируют её полностью.

3. Досудебные формы урегулирования: органы опеки, медиация, нотариат. Органы опеки играют ключевую роль в делах о месте жительства ребёнка, порядке общения, лишении/ограничении родительских прав.

Органы опеки являются обязательными участниками большинства споров о детях. Они предоставляют заключения (ст. 75 Кодекса), проводят обследование условий жизни родителей, участвуют в судебных заседаниях [22]. Однако, заключения органов опеки страдают поверхностностью обследований; отсутствием единых методик оценки семейной ситуации; нехваткой специалистов; формальным отношением к судебному процессу. Органы опеки чаще выступают наблюдателями, чем полноценными участниками восстановительного процесса.

Медиация как правовая модель разрешения споров в Республике Казахстан. Закон «О медиации» (2011) [46] стал важным шагом, но семейная медиация в Казахстане не имеет специализированной правовой основы.

Считаем, что основными проблемами являются следующие факторы: медиация носит добровольный характер, отсутствуют специальные требования к медиаторам по детско-семейным делам; нет обязательного информационного этапа; нет системы государственных центров семейной медиации; медиаторы недостаточно привлекаются судами.

По оценкам казахстанских исследователей, медиация в семейных делах в Республике Казахстан обладает значительным потенциалом, однако фактически используется в ограниченном объёме и не реализует своих возможностей в полной мере.

Возможно, если медиация будет обязательной процедурой (Италия, Франция, Германия), это могло бы существенно снизить нагрузку на суды.

Нотариальные органы как механизм разрешения споров имеют важное значение в национальной правовой модели. Нотариусы могут удостоверять брачные договоры, соглашения об алиментах и актов о разделе имущества, но их роль в досудебном урегулировании ограничена отсутствием практики нотариальных соглашений о детях, хотя такие механизмы успешно работают в Польше, Германии, Литве.

С учётом изложенного можно сделать вывод о том, что ключевая проблема - отсутствие в Казахстане единой, целостной модели разрешения семейных споров. На практике функционируют разрозненные субъекты: суд, органы опеки, полиция (при насилии), социальные службы, НПО, медиаторы, психологи. Каждый субъект работает по своим правилам, без координационного механизма. Нет единого информационного обмена, единой системы оценки риска, единой службы семейного сопровождения. В результате семьи оказываются «разыгранными» между ведомствами.

Социально-психологическая поддержка - базовый элемент современных моделей (Канада, Австралия, Норвегия). В Казахстане нет системы раннего вмешательства. Психологическая помощь является фрагментарной, нет семейных консультантов при судах, отсутствуют государственные центры семейной медиации, региональные центры поддержки семьи работают преимущественно как социальная помощь, а не как институт досудебной профилактики конфликтов.

Анализ правовых моделей и практик в Республике Казахстан дает возможность сделать выводы:

Национальная модель разрешения семейных споров имеет черты:

– традиционной судебной модели (доминирование суда);

– элементов ювенальной модели (специализация по детям);

– фрагментарного использования внесудебных механизмов (опека, медиация, консультации).

Однако, отсутствуют единая концептуальная модель, единый алгоритм досудебного урегулирования, обязательность медиации, семейные суды, институциональная система профилактики, координация между социальными, судебными и психологическими службами.

Несмотря на наличие развитой нормативной базы, систему ювенальных судов и формально существующие досудебные механизмы, действующая модель разрешения семейных споров в Республике Казахстан характеризуется рядом фундаментальных проблем. Эти ограничения носят системный характер и препятствуют формированию эффективной, восстановительной и ориентированной на ребёнка модели семейного правосудия.

Сравнение с зарубежными юрисдикциями (США, Канада, Австралия, Норвегия, Германия, Франция, Португалия, Италия, Южная Корея, Япония) позволяет выявить ключевые компоненты, которые отсутствуют либо недостаточно развиты в Казахстане.

Отсутствие легальной модели разрешения семейных споров и связанная с этим ключевая проблема – в национальном праве отсутствует закреплённая и концептуально оформленная модель разрешения семейных споров.

В Республике Казахстан не определяется на уровне закона:

– какие модели существуют (судебная, медиационная, административная, интегративная);

– какие процедуры относятся к каждой из них;

– какой порядок является приоритетным;

– каким должен быть алгоритм досудебного урегулирования;

– какие органы обязаны обеспечивать досудебную помощь;

– какие стандарты должны соблюдать медиаторы и психологи

Сравнительно-правовой анализ показывает, что в ряде зарубежных государств разрешение семейных споров строится на принципе обязательного досудебного урегулирования и институциональной интеграции судебных и внесудебных механизмов, тогда как в Республике Казахстан продолжает доминировать судоцентричная модель.

В Австралии в соответствии с Family Law Act 1975 стороны обязаны предпринять добросовестные усилия по разрешению спора посредством семейного урегулирования (Family Dispute Resolution) до обращения в суд по вопросам, касающимся детей. Судебное разбирательство выступает вторичным механизмом и допускается лишь при наличии сертификата о попытке примирения. Аналогичный подход реализуется в Канаде, где доступ к семейным судам возможен только после попытки внесудебного урегулирования через Family Relationship Centres, функционирующие как комплексные междисциплинарные структуры [91].

Во Франции судебная модель носит гибридный характер: согласно Code civil судья по семейным делам вправе обязать родителей пройти встречу с семейным медиатором. Суд, таким образом, не только разрешает спор, но и выполняет координирующую функцию, направляя стороны к примирительным процедурам. Сходная логика реализована в Сингапуре, где семейные суды интегрируют медиацию, консультирование и судебное разбирательство в рамках единой институциональной системы (triadic justice)

В Скандинавских странах акцент делается на профилактику семейных конфликтов. В Норвегии предусмотрено обязательное консультирование родителей до обращения в суд, а в Финляндии муниципалитеты обязаны обеспечивать семейное консультирование как элемент системы защиты ребёнка. В Германии ключевую роль играет Jugendamt, сопровождающий семью на всех этапах – до, во время и после расторжения брака, что позволяет выявлять риски насилия, отчуждения и психологической депривации на ранней стадии [79].

В отличие от указанных моделей, в Республике Казахстан отсутствует возможность обязать родителей даже к прохождению информационной сессии о медиации, не созданы специализированные семейные суды, а функции суда, органов опеки, психологов и медиаторов остаются институционально

разрозненными. Органы опеки фактически ограничены подготовкой формальных заключений, не содержащих психологической оценки, анализа привязанности ребёнка и оценки рисков. Судьи вынуждены разрешать комплексные семейные конфликты без междисциплинарной поддержки.

Дополнительным ограничением казахстанской модели является отсутствие системы профилактики семейных споров: не разработана единая концепция раннего вмешательства, отсутствуют государственные центры семейного сопровождения, не сформированы стандарты оценки интересов ребёнка и родительской компетентности. Это контрастирует с зарубежной практикой, где применяются стандартизированные методы психологической оценки (США, Великобритания), а также эффективные механизмы разрешения трансграничных семейных споров (UCCJEA, Brussels IIa) [92].

Дополнительным ограничением казахстанской модели является отсутствие системы профилактики семейных споров: не разработана единая концепция раннего вмешательства, отсутствуют государственные центры семейного сопровождения, не сформированы стандарты оценки интересов ребёнка и родительской компетентности. Это контрастирует с зарубежной практикой, где применяются стандартизированные методы психологической оценки (США, Великобритания) [93], а также эффективные механизмы разрешения трансграничных семейных споров (UCCJEA, Brussels IIa) [94].

Таким образом, сравнительный анализ свидетельствует, что эффективность зарубежных моделей обусловлена институционализацией обязательного примирения, междисциплинарным подходом и приоритетом профилактики, тогда как казахстанская модель характеризуется фрагментарностью регулирования, доминированием судебного подхода и недостаточной ориентацией на интересы ребёнка.

Одной из наиболее острых проблем казахстанской модели семейного правосудия является неэффективность исполнения судебных актов, прежде всего решений об определении порядка общения с ребёнком. Практика показывает, что применяемые меры ответственности не достигают своей цели: административные штрафы оказываются формальными, фактическое принуждение к исполнению невозможно, а попытки силового воздействия приводят к дополнительной травматизации ребёнка. Судебные исполнители сталкиваются с эмоциональным сопротивлением сторон, при этом полиция фактически не участвует в исполнении таких решений.

В ряде зарубежных государств применяется более жёсткий и системный подход. Так, в Испании уклонение от исполнения обязанностей по общению с ребёнком может квалифицироваться как уголовное правонарушение. В Польше обязанность родителя обеспечивать контакты ребёнка с другим родителем прямо закреплена в семейном законодательстве, а нарушение влечёт ограничения родительских прав. В Республике Казахстан подобные эффективные механизмы до настоящего времени не сформированы.

Дополнительным ограничением является отсутствие института судебного посредничества. В ряде стран (Великобритания, Канада, Австралия) при судах

функционируют штатные специалисты – family conciliators, case managers, coordinators, сопровождающие семейные дела и ведущие переговоры до начала судебного разбирательства. В Казахстане такие функции фактически возложены на судей и секретарей суда, что не соответствует природе семейных конфликтов и значительно снижает эффективность их разрешения.

Несмотря на активное развитие электронного правосудия, семейные споры в Казахстане остаются слабо цифровизированными. Отсутствуют защищённые онлайн-медиации, видеособеседования ребёнка с участием психолога, электронные семейные кабинеты, национальная база заключений органов опеки и единая система сопровождения семейного кейса. Для сравнения, в Эстонии электронная система правосудия интегрирует суды, органы защиты детей и медиационные службы в единый цифровой контур.

Существенным недостатком является неподготовленность специалистов, участвующих в разрешении семейных споров. Судьи не проходят обязательное обучение по семейной медиации, психологи не специализируются на детской и семейной психологии, медиаторы не имеют подготовки по работе с высококонфликтными парами, родительским отчуждением и домашним насилием. В то же время зарубежная практика (Австралия, Канада) предусматривает обязательную аккредитованную подготовку специалистов по семейному правосудию и выявлению рисков насилия.

Скандинавские страны применяют одну из наиболее гуманизированных моделей семейного правосудия, основанную на обязательной медиации, профилактике конфликтов и минимизации судебного вмешательства.

В Норвегии в соответствии с Barneloven (Children Act, 1989) предусмотрена обязательная медиационная сессия (meklingsmøte) перед расторжением брака либо при возникновении спора о детях. Лишь при невозможности достижения соглашения, что фиксируется соответствующим протоколом, стороны получают право на обращение в суд. Таким образом, судебное разбирательство выступает крайней мерой [76].

В Финляндии реализуется модель муниципальных семейных консультантов (perheasiainsovittelija), предоставляющих услуги превентивного урегулирования и семейного сопровождения на уровне местного самоуправления [95].

Это позволяет разрешать значительную часть конфликтов до их эскалации в судебную плоскость.

Как отмечает J. Ekelund, «Скандинавская семейная юстиция строится на предположении, что большинство споров должны разрешаться вне суда – через переговоры и фасилитированный диалог» [96].

Эффективность данной модели обусловлена развитой системой социальной поддержки семьи и последовательной государственной политикой профилактики конфликтов.

Азиатские правовые системы демонстрируют гибридный подход, сочетающий судебное разбирательство с институционализированными примирительными процедурами. В Японии ключевую роль играют семейные суды, применяющие комбинированную модель: формальные судебные

процедуры дополняются обязательными заседаниями по урегулированию спора, проводимыми медиаторами при суде. Такая система ориентирована на достижение консенсуса и сохранение социальных связей [80].

В Республике Корея также внедрена обязательная медиация по семейным делам. Однако, как отмечается в доктрине, её эффективность ограничена влиянием традиционной патриархальной культуры и недостаточной развитостью социальных служб. По мнению S. Kim, «Без гендерного равенства и сильных социальных служб медиация превращается в формальный этап, а не в эффективный инструмент» [81].

В исламских правовых системах примирение (процедура sulh) является обязательным элементом разрешения семейных споров, а не факультативной альтернативой. Судебные системы, как правило, включают специализированные семейные или шариатские суды, обладающие высокой концентрацией семейно-правовой экспертизы.

Психологическое и социальное сопровождение семьи интегрировано в деятельность судов и осуществляется с участием медиаторов, семейных консультантов и религиозных экспертов. Опека над ребёнком строится на дуалистической системе hadana (фактический уход) и wilaya (правовое представительство), а механизмы взыскания алиментов отличаются оперативностью и высокой исполнимостью. Регулирование характеризуется выраженным государственным патернализмом и значительной ролью религиозных норм.

В Республике Казахстан, напротив, медиация носит добровольный характер, семейные дела рассматриваются общими и ювенальными судами, а социально-психологическое сопровождение семьи остаётся фрагментарным и институционально не оформленным.

Сравнительный анализ показывает, что Республика Казахстан находится на начальном этапе формирования современной модели семейного правосудия. Ключевые отличия от зарубежных систем заключаются в следующем: отсутствие легально закреплённой модели семейного правосудия и единого нормативного акта, доминирование судебного подхода (около 90 % семейных дел рассматриваются судами), отсутствие специализированных семейных судов в зарубежном понимании, ограниченное и несистемное применение медиации, фрагментарность институтов (суды, органы опеки, медиаторы, психологи действуют разрозненно), отсутствие институционализированной профилактики семейных конфликтов, недостаточная междисциплинарность при разрешении споров.

Компаративный анализ свидетельствует, что при наличии развитой нормативной базы казахстанская система лишена системности, институциональной интеграции и обязательных восстановительных процедур. Это объективно обуславливает необходимость формирования национальной модели семейного правосудия, основанной на международных стандартах, приоритете интересов ребёнка и межведомственном взаимодействии.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы.

В мировой правовой практике сформировались пять устойчивых моделей разрешения семейных споров: судебная, медиационная, интегративная (гибридная), административная, а также модель специализированных семейных судов.

Судебная модель (традиционная, континентальная) характеризуется доминированием судебного разбирательства как основного способа разрешения семейных конфликтов, активной ролью государства, формализованной процедурой и доказательственным процессом. Данная модель широко применяется в Республике Казахстан, Российской Федерации, Германии и Франции, особенно в спорах, затрагивающих интересы детей.

Медиационная (внесудебная, восстановительная) модель основывается на принципах добровольности, конфиденциальности и автономии воли сторон. Урегулирование конфликта осуществляется при участии независимого медиатора, а в ряде государств медиация закреплена как обязательная досудебная стадия (Италия, Австралия, Норвегия).

Интегративная (гибридная) модель сочетает судебные процедуры с примирительными практиками. Суд не ограничивается разрешением спора, а активно стимулирует стороны к медиации и консультированию, обеспечивая междисциплинарный подход. Данная модель реализуется в Канаде, Великобритании и Нидерландах.

Административная модель предполагает разрешение отдельных категорий семейных споров государственными и муниципальными органами вне судебной системы. Она широко используется при назначении алиментов, определении опеки и осуществлении профилактики семейных конфликтов и насилия, что характерно прежде всего для скандинавских стран.

Модель специализированных семейных судов представляет собой наиболее развитую форму судебной организации семейного правосудия. В рамках данной модели рассматриваются исключительно споры, связанные с семьёй и детьми, с участием междисциплинарных команд психологов, социальных работников и медиаторов. Процедуры отличаются гибкостью и восстановительным подходом. Наиболее последовательно данная модель реализована в Австралии, Великобритании, Канаде и Германии.

Каждая из указанных моделей обладает собственной концептуальной архитектурой, системой принципов и набором правовых и институциональных инструментов, отражающих особенности правовой системы и социальной политики соответствующего государства.

В условиях Республики Казахстан прослеживается сочетание судебной и административной моделей разрешения семейных споров при отсутствии институционально оформленных медиационной и интегративной моделей, а также специализированных семейных судов в международном понимании.

Современный тренд развитых юрисдикций заключается в переходе от традиционной судебной модели к восстановительным и гибридным формам

семейного правосудия, ориентированным на интересы ребёнка и снижение конфликтности. Практика показывает, что специализированные семейные суды являются наиболее эффективным механизмом разрешения дел, затрагивающих права и интересы детей; обязательная медиация и информационные сессии существенно сокращают количество споров, доходящих до суда; системы, основанные на междисциплинарном взаимодействии (США, Канада, Великобритания), обеспечивают оптимальный баланс между защитой прав и восстановительным воздействием.

В этой связи в целях повышения эффективности разрешения семейных споров Республике Казахстан представляется необходимым институционализировать специализированные семейные суды и нормативно закрепить иные альтернативные механизмы (досудебную примирительную процедуру, информационные встречи, конфликтологическое консультирование, электронное семейное досье, институт координатора родительских конфликтов, и др.).

Учитывая положительный опыт ряда зарубежных стран (Италия, Франция, Германия), считаем необходимым внедрить обязательный досудебный порядок разрешения семейных споров по некоторым категориям дел (раздел имущества, алименты, определение места жительства ребёнка, порядок общения с ребёнком). Предлагается внести изменение в статью 18 КоБС РК в следующей редакции: «Споры относительно раздела общего имущества, выплаты средств на содержание нетрудоспособного супруга, а также несовершеннолетних детей, возникающие между супругами при расторжении брака (супружества), определения места жительства ребенка и порядка общения родителя с ребенком рассматриваются в судебном порядке, только после соблюдения обязательного досудебного порядка разрешения споров».

2.2 Совершенствование моделей разрешения семейных споров

Правовая модель - это концептуальное представление о правовом явлении, которое отражает его ключевые принципы, закономерности и возможные варианты реализации. Правовая модель используется для сравнительного анализа различных правовых систем и поиска оптимальных решений. Она формируется на основе теоретических обобщений, правоприменительной практики и сравнительного правоведения. К примеру, модель семейных судов (например, французская, немецкая, скандинавская) – каждая из них отражает разные подходы к разрешению семейных споров [97].

Существует несколько правовых моделей разрешения семейных споров в современный период, каждая из которых определяет, какие механизмы применяются в конкретной правовой системе.

Судебно-ориентированная модель преобладает в странах, где семейные споры в основном рассматриваются в общих судах или специализированных семейных судах, включает строгие процессуальные нормы.

Медиационно-ориентированная модель предполагает приоритет альтернативных методов разрешения споров (медиация, семейные переговоры). Суд рассматривает спор только в исключительных случаях.

Административная модель предусматривает, что решение семейных споров в значительной степени возложено на органы опеки и попечительства. Суд привлекается только при отсутствии соглашения между сторонами.

Смешанная модель сочетает судебные, медиационные и административные механизмы.

На сегодняшний день, одной из основных моделей разрешения семейных споров является сопровождение семьи на всех стадиях судопроизводства с оказанием консультативной, психологической поддержки с разъяснением правовых последствий. При этом, охвату подлежат также семьи, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, многодетные и малообеспеченные семьи, жертвы бытового насилия (женщины и дети).

В октябре 2022 года на рабочем совещании, инициированном председателем ювенального суда Карагандинской области автором был презентован проект Центра при «Семейном суде». Основной целью Центра является поддержка семей посредством предоставления психологической помощи, консультативно-правовой, социальной помощи, координации взаимодействия с различными ведомствами и организациями в семейном суде на базе ювенального суда.

В результате реализации пилотного проекта «Семейный суд» был сделан вывод о необходимости создания Центров семьи при семейных судах (Приложение В). Этот шаг позволил расширить подсудность ювенальных судов, а также обеспечить сопровождение семей с оказанием различных видов помощи [98].

Значимость и востребованность внедрения Центров семьи для повышения качества работы с семьями в кризисных ситуациях указаны в Приложении Е.

Основная цель представленного проекта Центра поддержки семей с несовершеннолетними детьми заключается в предоставлении помощи родителям, направленной на преодоление кризисных ситуаций, урегулирование семейных конфликтов и решение споров. Такая поддержка способствует сокращению числа семейных разногласий и сохранению брачных отношений.

Многоуровневая система ресурсной поддержки позволяет точно определить, какой именно вид помощи наиболее востребован для конкретной семьи в текущий момент.

Информационные ресурсы представляют собой основу, на которой строится весь процесс оказания помощи семьям, находящимся в сложных жизненных обстоятельствах.

Социально-правовые ресурсы обеспечивают доступ к информации о социальной адаптации и законодательных аспектах, связанных с конкретной проблемой.

Образовательные ресурсы предоставляют возможность получить психологическую, педагогическую и правовую поддержку.

Социально-психологические услуги включают:

- Предоставление профессиональной психологической помощи, включая консультативные услуги как для несовершеннолетних, так и для их родителей.
- Содействие в возвращении несовершеннолетних в семьи, обеспечение их интеграции в семейную среду;
- Оказание психологической поддержки, проведение коррекционных мероприятий, направленных на устранение выявленных проблем;
- Социальное сопровождение семей с детьми, которые оказались в условиях социального неблагополучия.

Такая комплексная работа позволяет эффективно решать семейные проблемы, способствуя восстановлению здоровых отношений внутри семьи.

На безвозмездной основе осуществляется оперативное оказание услуг по предоставлению информации и консультированию.

На безвозмездной основе осуществляется оперативное оказание услуг по предоставлению информации и консультированию. Система защиты прав семьи и детей включает специалистов различных направлений, каждый из которых выполняет определённые функции. Их работа направлена на обеспечение благополучия детей, защиту их прав и интересов, а также на содействие мирному разрешению семейных конфликтов.

Юрист – ключевая фигура в правовой защите семьи и детей, особенно в сложных семейных спорах, требующих судебного или досудебного вмешательства. Основные задачи юриста:

– Консультирование граждан по вопросам семейного законодательства (расторжение брака, раздел имущества, алименты, определение места жительства ребёнка, установление отцовства и т. д.);

– Судебное представительство – защита интересов клиентов в суде по семейным спорам (расторжение брака, лишение родительских прав, взыскание алиментов и т. д.);

– Разработка правовых документов – составление исковых заявлений, брачных договоров, соглашений об алиментах, договоров о порядке общения с ребёнком и других документов;

– Сопровождение усыновления и установления опеки – помощь в сборе необходимых документов, представительство в судах и органах опеки;

– Правовая помощь в защите детей от насилия и жестокого обращения – взаимодействие с правоохранительными органами и социальными службами;

– Разъяснение прав и обязанностей родителей и детей – работа с семьями по предотвращению правонарушений;

– Работа с органами государственной власти – участие в совершенствовании семейного законодательства, разработка предложений по реформам.

Медиатор – нейтральное лицо, которое помогает сторонам семейного конфликта найти взаимоприемлемое решение без обращения в суд. Основные задачи медиатора:

– Организация и проведение переговоров между супругами, родителями и детьми, другими членами семьи;

– Помощь в урегулировании семейных споров – раздел имущества, алименты, определение порядка общения с ребёнком, споры по воспитанию детей;

– Содействие снижению уровня конфликта – помощь сторонам в эмоциональном выражении своих позиций, выработке конструктивных решений.

– Разработка медиативного соглашения – подготовка документа, фиксирующего достигнутые договорённости.

– Профилактика эскалации конфликта – выявление скрытых проблем и нахождение мирных решений.

– Восстановительное правосудие – работа с несовершеннолетними правонарушителями, примирение жертвы и правонарушителя в интересах ребёнка.

– Взаимодействие с судами и социальными службами – медиативные процедуры могут быть рекомендованы судом как альтернативный способ разрешения спора.

Медицинские работники играют важную роль в выявлении и предотвращении случаев насилия, а также в обеспечении физического и психического здоровья ребёнка. Основные задачи службы здравоохранения:

– диагностика состояния ребёнка – выявление случаев жестокого обращения, физического или психического насилия;

– медицинская помощь детям из неблагополучных семей – обследование, лечение, направление в специализированные медицинские учреждения;

– психологическая поддержка детей и родителей – работа с детьми, пережившими расторжение брака родителей, насилие, стрессовые ситуации;

– реабилитация жертв семейного насилия – оказание медицинской и психологической помощи пострадавшим детям и взрослым;

– профилактическая работа – информирование родителей о важности здорового образа жизни, воспитания без насилия, ответственного родительства.

Контроль за условиями проживания ребёнка – совместная работа с органами опеки, социальными службами и правоохранительными органами.

Взаимодействие с образовательными учреждениями – работа с учителями и психологами в выявлении детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Органы опеки и попечительства – это государственные органы, отвечающие за защиту прав и законных интересов детей, оставшихся без родительского попечения, а также детей, находящихся в сложных жизненных ситуациях.

Основные задачи органа опеки и попечительства:

– Выявление детей, оставшихся без попечения родителей – контроль за ситуацией в семьях, профилактика социального сиротства.

– Принятие мер по защите детей – временное изъятие ребёнка из неблагополучной семьи, размещение в приёмные семьи, детские дома или семьи опекунов.

– Контроль за условиями жизни и воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

– Принятие решений о лишении или ограничении родительских прав в случаях угрозы жизни и здоровью ребёнка[3].

– Содействие в устройстве детей в приёмные семьи, усыновление, патронатное воспитание.

– Контроль за деятельностью опекунов и попечителей – регулярные проверки условий жизни ребёнка.

– Обеспечение прав ребёнка на жильё и имущество – контроль за сохранностью имущества детей-сирот.

– Сотрудничество с судами, правоохранительными органами, социальными службами – представление интересов ребёнка в судах и других инстанциях (Приложение К).

Центры поддержки и РАГС предоставляют консультации по следующим вопросам: разъяснение правовых последствий расторжения брака. Также консультации по брачному договору: от этапа подготовки до заключения и стадии расторжения; изменение фамилии, имени и отчества, внесение изменений в актовую запись.

Услуги частного нотариуса включают: подготовку нотариальных соглашений супругов, касающихся алиментных обязательств; выдачу разрешений родителям на выезд ребенка за пределы страны; исполнительные надписи для упрощения исполнения решений.

Представитель региональной палаты частных судебных исполнителей Карагандинской области оказывает помощь: по вопросам исполнения алиментных обязательств в рамках исполнительного производства; по урегулированию задолженностей, возникших вследствие семейно-брачных отношений.

Центр занятости населения предлагает: помощь в трудоустройстве для семей; содействие в оформлении социальных выплат и пособий; сопровождение семей с целью обучения и получения востребованных профессий для дальнейшего трудоустройства.

Ресурсный центр поддержки семей предоставляет помощь семьям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации: стационарные услуги; временное размещение несовершеннолетних и их родителей; обеспечение мебелью, бытовой техникой, питанием (включая диетическое и лечебное); обеспечение одеждой, обувью, постельными принадлежностями; организация досуга и поддержка творческого развития; защита личных вещей, документов, ценностей.

В рамках реализации пилотного проекта Верховным Судом Республики Казахстан была инициирована работа по привлечению узкопрофильных специалистов из организаций, занимающихся вопросами семейного и

социального развития. Также активно участвуют представители государственных органов. Это направлено на обеспечение полноценного и комплексного сопровождения семей.

В рамках данного проекта при судах была создана система постоянного взаимодействия с медиаторами. Это стало возможным благодаря заключению меморандума о сотрудничестве с организациями «Право» и «Золотая Середина». Медиаторы предоставляют услуги на безвозмездной основе, содействуя внесудебному разрешению таких споров, как определение места жительства ребенка, порядок общения, взыскание алиментов и другие семейные вопросы.

Были получены положительные результаты в медиативной практике. Например, в ювенальном суде за 2024 год было заключено около 1132 медиативных соглашений без обращения в суд. Это позволило значительно снизить нагрузку на судебную систему, а также уменьшить число поданных исков [99].

Если супруги не приходят к письменному согласию по вопросам воспитания, общения с детьми или их содержания, суд берет на себя решение этих вопросов при рассмотрении дела о расторжении брака. Это касается и тех ситуаций, когда требования изначально не заявлены.

Ранее, до изменений в законодательстве, сторонам объяснялось, что срок исковой давности по вопросам раздела имущества исчисляется с момента, когда фактически были прекращены брачные отношения. Такое положение закреплено в пункте 20 Нормативного постановления «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака (супружества)» [100].

Проект «Семейный суд» и создание семейных кабинетов продемонстрировали необходимость привлечения дополнительных специалистов, компетентных в семейных вопросах (Приложение Г).

9 февраля 2024 года в Караганде начал работу новый Семейный центр – КГУ «Центр поддержки семьи города Караганды», подведомственный Отделу занятости и социальных программ. Основное направление работы центра – оказание всесторонней правовой, психологической и информационной поддержки семьям, а также помощь в решении социальных вопросов (Приложение Г). Центр взаимодействует с государственными органами, медицинскими учреждениями, образовательными организациями, ресурсными и кризисными центрами [101].

Центр подписал меморандум о сотрудничестве с ювенальным судом Карагандинской области. В рамках соглашения был утвержден график дежурств специалистов (юристов, психологов, теологов и наркологов) в семейных консультационных кабинетах при ювенальном суде. Согласно данным статистики, в период с 9 февраля по 29 октября 2024 года Центром предоставлено 710 юридических услуг, связанных с защитой прав и интересов семей. Среди них: 335 услуг по вопросам расторжения брака, 248 – по взысканию алиментов, 29 – по определению места жительства детей, 10 – по

порядку общения, 15 – по изменению размера алиментов, 21 – по установлению и оспариванию отцовства, а также услуги по другим вопросам. Кроме того, проведено 60 психологических исследований, связанных с определением места жительства несовершеннолетних. В целом работа Центра поддержки семьи и семейных кабинетов ювенального суда региона направлена на сохранение брака и урегулирование семейных конфликтов [102].

Особое внимание уделяется примирению супругов как до начала судебного процесса, так и во время его рассмотрения. Это подтверждают показатели: за 10 месяцев 2024 года 30% дел о расторжении брака были урегулированы путем возвращения заявлений, прекращения производства или оставления дел без рассмотрения. Важную роль в этом играет профилактическая работа, а также привлечение специалистов для решения сложных семейных проблем, с которыми сами супруги справиться не могут [102].

В рамках реализации гранта «Создание и развитие центров ресурсной поддержки семьи при специализированных межрайонных судах по делам несовершеннолетних и семейных судах «Бақытты отбасы» общественным фондом «Право» было организовано дежурство специалистов в семейных кабинетах суда [102].

За 2024 год профессиональные медиаторы общественных объединений заключили в семейных кабинетах ювенального суда 1132 медиативных соглашения. Из них 95% касались определения места жительства и порядка общения с детьми, а 5% – вопросов, связанных с выплатой алиментов [102].

Итоги совещания проведенного в июле 2024 года по вопросам взаимодействия Центра психологической поддержки и Центра поддержки семьи города Караганды со специализированным межрайонным судом по делам несовершеннолетних Карагандинской области выявили необходимость уточнения задач и функций Центров поддержки семьи.

Согласно пункту 1) части 2 статьи 5-1 Кодекса Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» [22], одной из основных задач Центров поддержки семьи является реализация мер государственной семейной политики, включая сохранение брака и семьи, разрешение семейных конфликтов, профилактику бытового насилия и принятие других необходимых мер. Это обязывает Центры проводить профилактическую работу, консультировать семьи с целью урегулирования конфликтов, сохранения института брака и профилактики насилия в быту.

Семейные споры, включая вопросы расторжения брака, находятся в юрисдикции судов. Поэтому взаимодействие Центров с судами предполагает сопровождение семейных дел в формате консультирования и поддержки. В связи с этим при ювенальных судах созданы кабинеты семейных консультаций, где специалисты по вопросам семьи оказывают содействие в разрешении конфликтов, предоставляют консультации, правовое сопровождение и поддержку семьям, оказавшимся в сложных жизненных обстоятельствах, а также жертвам бытового насилия (Приложение Б, К).

Процесс разрешения семейных споров не ограничивается примирением сторон. Он включает психологическое консультирование, исследование внутрисемейных отношений и комплексную помощь. В этой связи возникает необходимость дополнить штатные нормативы Центров поддержки семьи, утвержденные приказом Министра культуры и информации РК №256-ОД от 14 июня 2024 года, включив единицу медиатора.

При участии специалистов Центра поддержки семьи города Караганды, ОФ «Право» и ОО «Золотая середина» ювенальные суды координируют работу по выявлению семей в кризисных ситуациях, многодетных и неблагополучных семей, а также фактов бытового насилия в отношении женщин и детей. За первое полугодие текущего года благодаря этому взаимодействию удалось урегулировать около 90% семейных конфликтов [103].

На основании вышеизложенного, предлагается пересмотреть Правила осуществления деятельности Центров поддержки семьи. Необходимо увеличить штатное количество психологов, юристов и медиаторов для эффективного взаимодействия с судами и более качественной реализации мер государственной семейной политики. Также в подпункте 6-8 пункта 6 главы 2 данных Правил следует уточнить полномочия юристов, социальных работников и психологов Центров в части реализации мер по сохранению брака и семьи, а также разрешению семейных конфликтов [103].

Ювенальные суды, не имея иных механизмов привлечения узкопрофильных специалистов для работы в семейных кабинетах, взаимодействуют с организациями в сфере защиты прав детей и развития семьи. Это позволяет разгрузить судебные органы, а также разрешать конфликты еще на досудебной стадии, что способствует решению социальных проблем.

По нашему мнению, требуется единообразный подход к рассмотрению семейных споров, поскольку в отдаленных районных судах часто отсутствуют семейные психологи и медиаторы, а также семейные кабинеты. Это приводит к неравному положению граждан при разрешении семейных споров.

Сотрудничество ресурсных центров с ювенальными судами демонстрирует эффективность индивидуального подхода в решении семейных вопросов. Это доказывает необходимость создания при ювенальных судах самостоятельных семейных центров и эффективность их деятельности в разрешении семейных споров.

Актуальными вопросами, связанными с определением судов, компетентных рассматривать и разрешать семейные споры, относятся подсудность специализированных ювенальных судов, усиление ответственности за противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений, обязательность участия психолога-специалиста по вопросам семейных конфликтов, создание консультативного органа для координации деятельности в сфере семейно-бытовых отношений, а также усиление компетенции местных исполнительных органов по координации семейных ресурсных центров. В целях совершенствования семейного законодательства представляется целесообразным внесение этих и других, описанных в настоящем исследовании

изменений, что приведет к осуществлению правосудия с учетом особенностей специфики рассмотрения семейных споров.

Необходима квалифицированная помощь по разрешению семейных споров в порядке досудебного урегулирования с участием профессиональных медиаторов, семейных психологов и социальных работников, которая позволит урегулировать и другие споры, возникающие в ювенальном суде, связанные с определением места жительства детей, об определении порядка общения с детьми, об оспаривании отцовства, в также позволит разрешить вопросы, вытекающие из алиментных обязательств, по жалобам частного обвинения о злостном уклонении от уплаты алиментов.

В Казахстане формирование подобной системы возможно в формате Центров семейного сопровождения при ювенальных судах. Эти центры могли бы выполнять функцию не только досудебного урегулирования спора, но и последующего контроля за исполнением решений. В мировой практике такая модель показала высокую эффективность, поскольку позволяет обеспечить непрерывность работы с семьёй, минимизировать повторные конфликты и снизить нагрузку на суды. Центры семейного сопровождения могли бы стать площадкой для проведения обязательных консультаций по медиации, психологического тестирования, выявления рисков семейного насилия и подготовки заключений для суда. Развитие судебных механизмов также должно происходить в направлении расширения компетенции специализированных судов.

Практика последних лет показывает, что передача дел о расторжении брака с детьми, алиментах, порядке общения и других семейных вопросов в ювенальные суды позволяет добиться более глубокого анализа обстоятельств дела и учёта психологического состояния ребёнка [33]. Однако, на данном этапе ювенальные суды не располагают полноценной междисциплинарной инфраструктурой, которая имеется в зарубежных специализированных судах. Судьи сталкиваются с делами значительной сложности, но вынуждены опираться на фрагментарные и недостаточно полные заключения различных служб. Создание при судах психологических подразделений, штатных экспертов, социальных работников и координаторов дела позволило бы значительно повысить качество судебных решений.

В Республике Казахстан отсутствует система государственных центров профилактики семейных конфликтов. Существующие кризисные центры ориентированы преимущественно на последствия насилия и не выполняют функций раннего вмешательства. В отличие от этого, в Норвегии, Франции и Испании действуют государственные центры семейного консультирования и медиации, обеспечивающие профилактику конфликтов, психологическую помощь и сопровождение семей в период расторжения брака [104].

Финансовая доступность профессиональной помощи также остаётся ограниченной: услуги медиаторов, психологов и семейных консультантов не финансируются государством, не включены в гарантированный объём

бесплатной юридической помощи и фактически недоступны для сельского населения.

Проведённый анализ показывает, что в Республике Казахстан сформировалась судебно-ориентированная модель разрешения семейных споров, которая не отвечает современным требованиям восстановительного и ориентированного на ребёнка правосудия. Зарубежный опыт демонстрирует, что эффективное семейное правосудие основывается на: специализации судов, обязательных досудебных процедурах, междисциплинарном подходе, институционализации медиации, развитой системе профилактики и поддержки семьи.

Казахстанская модель характеризуется отсутствием целостной концепции, фрагментарностью институтов, слабой интеграцией социальных служб и минимальной ролью медиации. Совокупность указанных факторов свидетельствует о необходимости масштабной реформы семейного правосудия и перехода от репрессивно-судебной к интегративно-восстановительной модели, в центре которой находятся интересы ребёнка, межведомственное взаимодействие и профессиональное сопровождение семьи.

Анализ зарубежных правовых моделей показывает, что независимо от правовой традиции они опираются на общие принципы: приоритет интересов ребёнка, минимизация конфликта, раннее вмешательство, междисциплинарность и интеграция социальных служб. Современные тенденции свидетельствуют о переходе от судебно-ориентированного к восстановительному семейному правосудию.

В этой связи ключевыми направлениями реформирования семейного правосудия в Республике Казахстан являются нормативное закрепление понятия «семейный спор» и концепции семейного правосудия, создание специализированных семейных судов, введение обязательных досудебных примирительных процедур, развитие центров семейного сопровождения, институциональное усиление органов опеки, формирование системы профилактики семейных конфликтов, разработка «маршрута семьи» (Family Justice Pathway), интеграция психологов и социальных работников в судебный процесс.

Казахстан обладает значительным потенциалом модернизации семейного правосудия. При условии политической воли и межведомственного взаимодействия возможно формирование современной национальной модели, соответствующей международным стандартам и ориентированной на защиту интересов ребёнка и семьи.

2.3 Развитие примирительной процедуры как альтернативной модели разрешения семейных споров

В Казахстане (и других странах СНГ) не в полной мере используются широкие возможности механизмов несудебного урегулирования семейных споров. Представляется, что это связано с отрицанием или неприятием всего

спектра возможностей разрешения семейного спора, его идентификации только через призму судебного урегулирования. Иными словами, семейные споры воспринимаются как споры, которые разрешаются, прежде всего, в судебном порядке. Однако, это не соответствует реальному потенциалу мирного урегулирования конфликтов в семьях, которое позволило бы сохранить и укрепить институт семьи, повысить уровень доверия граждан к альтернативным вариантам разрешения семейных споров, прежде всего, через институт медиации. В связи с этим, в рамках настоящего диссертационного исследования представляется целесообразным рассмотреть судебные и внесудебные механизмы урегулирования семейных споров, проанализировать перспективы создания и деятельности семейных судов, а также медиации при разрешении различных видов семейных споров.

Традиционно семейные конфликты считаются одними из наиболее сложных, поскольку их участниками являются близкие друг другу люди, связанные между собой кровнородственными узами, что придает процессу разрешения таких конфликтов остроту. Поэтому для их урегулирования необходимо использовать весь спектр возможных средств и способов [105; 27].

Альтернативные методы разрешения споров больше всего применяются как в семейных спорах, и так во всем мире. Широко используемыми из них является институт урегулирования спора путем медиации.

В США медиация при разрешении трудовых и семейных споров конфликтов появилась в 60-х годах XX в. Применение медиации в Соединенных штатах является наиболее эффективной процедурой при разрешении указанных споров. Суд назначает примирительную процедуру, в случае если сочтет возможным сохранение брака. Отличительной особенностью является понуждение к медиации. Процедура примирения осуществляется специальной службой согласно ст.404 Единообразного закона США о расторжении брака[106; 7].

В Великобритании (Бристоле) первая служба медиации была открыта в 1978 г. [107; 4].

Институт медиации во Франции получив распространение судебной медиации и реализуемой диспозитивностью судопроизводства используется с 1996 года. При этом добровольность применяется при разрешении брачно-семейных споров. Новеллой стало заключение соглашения о непрерывном развитии медиации, стороны: Суд Парижа по вопросам апелляции и «Интернет форум по вопросам права» в 2009 году, предусматривающее осуществление процедуры медиации посредством интернета.

2010 год – начало применения института медиации по семейным спорам в России. Михайлова М.В., Бондарева А.Н. указывают, что несмотря на законодательное закрепление возможности применения медиации в семейных правоотношениях, то отсутствуют нормы, специально регламентирующие разрешение семейных споров с участием детей [108, с. 43]. С указанным суждением авторов не согласна, так как дети не должны принимать участие в

разрешении конфликтных ситуаций между родителями, обсуждающими личные проблемы и разногласия.

Таким образом, возвращаясь к истокам развития медиации, процедура начала свое развитие ко второй половине XX века. Родоначальниками которой стали страны англо-саксонского права, таких как Австралия, США Великобритания, позже распространилась на европейские страны.

Многолетний зарубежный опыт свидетельствует о возможности внедрения альтернативного разрешения спора в семейно-правовой сфере. Поэтому на сегодняшний день наиболее эффективной формой разрешения семейных конфликтов является применение института медиации, поскольку вероятность заключения медиативных соглашений по семейным спорам высокая.

Институт медиации в РК получил законодательное закрепление 26 января 2011 года путем принятия Закона «О медиации», предусматривающий особенности рассмотрения медиаторами более широкого спектра разрешения споров, в том числе и семейных. Законом урегулирована процедура проведения медиации, предусматривающую содействие профессионального посредника (медиатора) [46].

В Казахстане в 2015 году в рамках реализации пяти институциональных реформ Главы государства «Плана нации – 100 конкретных шагов» казахстанское законодательство претерпело ряд изменений, в частности внедрение института медиации в процессуальное законодательство [109]. В этой связи, особо важной сферой в реализации данной процедуры является создание механизма разрешения семейного спора, отличающегося созданием альтернативы разрешения спора в суде, а также быстротой его разрешения и исполняемостью, которая приведет к уменьшению нагрузки в судах, устранению волокиты, освобождению от судебных издержек, связанных с производством по делу.

Несмотря на многообразие медиативных процедур, используемых в зарубежной практике, медиация в Казахстане представляет собой важнейший критерий развития демократии [110, с. 49].

Проведенное исследование показывает, что медиация как социальный институт способна развиваться в двух направлениях – в судебной и внесудебной. В Казахстане, как и в США, данный институт развивается параллельно, примечательно, что в Республике Беларусь существует только семейная медиация.

Семейная медиация – это альтернативный способ урегулирования семейных споров, при котором независимый посредник (медиатор) помогает сторонам достичь взаимоприемлемого соглашения, избегая длительных судебных разбирательств. Данный метод активно используется для разрешения как имущественных, так и личных споров в семейных отношениях.

1. Целью семейной медиации являются:

– Сохранение и улучшение отношений между сторонами, особенно в случаях, когда они продолжают взаимодействовать (например, родители после расторжения брака).

– Разрешение конфликта в атмосфере сотрудничества, а не конфронтации.

– Экономия времени и средств по сравнению с судебным разбирательством.

– Минимизация психологического стресса для всех участников, особенно для детей.

2. Задачи:

– Поиск справедливого и взаимовыгодного решения для сторон.

– Устранение причин конфликта, а не только его последствий.

– Снижение эмоционального накала и предотвращение дальнейшей эскалации спора.

– Учет интересов всех участников, включая детей, если спор затрагивает их права.

Преимущества семейной медиации:

а) добровольность: Участие в медиации – это осознанный выбор сторон, что способствует их вовлеченности в процесс и ответственности за принятое решение;

б) конфиденциальность: Все обсуждения в рамках медиации не подлежат разглашению и не могут быть использованы в суде;

в) гибкость и индивидуальный подход: Решение разрабатывается с учетом конкретной ситуации и потребностей сторон, а не в рамках строгих правовых норм;

г) сохранение отношений: Медиация способствует улучшению коммуникации между сторонами.

Семейная медиация может быть использована для урегулирования следующих споров:

а) раздел совместно нажитого имущества; соглашения о выплате алиментов; достижение договоренностей о месте жительства детей;

б) родительские права и обязанности: определение порядка общения родителей с детьми; урегулирование вопросов воспитания детей;

в) имущественные вопросы: раздел имущества, не являющегося совместно нажитым; споры, связанные с наследством;

г) вопросы усыновления и опеки: установление опеки или попечительства; передача ребенка под опеку в случае утраты родительских прав.

д) межпоколенческие конфликты: алиментные обязательства между родственниками; разногласия между родителями и детьми.

Процедура семейной медиации состоит из следующих этапов:

1) Подготовка:

– первичная встреча медиатора с обеими сторонами для определения возможности медиации;

– разъяснение сторонам принципов, целей и процедуры медиации;

– заключение соглашения о проведении медиации.

2) Процесс медиации:

– обсуждение проблемы с обеими сторонами;

– определение ключевых интересов и потребностей участников;

– совместный поиск решений с учетом интересов каждой из сторон;

– выработка проекта соглашения.

3) Заключение:

– формирование и подписание соглашения, которое может быть утверждено судом, если стороны этого требуют [46].

Медиатор в семейной медиации выступает как нейтральная фигура, которая: создает условия для конструктивного диалога; помогает сторонам выявить их истинные интересы и потребности; способствует поиску оптимального решения, которое удовлетворяет обе стороны; не принимает сторону одного из участников и не предлагает готовых решений.

В Республике Казахстан семейная медиация регулируется Законом РК «О медиации» от 28 января 2011 года; Кодексом РК «О браке (супружестве) и семье», которые предусматривают возможность досудебного урегулирования семейных споров с использованием медиации; Гражданским процессуальным кодексом РК, который включает положения о примирительных процедурах, включая медиацию и партисипативную процедуру.

Согласно законодательству, семейная медиация может применяться как досудебная процедура или примирительная процедура в рамках судебного процесса.

Выявлены следующие проблемы реализации семейной медиации:

а) недостаточная осведомленность населения. Многие граждане не знают о возможности разрешения споров через медиацию;

б) слабое развитие института медиации. Недостаточное количество квалифицированных медиаторов, особенно в отдаленных регионах;

в) недоверие к процедуре. Некоторые участники считают, что медиация не может заменить судебное разбирательство;

г) отсутствие обязательности. Медиация возможна только при согласии обеих сторон, что затрудняет ее применение в конфликтных случаях;

д) отсутствие четкого механизма исполнения медиативных соглашений. Хотя такие соглашения могут утверждаться судом, их исполнение зависит от добросовестности сторон.

Семейная медиация является эффективным способом разрешения семейных споров, позволяя сторонам достичь компромисса без длительных судебных процессов. Ее успешное применение способствует укреплению социальной стабильности, снижению нагрузки на судебную систему и защите интересов всех участников семейных отношений. Для дальнейшего развития семейной медиации в Казахстане требуется активное информирование граждан, повышение квалификации медиаторов и совершенствование нормативной базы.

В целях мирного урегулирования споров на стадии принятия исковых заявлений, Верховным Судом с марта 2018 года к судах Казахстана был запущен пилотный проект под названием «Примирительные процедуры в суде», в реализации которого были задействованы судьи-примирители, судьи-

медиаторы, медиаторы. Проект был направлен на урегулирование споров, подлежащих примирению, что представляют собой медиабельные споры [111].

В ювенальный суд Карагандинской области по состоянию на 12 месяцев 2023 года в сравнении с аналогичным периодом 2022 года поступило 2306/1330 исков (заявлений) и дел, 78/98 остаток дел и заявлений на начало отчетного периода. Возвращено 295/326 отказано в принятии 30/20. Всего рассмотрено 1609/993 дело. Из них медиабельных сеймено-правовых споров по категориям дел:

– об определении места жительства -169/203;

– споры о взыскании алиментов на содержание нетрудоспособных родителей -1/0;

– об определении порядка общения с детьми – 106/112;

– о разделе имущества супругов, имеющих несовершеннолетних детей– 61/0;

– о взыскании алиментов на содержание супруги –63/0;

– споры о взыскании алиментов на время обучения-6/0.

Статистические данные в ювенальном суде Карагандинской области за 2024 год выглядят следующим образом: поступило исков (заявлений) 5205 и дел 28, в остатке 363 дела на начало отчетного периода. Возвращено 521, отказано в принятии 81. Всего рассмотрено 4600 дел, из них: с вынесением определений – 803 (прекращено в порядке медиации – 285, в порядке партисипативной процедуры – 4, с утверждением мирового соглашения – 3, в связи с отказом от иска – 580, направлено по подсудности - 39, оставлено без рассмотрения – 552) [112].

Медиабельные споры по категориям дел:

– об определении места жительства -150;

– об определении порядка общения с детьми – 88;

– о разделе имущества супругов, имеющих несовершеннолетних детей – 95;

– о взыскании алиментов на содержание супруги – 159;

– споры о взыскании алиментов на время обучения – 2.

Согласно статистическим данным Специализированного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области по состоянию за 12 месяцев 2025 года поступило 5793 исков и заявлений, 24 гражданских дел, 359 остаток дел и заявлений на начало отчетного периода[112].

Из них возвращено 976 исковых заявлений (заявлений), что составило 16,8%, отказано в принятии по 151 искам (2,6%).

Всего окончено производством 4444 дел, в том числе с вынесением определений – 1396 (прекращено в порядке медиации – 266, в порядке партисипативной процедуры – 3, с утверждением мирового соглашения – 1, в связи с отказом от иска – 601, направлено по подсудности - 31, оставлено без рассмотрения – 494) [112].

Медиабельные споры по категориям дел:

– об определении места жительства -156;
– об определении порядка общения с детьми – 70;
– о разделе имущества супругов, имеющих несовершеннолетних детей–89;
– о взыскании алиментов на содержание супруги – 127;
– споры о взыскании алиментов на время обучения – 9;
– о разделе имущества между супругами – 89.
– споры в сфере договорных обязательств – 9;
– о возмещении вреда – 33;
– споры возникающих в сфере жилищных правоотношений – 13;
– о выделении доли из имущества – 43;
– о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей дополнительными требованиями – 24 [112].

В целях урегулирования семейных споров судьями примирителями, медиаторами на всех стадиях гражданского судопроизводства принимаются меры к мирному разрешению дел.

Причем многие семейные споры не подлежат альтернативному разрешению. Верховным Судом сформирован список немедиабельных исков, к их числу отнесены и иски по семейным спорам, такие как: расторжение брака, установление отцовства, оспаривание отцовства, освобождение от уплаты алиментов, определение доли умерших супругов и другие.

Споры о лишении (восстановлении, ограничении) родительских прав, об отмене усыновления, о признании усыновления недействительным, предусматривают их разрешение с обязательным участием прокурора и представителя управления образования, следовательно, не относятся к категории медиабельных. Не подлежат примирению и споры, связанные с расторжением брака, в том числе по причине бытового насилия в семье, так как это может привести к необратимым последствиям в будущем. За последние полгода количество расторжений брака по факту бытового насилия в отношении женщин и детей возросло. При выявлении указанных фактов, Кризисным центром применяются меры реагирования путем административного воздействия, проводится профилактическая работа. Однако, не все факты насилия в семье можно пресечь, так как жертвами насилия эти обстоятельства в основном не раскрываются [44].

Невозможно применение медиации, когда один из супругов является гражданином иностранного государства, поскольку их исполнение не предусмотрены нормами международных конвенций, ратифицированных Республикой. На территории других государств могут быть исполнимы только состоявшиеся решения суда либо мировое соглашение.

К примеру, ранее по спорам, вытекающим из алиментных обязательств, регулируемых нормами семейного законодательства, медиация была недопустима. Теперь же семейным законодательством предусмотрено заключение не только нотариальных соглашений, но также медиативных и партисипативных соглашений.

Категории дел, по которым должно проводиться внесудебное урегулирование спора не ограничен, данную процедуру возможно применить и по другим категориям дел, не указанным в данном проекте. При этом, следует отметить, что примирение невозможно по делам особого, приказного производства либо если одной из сторон выступает государственный орган.

В рамках реализации семи камней правосудия районный суд №3 Октябрьского района г. Караганды весной 2018 года приступил к реализации пилотного проекта о применении примирительных процедур на стадии принятия исков [113], во исполнение распоряжения председателя Карагандинского областного суда от 17 мая 2018 года.

Применение примирительных процедур судьей-медиатором проводится в соответствии с Законом Республики Казахстан «О медиации». С принятием данного Закона внесены изменения и дополнения в ГПК в части совершенствования работы судов, чтобы снизить издержки и оптимизировать судебные процедуры. В частности, увеличены сроки принятия исков до 10 рабочих дней (ст. 150 ГПК). В течение этого срока судьей прилагаются усилия для примирения сторон, что позволяет разрешить семейный спор, не начиная судебный процесс [46].

Такое примирение в суде проводится согласно алгоритму процессуальных действий, в рамках ранее разработанного пилотного проекта, разработанного Верховным Судом Республики Казахстан.

В первую очередь, судья примиритель направляет сторонам приглашение, в котором разъясняются преимущества примирения. Примирительные процедуры начинаются на стадии принятия иска судьей - медиатором либо медиатором, согласно Закону РК «О медиации» и с учетом положений гл. 17 ГПК (примирительные процедуры).

В процессе обсуждения и заключения медиативного соглашения, стороны могут менять свои требования, увеличивая либо уменьшая их, при увеличении требований доплата государственной пошлины не производится, что является еще одним неоспоримым плюсом примирительных процедур, и помогает избежать лишних трат [114].

Все мы знаем, как часто, окружение и родственники оказывают сильное влияние на участников конфликта, особенно ярко это проявляется в спорах, касающихся семейно-брачных отношений. Раньше, судья-медиатор был лишен возможности привлечь этих значимых людей и стороны, находящиеся под определенным влиянием, с трудом находили точки соприкосновения. Теперь суд наделен правом пригласить для проведения примирительной процедуры не только стороны, но и других лиц, с помощью которых стороны могут прийти к компромиссу.

Стоит отметить, что в ходе разрешения споров в рамках действия семейно-брачного законодательства суды полностью придерживаются практики применения примирительных процедур.

Ювенальные суды являются одним из первых судов в республике, внедривших практику применения в судопроизводстве процедуры медиации.

Его специфика заключается в проведении необходимых исследований и действий, которые требует определенного времени необходимо приостановление производства гражданского дела, в связи с необходимостью проведения психологического тестирования обоих семей, в том числе по месту проживания, круга общения и по результатам проведенных исследований представления заключения специалиста-психолога.

В процессуальном законодательстве закреплено, что теперь и члены юридической палаты наделены правом участвовать в партисипативных процедурах и заключать соглашения.

При нарушении прав и интересов третьих лиц, соглашение не утверждается судом.

Условия соглашения должны быть четко определены и не содержать отлагательных условий, что обеспечивает их юридическую ясность и обязательность. Например, судом было утверждено партисипативное соглашение по делу о разделе совместно нажитого имущества супругов. Согласно условиям соглашения, ответчик обязался выплатить истцу компенсацию за половину стоимости автомобиля в размере 500 000 (пятьсот тысяч) тенге до 30 января 2024 года [115].

Стороны также достигли договоренности о дальнейшем отказе от исков по разделу автомобиля марки Kia Sportage 2014 года выпуска, приобретенного в браке, и по возмещению стоимости проданной 24 января 2023 года квартиры №48, расположенной по адресу: город Караганда, улица Победы, 159/2. Кроме того, стороны отказались от претензий по разделу другого совместно нажитого имущества [115]. На сегодняшний день условия данного партисипативного соглашения полностью выполнены.

Другой пример касается эффективности применения примирительных процедур. При подаче иска о расторжении брака, сопровождаемого требованиями об определении места жительства детей, взыскании алиментов и разделе имущества, супруги могут достичь соглашений по медиабельным вопросам. В таких случаях суд утверждает медиативные соглашения отдельным определением, а спор о расторжении брака рассматривается в рамках вынесения судебного решения[116].

Дополнительные судебные расходы, указанные в исковых требованиях, распределяются в соответствии с условиями заключенного соглашения. Если такие расходы не предусмотрены условиями соглашения, они считаются взаимно погашенными [116].

Одним из ключевых преимуществ примирительных процедур является возможность возврата уплаченной государственной пошлины. В случае достижения соглашения и его утверждения судом, государственная пошлина возвращается из дохода местного бюджета лицу, подавшему иск. Это позволяет не только снизить финансовую нагрузку на стороны, но и стимулирует применение примирительных процедур для разрешения споров.

На основании проведенного анализа и исследований было установлено, что процесс выполнения необходимых мероприятий, включая действия

психологического характера, требует значительного времени и в среднем занимает от одного до двух месяцев.

Применение медиации в судебной практике, особенно в рамках работы судов по делам несовершеннолетних, эффективно благодаря участию представителей ювенальной юстиции, включая психологов. Практика показывает, что при рассмотрении споров, касающихся воспитания детей, индивидуальный подход к каждой семье и активное участие специалистов позволяет достигать примирения в 52% случаев. Это подтверждает значимость медиации, так как мирное урегулирование споров помогает избежать ситуаций, в которых конфликты между родителями наносят ущерб психическому состоянию ребенка.

Примером успешного внедрения медиации является пилотный проект «Примирительные процедуры в суде», реализованный в районном суде №3 Октябрьского района города Караганды. Согласно данным социологического опроса, проведенного в рамках проекта с 22 мая 2018 года по 26 декабря 2019 года, супруги, обратившиеся в суд, высоко оценили качество профилактической работы, оказание психологической поддержки и услуги медиаторов. Из 622 анкет респондентов 100% дали оценку «отлично», что свидетельствует о полном удовлетворении участников процессом.

Даже в тех случаях, где медиация не состоялась (162 анкеты), все респонденты также дали положительные отзывы. По успешно проведенным медиативным процедурам, охватывающим 460 анкет, ни одной отрицательной оценки или предложений по улучшению за весь период проекта не поступило. Это подтверждает эффективность примирительных процедур и их востребованность.

С учетом развития информационных технологий, медиация активно применяется в режиме онлайн. Виртуальные примирительные процедуры, такие как использование мобильной видеоконференцсвязи (МВКС), значительно ускоряют процесс урегулирования споров. Преимущества онлайн-медиации заключаются в удобстве, оперативности и доступности, что позволяет минимизировать временные издержки и избежать бюрократических проволочек.

Проводимая работа в рамках примирительных процедур дает положительные результаты. В частности, наблюдается снижение числа расторжений брака и устранение сопутствующих споров, связанных с определением места жительства ребенка, порядком общения родителей с детьми, содержанием ребенка и разделом имущества.

После введения 22 июня 2020 года изменений в Гражданский процессуальный кодекс РК Верховный Суд РК направил разъяснения по применению норм, регулирующих примирительные процедуры. Одним из ключевых вопросов стало определение возможности проведения примирительных процедур, если к исковому заявлению приложено заявление об обеспечении иска или упомянуто в иске.

Согласно части 1 статьи 150 ГПК, судья должен в течение пяти рабочих дней с момента поступления искового заявления решить вопрос о его принятии в производство [44]. Однако в случаях проведения примирительных процедур этот срок увеличивается до десяти рабочих дней. Судья-примиритель с момента получения иска наделен полномочиями для выполнения процессуальных действий до начала подготовки дела к суду, включая принятие мер по обеспечению иска.

Таким образом, судья-примиритель вправе инициировать гражданское дело и принимать меры по обеспечению иска в пределах установленного десятидневного срока. Примирительные процедуры также продолжаются в этот период. Если оснований для применения обеспечительных мер не выявлено, заявление об обеспечении иска рассматривается после завершения примирительных процедур.

Иски с заявлениями об обеспечении иска могут быть включены в примирительные процедуры. Они распределяются через информационную систему судебных органов «Төрелік» судьям, специализирующимся на таких процедурах. Заявления об обеспечении иска, поступившие на стадии примирительной процедуры, также передаются судье-примирителю.

На стадии принятия искового заявления судья-примиритель проверяет: подведомственность и подсудность иска; соблюдение истцом внесудебного или досудебного порядка урегулирования спора.

Если основания для отказа или возврата иска (статьи 151 и 152 ГПК) отсутствуют, судья выносит определение о принятии иска в течение пяти рабочих дней с момента его поступления. В случае необходимости обеспечения иска, вопрос решается одновременно с возбуждением дела, до истечения десятидневного срока, предусмотренного статьей 150 ГПК [44].

Примирительные процедуры, предусмотренные нормами ГПК, демонстрируют высокую гибкость и обеспечивают оперативное разрешение споров, включая вопросы, связанные с обеспечением иска. Если заявление об обеспечении иска поступает после подачи иска (и в тексте искового заявления оно не упомянуто), его рассмотрение производится судьей-примирителем в день поступления заявления в суд. При этом решение о возбуждении гражданского дела принимается одновременно.

В случае возбуждения дела его производство может быть приостановлено для проведения примирительных процедур. Судья-примиритель направляет сторонам приглашение для участия в примирительной процедуре, устанавливая дату ее проведения в пределах десяти рабочих дней с момента поступления искового заявления. Такой порядок способствует своевременному рассмотрению дела и повышению вероятности достижения взаимного соглашения сторон [44].

В приглашении, направляемом сторонам, суд разъясняет, что исковое заявление принято к рассмотрению, и информирует о праве урегулировать спор с использованием примирительных процедур, таких как мировое соглашение, медиация или партисипативная процедура. Одновременно стороны

уведомляются о преимуществах примирительных процедур и возможных правовых последствиях рассмотрения дела в судебном порядке, а также исполнения судебного решения.

Стороны, согласившиеся участвовать в примирительной процедуре и явившиеся в суд, самостоятельно выбирают ее вид. Свое решение они фиксируют в ходатайстве, после чего судья приступает к проведению процедуры.

Если стороны выбрали мировое соглашение, они представляют его текст для утверждения судом в соответствии со статьями 175–177 ГПК. В случае выбора судебной медиации стороны подают ходатайство о ее проведении судьей. По итогам достижения соглашения в рамках медиации судья проверяет его условия и выносит определение об утверждении. При этом, если по иску было возбуждено гражданское дело, оно подлежит прекращению согласно частям первой и второй статьи 180 ГПК [44].

Если стороны предпочли партисипативную процедуру и представили соответствующее соглашение, судья проверяет его содержание. После этого выносится определение об утверждении соглашения и завершении производства по ранее возбужденному гражданскому делу (статья 182 ГПК) [44].

Если стороны отказались участвовать в примирительной процедуре, не явились на приглашение суда в течение десяти рабочих дней, не достигли соглашения или если условия медиативного соглашения не были утверждены, судья-примиритель принимает решение о дальнейших действиях в соответствии с законодательством.

В случаях, когда заявление об обеспечении иска отсутствует, подано вместе с иском или упомянуто в нем, судья-примиритель решает вопрос о возбуждении гражданского дела [113].

Процессуальные сроки по искам начинают исчисляться с даты первоначального поступления иска в суд. Документы, представленные сторонами, если они не содержат конфиденциальной информации и имеют отношение к спору, приобщаются к делу в случае его дальнейшего рассмотрения (часть третья статьи 179 ГПК) [44].

Согласно подпункту 3) части 9 статьи 35 ГПК, если стороны не смогли прийти к примирению и не выразили согласие на рассмотрение дела текущим судьей в течение 10 рабочих дней, предусматривается замена судьи. Однако судья-примиритель вправе оставить дело в своем производстве, если стороны согласились на его дальнейшее рассмотрение этим судьей.

Таким образом, подготовку по делу осуществляет судья, которому оно передано после этапа примирительных процедур. Если стороны отказались от примирения, дальнейшая работа переходит к судье, назначенному для судебного разбирательства.

Применение медиации в Казахстане в основном связано с деятельностью юристов, что объясняется их профессиональной компетенцией в области оказания правовой помощи. Однако, эта практика имеет свои недостатки, так

как юристы, защищая интересы одной стороны, могут не всегда быть заинтересованы в достижении мирного урегулирования. Это подчеркивает необходимость повышения профессиональной подготовки медиаторов, включая обучение основам права.

Практика внесудебного медиативного соглашения по вопросам воспитания детей выявила недостатки в законодательстве. Например, не предусмотрено, в какой суд обращаться при неисполнении медиативного соглашения. Отсутствует регламентация порядка рассмотрения споров о порядке общения родителей с детьми, если они заключили соглашение.

Ускорение восстановления нарушенных прав и создание условий для преодоления конфликтов делает медиацию эффективным инструментом.

Защита семейных прав в Казахстане носит юрисдикционный характер, что обусловлено ограниченными возможностями государства регулировать внутренние отношения в семье. Это подчеркивает значимость процедур медиации, которые направлены на минимизацию конфликтов и восстановление гармонии в семейных отношениях.

Анализ показывает, что примирительные процедуры наиболее эффективны по семейным спорам, в том числе по спорам касающихся прав и интересов детей.

В настоящее время отсутствуют разъяснения Верховного суда в части заключения медиативных соглашений с участием опеки, если спор идет о детях. Предлагаем предусматривать в медиативных соглашениях все значимые вопросы, касающиеся воспитания, обучения, содержания и проживания детей; внедрить досудебный порядок урегулирования спора по расторжению брака в службах РАГС, по вопросам места жительства в опеке с участием медиатора. Если в медиативном соглашении будут четко представлены все вопросы, которые подсудны ювенальным судам, то процент их исполнения в досудебном порядке существенно повысится. При этом алиментные обязательства, на наш взгляд, целесообразно передать частным нотариусам, которые в каждой конкретной ситуации смогут дать разъяснения по долям, порядку выплаты и т.д. Важно также споры об уменьшении размера алиментов в случае предъявления соглашения в твердой денежной сумме и в порядке судебного приказа передавать данные споры частным нотариусам.

Наибольшее количество расторжений брака инициированы по причине отсутствия взаимопонимания в семье. В таких случаях возникает необходимость предоставления максимальных сроков на примирение, так как супруги судятся на эмоциях, владеющих сторонами. По итогам реализации авторского пилотного проекта усматривается, что большинство споров урегулированы на стадии принятия иска, т.е. в рамках реализации другого пилота «Примирительные процедуры в суде». В этой связи, предлагается предусмотреть соблюдение порядка досудебного урегулирования спора путем обращения в отделы регистрации актов гражданского состояния, опеки и попечительства, так как последними профилактическая работа с семьями, оказавшимися на стадии распада семьи не проводится.

Резюмируя данный подраздел хотелось бы отметить, категории дел о расторжении брака не относятся к медиабельным, то для реализации мер по его сохранению предлагается проведение консультирований и бесед Центрами поддержки семьи с супругами на досудебной стадии (с учетом новых положений норм статьи 5-1 КоБС). Поэтому, считаем целесообразным, статью 5-1 КоБС РК дополнить подпунктом 10), закрепляющим полномочия Центров поддержки семьи по проведению досудебного конфликтологического консультирования по делам о расторжении брака следующего содержания: «Реализация мер государственной семейной политики, в том числе мер по сохранению брака и семьи, разрешению семейных конфликтов, включая проведение досудебного конфликтологического консультирования по делам о расторжении брака, направленного на снижение конфликтности, диагностику семейных отношений и защиту интересов несовершеннолетних детей».

3 Модернизация национальной модели разрешения семейных споров в Республике Казахстан

3.1 Институциональные механизмы разрешения семейных споров

Современная система разрешения семейных споров в Республике Казахстан представляет собой сложный и многоуровневый правовой механизм, включающий совокупность судебных, административных и досудебных процедур, а также деятельность различных институциональных субъектов, наделённых полномочиями в сфере защиты семьи, материнства и детства. Формирование данного механизма происходило в условиях трансформации семейной политики государства, постепенной модернизации судебной системы, расширения международных обязательств Республики Казахстан и усиления внимания к обеспечению прав и законных интересов ребёнка.

Казахстанская правовая система традиционно рассматривает семью как особый объект правового регулирования, требующий повышенной степени правовой охраны. Конституция Республики Казахстан закрепляет семью, материнство и детство в качестве фундаментальных социальных ценностей, находящихся под защитой государства. Проект новой Конституции Республики Казахстан закрепляет брак как добровольный и равноправный союз мужчины и женщины, усиливает защиту семьи, материнства, отцовства и детства, а также устанавливает обязанность совершеннолетних детей заботиться о нетрудоспособных родителях [2]. Эти положения получают дальнейшее развитие и конкретизацию в отраслевом законодательстве, прежде всего в КоБС РК, ГПК РК, а также в системе специальных нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность судов, органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних, правоохранительных органов, социальных служб, а также института медиации.

В теоретико-правовом аспекте механизм разрешения семейных споров следует рассматривать как совокупность юридических средств, институциональных структур и процедурных форм, направленных на реализацию и защиту субъективных семейных прав, а также на охрану интересов социально уязвимых участников семейных правоотношений, прежде всего несовершеннолетних детей. В отличие от правовой модели, отражающей концептуальное и идеологическое видение оптимального способа урегулирования семейных конфликтов, механизм характеризует фактическое функционирование права, то есть то, каким образом нормы семейного и процессуального законодательства применяются на практике, какие субъекты задействованы в разрешении спора и какие инструменты реально используются для достижения правового результата.

В казахстанской правоприменительной практике ключевыми субъектами механизма разрешения семейных споров выступают суды общей юрисдикции и ювенальные суды, органы опеки и попечительства, медиаторы и

примирительные процедуры, нотариат, а также социальные и психологические службы. Однако, несмотря на формальное наличие различных внесудебных и альтернативных инструментов урегулирования, доминирующее положение по-прежнему занимает судебно-ориентированная модель разрешения семейных споров, при которой окончательное и, как правило, единственно признаваемое государством решение конфликта достигается через судебное разбирательство.

Такое положение обусловлено рядом факторов: исторически сложившейся правовой традицией, особенностями правосознания и правовой культуры, высокой степенью доверия к судебной защите как к единственному «легитимному» способу восстановления нарушенных прав, а также недостаточной институциональной развитостью досудебных механизмов, прежде всего специализированной семейной медиации и систем социально-психологического сопровождения семьи. В результате суд фактически выполняет функцию универсального арбитра по всем категориям семейных конфликтов – от формально-юридических до глубоко личностных и эмоционально нагруженных.

1. Судебный механизм разрешения семейных споров.

Судебный механизм занимает центральное место в системе разрешения семейных споров в Республике Казахстан и остаётся наиболее востребованным и институционально устойчивым способом защиты нарушенных семейных прав. Именно судебная форма разрешения спора обеспечивает обязательность принимаемых решений, их общеобязательный характер, возможность принудительного исполнения и наличие процессуальных гарантий для всех участников семейных правоотношений.

Рассмотрение семейных споров в судебном порядке позволяет обеспечить формально-юридическую определённость в условиях высокой конфликтности, выраженного дисбаланса сил между сторонами, а также при наличии публичного интереса, прежде всего связанного с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних детей. В данных категориях дел суд выступает не только как орган разрешения частноправового конфликта, но и как субъект реализации публичной функции государства по обеспечению приоритета интересов ребёнка и защите социально уязвимых лиц.

Судебный механизм является базовым и наиболее формализованным способом разрешения семейных споров, что особенно характерно для конфликтов, связанных с расторжением брака, определением места жительства ребёнка, взысканием алиментов, разделом совместно нажитого имущества супругов, ограничением и лишением родительских прав, а также усыновлением (удочерением) детей. Универсальный алгоритм судебного разрешения семейного спора включает обращение заинтересованного лица в суд, принятие дела к производству, подготовку к судебному разбирательству, рассмотрение дела в состязательном порядке, исследование доказательств, заслушивание позиций сторон, вынесение судебного решения и, при необходимости, стадию его принудительного исполнения.

К числу несомненных достоинств судебного механизма относятся обязательная сила судебного решения, наличие чётко регламентированных процессуальных гарантий, возможность применения мер государственного принуждения, а также формирование единообразной правоприменительной практики. Вместе с тем данный механизм обладает и рядом существенных ограничений, обусловленных его природой. К таким ограничениям относятся высокая степень формализации процедуры, значительная длительность рассмотрения дел, конфронтационный характер состязательного процесса, а также ограниченные возможности учёта эмоционально-психологической составляющей семейного конфликта.

Особенностью семейных споров является то, что судебное разбирательство, как правило, осуществляется уже на стадии глубоко эскалированного конфликта, когда семейные отношения фактически разрушены, а потенциал для добровольного урегулирования существенно снижен или полностью утрачен. В этом смысле судебная модель носит преимущественно реактивный характер: она направлена на правовую фиксацию уже сложившейся конфликтной ситуации и перераспределение прав и обязанностей сторон, но не ориентирована на предотвращение конфликта либо восстановление разрушенных семейных связей.

Существенным институциональным шагом в развитии судебного механизма защиты прав детей стало создание и последующее расширение компетенции ювенальных судов. Ювенальные суды характеризуются узкой специализацией, использованием междисциплинарного подхода, взаимодействием с психологами, педагогами, социальными работниками и более выраженной ориентацией на восстановительные практики. Закон Республики Казахстан от 27 марта 2023 года [117] существенно расширил их компетенцию, передав в их ведение ключевые категории семейных дел, что привело не только к перераспределению судебной нагрузки, но и к качественному изменению подходов к рассмотрению семейных споров.

Передача в ювенальные суды дел о расторжении брака при наличии несовершеннолетних детей, определении места жительства ребёнка, порядке общения, алиментных обязательствах и ряде иных категорий обусловила переход от формально-процессуального подхода к более комплексному анализу обстоятельств дела, индивидуализации судебных решений и активному учёту социального контекста семейного конфликта. В то же время и ювенальная модель в казахстанской практике сталкивается с рядом проблем: неравномерность кадрового обеспечения, ограниченность психологических ресурсов, отсутствие единых методик оценки интересов ребёнка и недостаточная институционализация восстановительных процедур.

Ключевым регулятивным началом всей системы разрешения семейных споров является принцип приоритета интересов ребёнка. Данный принцип закреплён в статье 3 Конвенции о правах ребёнка [38], Конституции Республики Казахстан, статьях 62, 71, 73, 76 КоБС РК [22], Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан № 15 от 29 ноября 2018

года [118] и иных нормативных правовых актах. Он выступает концептуальным стержнем, определяющим содержание судебной деятельности по семейным делам и обеспечивающим ценностное единство различных процедур – судебных, административных и примирительных.

Споры, связанные с правами и законными интересами детей, составляют наиболее социально значимую и сложную категорию семейных споров. При их разрешении суд выходит за рамки классического частноправового конфликта и реализует публичную функцию по защите лица, не обладающего полной процессуальной дееспособностью. Это обуславливает расширение круга участников процесса, обязательное привлечение органов опеки и попечительства, использование оценочных категорий («наилучшие интересы ребёнка», «благополучие», «условия воспитания»), а также более активную роль суда в собирании и оценке доказательств.

В целом судебный механизм разрешения семейных споров в Республике Казахстан обеспечивает высокий уровень формально-правовой защиты, однако его ограниченность в части предотвращения и трансформации семейных конфликтов объективно требует развития и институционального укрепления иных правовых и социальных механизмов урегулирования. Именно специфика споров о детях и высокая социальная значимость семейных конфликтов предопределяют необходимость комплексного и дифференцированного подхода к формированию национальной модели разрешения семейных споров, в которой судебная защита выступает ключевым, но не единственным элементом.

Несмотря на институциональную устойчивость и ключевую роль суда в системе защиты семейных прав, судебный механизм разрешения семейных споров обладает рядом системных ограничений, которые носят не частный, а структурный характер. Прежде всего, судебная форма по своей природе ориентирована на ретроспективную оценку уже сложившихся юридически значимых фактов и правовых позиций сторон, тогда как семейный конфликт, как правило, имеет динамичную, процессуальную и глубоко личностную природу. Судебное разбирательство фиксирует правовые последствия разрушения семейных отношений, но не затрагивает причинно-следственные механизмы конфликта, не устраняет его социально-психологические предпосылки и не предотвращает трансформацию спора в повторные или смежные конфликты. В результате судебное решение нередко завершает правовую стадию спора, но не приводит к его фактическому урегулированию, что особенно ярко проявляется в делах, связанных с воспитанием детей, порядком общения и алиментными обязательствами.

Кроме того, состязательная модель гражданского процесса, лежащая в основе судебного механизма, объективно усиливает конфронтацию между сторонами семейного спора. В условиях, когда участниками конфликта являются лица, связанные устойчивыми личными и эмоциональными отношениями, формирование противоположных правовых позиций и их защита в судебном процессе зачастую способствует эскалации конфликта, а не его

деэскалации. Судебная процедура стимулирует стратегию «выигрыша» и «проигрыша», что плохо соотносится с задачами сохранения родительского взаимодействия и защиты психологического благополучия ребёнка. При этом даже активная роль суда и обязательное привлечение органов опеки не всегда позволяют компенсировать ограниченность процессуальных инструментов в части работы с эмоциональной, ценностной и коммуникативной составляющей семейного конфликта. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что судебный механизм, оставаясь необходимым и незаменимым элементом системы защиты семейных прав, не может рассматриваться как универсальный и самодостаточный способ разрешения семейных споров без его интеграции с восстановительными и примирительными практиками.

Споры об определении места проживания ребёнка по праву относятся к числу наиболее сложных и социально значимых категорий семейно-правовых дел. Их специфика обусловлена необходимостью комплексной оценки не только формально-правовых обстоятельств, но и совокупности психологических, социальных и эмоциональных факторов, оказывающих непосредственное влияние на благополучие и развитие несовершеннолетнего. В рамках данной категории споров суду надлежит оценить качество воспитательной среды, степень участия каждого из родителей в жизни ребёнка, характер и устойчивость эмоциональной привязанности, уровень психологической безопасности, стабильность жизненных условий, а также перспективы гармоничного развития ребёнка в конкретной семейной ситуации. В соответствии со статьёй 73 КоБС РК место жительства ребёнка определяется по соглашению родителей, в том числе достигнутому в порядке медиации, а при отсутствии такого соглашения – в судебном порядке [22]. Таким образом, законодатель исходит из приоритета добровольного урегулирования, однако на практике большинство подобных споров разрешается именно в суде, что свидетельствует о высокой конфликтности данной категории дел и ограниченной эффективности досудебных механизмов.

По спорам об определении места жительства ребёнка суды, как правило, прибегают к комплексному исследованию обстоятельств дела, включая оценку психологического состояния ребёнка, назначение судебно-психологических и психолого-педагогических экспертиз, исследование жилищно-бытовых условий каждого из родителей, а также анализ степени их фактического участия в жизни ребёнка.

Право ребёнка на общение с обоими родителями является одним из ключевых личных неимущественных прав и закреплено в статье 61 Кодекса Республики Казахстан. При разрешении споров о порядке общения суды обязаны учитывать возраст ребёнка, состояние его здоровья, особенности психоэмоционального развития, возможности каждого из родителей, а также характер среды общения. Существенное значение при этом придаётся наличию или отсутствию угрозы для физического и психического здоровья ребёнка.

Особое место в судебной практике занимает вопрос учёта мнения ребёнка. В соответствии с семейным законодательством Республики Казахстан позиция

ребёнка подлежит обязательному учёту судом по достижении им возраста десяти лет. Данное правило направлено на реализацию принципа уважения личности ребёнка и признание его субъектом семейных правоотношений. Вместе с тем учёт мнения ребёнка не носит формального характера и не означает его безусловного принятия судом в качестве определяющего. Судебная практика исходит из необходимости оценки не только содержания высказанной ребёнком позиции, но и условий её формирования, степени самостоятельности, отсутствия давления со стороны родителей или иных лиц, а также уровня осознанности с учётом возраста и индивидуальных особенностей ребёнка. Такой подход обусловлен риском манипулирования мнением несовершеннолетнего в условиях острого семейного конфликта.

В практике ювенальных судов Республики Казахстан имели место дела, в которых, несмотря на достижение ребёнком установленного законом возраста, 10-ти лет, суд не признал его мнение определяющим. Так, судом было установлено, что при рассмотрении спора об определении места жительства ребёнка, выраженное ребёнком в суде желание проживать с одним из родителей сопровождалось выраженной эмоциональной зависимостью и сформировалось под значительным психологическим влиянием. Судебно-психологическое заключение указывало на возможные риски для психоэмоционального состояния ребёнка в случае реализации заявленного им желания. Оценивая совокупность доказательств, суд пришёл к выводу о несоответствии позиции ребёнка его наилучшим интересам и определил место жительства с другим родителем [119]. Данный пример демонстрирует, что учёт мнения ребёнка в судебной практике носит содержательный, а не декларативный характер и осуществляется в контексте принципа приоритета интересов ребёнка.

Дела о лишении, ограничении и восстановлении родительских прав относятся к наиболее социально чувствительным категориям семейных споров. При их рассмотрении суд обязан учитывать наличие реальной угрозы для ребёнка, степень вины родителей, длительность и устойчивость негативного поведения, возможность реабилитации, а также заключения и рекомендации органов опеки и попечительства. Лишение родительских прав рассматривается как крайняя, исключительная мера, применяемая только при невозможности защиты интересов ребёнка иными способами. Судебная практика (например, дело Т.К.В.) [120]. свидетельствует о строгом подходе судов: при установлении фактов жестокого обращения, злоупотребления родительскими правами или систематического уклонения от обязанностей суды принимают решения о лишении родительских прав, при этом алиментные обязательства сохраняются в полном объёме.

Алиментные споры составляют одну из наиболее массовых и конфликтных категорий семейных дел, что подтверждается ежегодной судебной и исполнительной статистикой. Система алиментных обязательств в Республике Казахстан включает долевой принцип взыскания, установление алиментов в твёрдой денежной сумме в исключительных случаях, возможность заключения соглашений об уплате алиментов (нотариальных, медиативных, адвокатских), а

также механизм принудительного исполнения. Вместе с тем практика исполнительного производства по алиментным делам характеризуется высокой проблематичностью, обусловленной уклонением должников от исполнения обязательств, сложностями розыска, а в отдельных случаях – необходимостью международного правового сотрудничества.

По данным на 2024-2025 годы, обобщённая судебно-исполнительская практика свидетельствует о наличии в Казахстане значительного массива исполнительных производств по алиментам, который по оценкам отдельных источников достигает порядка 283 000 дел, из которых около 16,4 тыс. относятся к категории проблемных с длительной задолженностью (DKnews.kz) [121] По информации Министерства юстиции Республики Казахстан, на начало 2024 года количество должников по алиментам превышало 290 000 лиц, при этом около 96 % из них составляют мужчины (informburo.kz) [122]. Наблюдается также рост уголовных дел, возбуждённых в отношении злостных неплательщиков алиментов: за один из последних лет зарегистрировано около 745 таких дел, что более чем на 50 % превышает показатели предыдущего периода. Кроме того, более 1 600 лиц находятся в розыске за неуплату алиментов, а в ряде регионов фиксируется устойчивый рост исков о взыскании алиментов (kazpravda.kz) [123].

Таким образом, анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что алиментные споры и связанные с ними исполнительные производства остаются одной из наиболее проблемных сфер семейного правосудия. Масштаб задолженности, рост уголовно-правовых мер воздействия и высокая нагрузка на судебные и исполнительные органы свидетельствуют о недостаточной эффективности существующих механизмов принудительного исполнения и необходимости их дальнейшего совершенствования. В совокупности рассмотренные категории дел подтверждают, что семейные споры характеризуются повышенной сложностью, социальной значимостью и многофакторностью, что объективно требует дифференцированного подхода к выбору правовых механизмов их разрешения и усиления восстановительных и профилактических элементов в национальной модели семейного правосудия.

Органы опеки и попечительства являются институциональным механизмом участия государства в разрешении семейных споров и занимают особое место в системе защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей. Их участие обусловлено публичной природой интересов, затрагиваемых в семейных спорах, а также необходимостью реализации принципа приоритета наилучших интересов ребёнка [124]. В отличие от сторон семейного спора, органы опеки и попечительства не преследуют собственных субъективных интересов и не выступают носителями частноправовых притязаний, а реализуют публично-правовую функцию защиты ребёнка как социально уязвимого участника семейных правоотношений.

В механизме разрешения семейных споров органы опеки и попечительства выполняют вспомогательную, экспертную и контрольную функции. Алгоритм их участия включает выявление ситуации, затрагивающей интересы ребёнка,

обследование условий его проживания, сбор сведений о социальной, бытовой и воспитательной среде, подготовку мотивированного заключения, участие в судебном процессе, а также последующий контроль за исполнением судебных решений. Достоинства данного механизма заключаются в его ориентированности на защиту интересов ребёнка, наличии специальных полномочий и возможности получения фактической информации, недоступной суду в рамках исключительно процессуального рассмотрения дела. Вместе с тем эффективность данного института во многом определяется качеством реализации возложенных функций, что в казахстанской практике далеко не всегда достигается в полной мере.

Существенным ограничением деятельности органов опеки и попечительства является их высокая загруженность и хронический кадровый дефицит, что нередко приводит к формализации обследований и шаблонному характеру заключений. В ряде случаев обследование условий проживания ребёнка носит поверхностный характер и ограничивается кратковременным визитом, без глубокого анализа внутрисемейных отношений, эмоционального климата и психологического состояния ребёнка. Отсутствие единых методик оценки семейной ситуации, стандартизированных инструментов психологической диагностики и междисциплинарных протоколов работы приводит к значительной вариативности качества заключений органов опеки и попечительства, что снижает их доказательственную ценность и порождает неоднородность судебной практики.

В соответствии с семейным и гражданским процессуальным законодательством Республики Казахстан участие органов опеки и попечительства является обязательным во всех делах, затрагивающих права и законные интересы детей. Данное участие носит комплексный характер и охватывает как досудебные, так и судебные стадии разрешения семейного спора. К числу ключевых полномочий органов опеки относятся обследование условий жизни ребёнка и родителей, сбор информации о социально-бытовой и воспитательной среде, анализ факторов риска, а также подготовка мотивированных заключений по существу рассматриваемого спора. Заключение органа опеки и попечительства представляет собой важный источник доказательственной информации, поскольку формируется на основе непосредственного изучения условий жизни ребёнка, анализа его окружения и оценки обстоятельств, имеющих значение для его физического, психического и нравственного развития.

Вместе с тем заключение органа опеки и попечительства подлежит оценке в совокупности с иными доказательствами по делу, поэтому суд вправе отступить от выводов при условии приведения мотивированного обоснования в судебном решении. На практике данное положение нередко вызывает напряжение между судом и органами опеки, поскольку формально необязательный характер заключения придаёт ему статус «вспомогательного» доказательства, несмотря на его социальную и экспертную значимость. В ряде случаев суды либо механически воспроизводят выводы органов опеки, не

подвергая их критической оценке, либо, напротив, игнорируют их без достаточной аргументации, что снижает предсказуемость правоприменения и может негативно отражаться на защите интересов ребёнка.

Помимо подготовки заключений, органы опеки и попечительства участвуют в судебных заседаниях, дают пояснения по вопросам, связанным с интересами ребёнка, а также осуществляют контроль за исполнением судебных решений, в том числе в части условий проживания, воспитания и общения несовершеннолетнего с родителями и иными родственниками. Такая многофункциональность обусловливает значимость органов опеки как связующего звена между судебной защитой и системой социальной поддержки ребёнка. Вместе с тем на практике контрольная функция органов опеки зачастую носит формальный характер и ограничивается фиксацией факта исполнения судебного решения, без оценки его реального влияния на благополучие ребёнка. Это приводит к разрыву между судебным решением и фактической ситуацией в семье после завершения судебного разбирательства.

В последние годы в Республике Казахстан предпринимаются меры по реформированию деятельности органов опеки и попечительства, направленные на усиление их роли в системе защиты прав детей [125]. Существенный вклад в развитие данного направления внесла деятельность Уполномоченного по правам ребёнка в Республике Казахстан, в том числе в период руководства данным институтом Д. Закиевой, под эгидой которой был последовательно акцентирован приоритет интересов ребёнка в системе межведомственного взаимодействия. В рамках проводимых реформ особое внимание уделяется повышению качества и объективности заключений органов опеки и попечительства, стандартизации подходов к обследованию условий жизни ребёнка, а также усилению профессиональной подготовки специалистов, участвующих в разрешении семейных споров [125].

Отдельный акцент делается на недопустимости формального подхода при подготовке заключений и необходимости их ориентации на реальные потребности и интересы несовершеннолетнего, а не на формальное соответствие административным требованиям. Кроме того, в практике органов опеки усиливается контрольная и мониторинговая функция, связанная с исполнением судебных решений по делам о детях, включая вопросы определения места жительства ребёнка, порядка общения с родителями и соблюдения условий его содержания и воспитания. Данные меры направлены на преодоление разрыва между юридическим разрешением семейного спора и фактическим положением ребёнка после завершения судебного процесса.

В период деятельности Уполномоченного по правам ребёнка Д. Закиевой особое внимание уделялось вопросам увеличения штатной численности специалистов органов опеки и попечительства, а также снижению нагрузки на одного сотрудника [125]. Это обусловлено устойчивым ростом количества дел, связанных с защитой прав несовершеннолетних, и объективной невозможностью качественного обследования семейной ситуации при чрезмерной загруженности специалистов. Укрепление кадрового потенциала

органов опеки и попечительства рассматривается как одно из ключевых условий повышения качества обследований условий жизни ребёнка и подготовки обоснованных, индивидуализированных заключений для суда.

В целом современные изменения в деятельности органов опеки и попечительства свидетельствуют о постепенном переходе от формально-административной модели их участия в семейных спорах к более активной, профессионально ориентированной и междисциплинарной роли. Вместе с тем сохраняющиеся проблемы кадрового, методологического и институционального характера не позволяют в полной мере реализовать потенциал данного института как эффективного механизма разрешения семейных споров. Это подтверждает необходимость дальнейшего развития нормативных стандартов деятельности органов опеки, внедрения единых методик оценки семейной ситуации и усиления координации с судебными, психологическими и социальными службами. В противном случае участие органов опеки рискует оставаться формально обязательным, но содержательно ограниченным элементом механизма разрешения семейных споров.

Выявленные проблемы в деятельности органов опеки и попечительства позволяют сделать более общий вывод о структурных ограничениях действующего механизма разрешения семейных споров в Республике Казахстан. Формально обязательное участие органов опеки в судебных процессах, затрагивающих права и законные интересы детей, само по себе не гарантирует эффективной защиты этих интересов. Напротив, при недостаточном кадровом, методическом и институциональном обеспечении органов опеки их участие рискует приобрести формальный характер, что существенно снижает потенциал судебной защиты в делах данной категории.

Судебная модель разрешения семейных споров, основанная преимущественно на процессуальной логике и оценке представленных доказательств, объективно зависит от качества информации, поступающей от органов опеки и попечительства. В условиях, когда заключения органов опеки носят поверхностный или шаблонный характер, суд оказывается ограничен в возможности всесторонне оценить реальные условия жизни ребёнка, характер внутрисемейных отношений, степень эмоциональной привязанности и риски для психического развития несовершеннолетнего. В таких ситуациях судебное решение, несмотря на его формальную законность, может не в полной мере отвечать принципу приоритета наилучших интересов ребёнка.

Таким образом, выявляется системная взаимозависимость между эффективностью судебной модели и институциональной состоятельностью органов опеки и попечительства. Слабость одного элемента неизбежно отражается на функционировании другого. Суд, лишённый качественного экспертного и социального сопровождения со стороны органов опеки, вынужден либо восполнять данный дефицит за счёт собственной процессуальной активности, либо ограничиваться формально-юридической оценкой спора, что противоречит природе семейных правоотношений и задачам защиты прав ребёнка.

В этой связи становится очевидным, что традиционная судебная модель, ориентированная преимущественно на установление юридически значимых фактов и применение императивных норм, оказывается недостаточной для разрешения сложных, многослойных семейных конфликтов, затрагивающих интересы детей. Даже при наличии развитого процессуального инструментария суд не всегда располагает необходимыми ресурсами для глубокого анализа социально-психологических аспектов семейного спора, особенно в условиях высокой нагрузки и ограниченных временных рамок рассмотрения дел.

Именно данные обстоятельства обусловливают объективную потребность в развитии специализированных форм судебного рассмотрения семейных споров, прежде всего – в укреплении института ювенальных (семейных) судов. Специализация судебных органов позволяет не только перераспределить нагрузку, но и качественно изменить саму парадигму разрешения семейных дел – от формально-правовой к комплексной, междисциплинарной и ориентированной на защиту ребёнка. В условиях специализированного судопроизводства взаимодействие суда с органами опеки и попечительства приобретает более системный и содержательный характер, а заключения последних становятся не формальным приложением к делу, а элементом комплексной оценки ситуации.

Семейные (ювенальные) суды, обладая узкой специализацией, более устойчиво интегрируют в судебный процесс психологические, социальные и педагогические компоненты, что позволяет компенсировать институциональные слабости органов опеки и повысить качество судебных решений. В рамках специализированного судопроизводства возрастает значение междисциплинарного подхода, а органы опеки начинают функционировать не как формально обязательный участник процесса, а как полноценный партнёр суда в реализации принципа приоритета интересов ребёнка.

Следовательно, проблемы деятельности органов опеки и попечительства не могут рассматриваться изолированно от общей архитектуры судебной системы. Они выявляют пределы универсальной судебной модели и одновременно служат аргументом в пользу дальнейшего развития специализированных семейных судов как институциональной формы, способной обеспечить более глубокую, профессионально ориентированную и социально чувствительную защиту прав детей. Без усиления роли органов опеки и без их органичного включения в специализированную судебную модель судебное разрешение семейных споров рискует оставаться формально корректным, но содержательно недостаточным.

В целом можно констатировать, что эффективность судебного механизма разрешения семейных споров напрямую зависит от согласованного функционирования всех его элементов – суда, органов опеки, психологических и социальных служб. Судебная модель, реализуемая без сильной, профессионально обеспеченной системы опеки и попечительства, не способна в полной мере реализовать принцип приоритета наилучших интересов ребёнка.

Это обстоятельство обуславливает необходимость дальнейшего институционального развития семейного судопроизводства и усиления роли специализированных механизмов защиты прав несовершеннолетних в Республике Казахстан.

Одним из механизмов разрешения семейных споров, получивших нормативное признание и определённое развитие в последние годы, стал институт медиации. Вместе с тем, несмотря на то что в научной доктрине и зарубежной практике медиация рассматривается как один из наиболее эффективных внесудебных способов урегулирования семейных конфликтов, её фактическое применение в Республике Казахстан по-прежнему остаётся ограниченным, несистемным и фрагментарным.

Семейная медиация представляет собой внесудебную примирительную процедуру, основанную на поиске решений, позволяющих сохранить или трансформировать семейные отношения в конструктивном ключе.

Алгоритм семейной медиации, как правило, включает добровольное обращение сторон к медиатору, заключение соглашения о проведении медиации, выявление заявленных позиций и скрытых интересов участников, работу с эмоциональной составляющей конфликта, формирование вариантов взаимоприемлемых решений и последующее оформление медиативного соглашения. К числу несомненных достоинств медиации относятся конфиденциальность процедуры, её гибкость, ориентация на интересы ребёнка, снижение уровня конфликтности между сторонами, а также формирование более устойчивых договорённостей, основанных на добровольном принятии решений.

Вместе с тем потенциал медиации в семейных спорах существенно ограничивается рядом объективных и институциональных факторов. Прежде всего, ограничения медиации обусловлены её добровольным характером и отсутствием механизмов принуждения к участию и исполнению достигнутых договорённостей. Кроме того, медиация не может применяться в ситуациях домашнего насилия, выраженной асимметрии сторон, психологического давления либо отсутствия минимальной готовности к диалогу, что существенно сужает сферу её практического использования.

На уровне законодательства медиация в Республике Казахстан формально признаётся равноправным механизмом урегулирования конфликтов (Закон РК «О медиации») [46], Однако, анализ правоприменительной практики выявляет устойчивый разрыв между нормативной моделью медиации и реальным уровнем её внедрения в сферу семейных правоотношений.

Во-первых, одной из ключевых проблем является низкий уровень медиативной культуры в обществе. Для значительной части граждан судебное разбирательство по-прежнему воспринимается как единственный легитимный и «надёжный» способ разрешения семейного спора. Медиация же зачастую рассматривается как вторичный, необязательный или малоэффективный инструмент. Такая установка обусловлена как недостаточной информированностью населения о возможностях медиации, так и отсутствием

устойчивых традиций внесудебного урегулирования семейных конфликтов. В результате супруги и родители нередко обращаются в суд даже по тем вопросам, которые объективно могли бы быть разрешены посредством диалога и переговоров при участии медиатора.

Во-вторых, существенным ограничивающим фактором выступает отсутствие обязательности или условной обязательности применения медиации по отдельным категориям семейных споров. В Казахстане медиация носит исключительно факультативный характер, включая такие социально чувствительные и потенциально медиабельные категории дел, как споры о детях, алиментные обязательства, порядок общения с ребёнком, распределение родительских обязанностей, раздел имущества супругов. При этом зарубежный опыт (Италия, Франция, Норвегия, Австралия) демонстрирует, что внедрение обязательной либо условно обязательной медиации на доконтенциозной стадии способствует снижению судебной нагрузки, уменьшению конфликтности и повышению устойчивости достигнутых соглашений. Отсутствие подобных механизмов в Казахстане существенно ограничивает распространение медиации в семейной сфере.

В-третьих, серьёзной проблемой остаётся неоднородный и зачастую недостаточный уровень профессиональной подготовки медиаторов, работающих с семейными спорами. Семейная медиация требует не только владения техниками переговоров, но и глубоких знаний в области семейной и детской психологии, конфликтологии, виктимологии, особенностей переживания расторжения брака, динамики семейного насилия и родительских конфликтов. Однако действующее нормативное регулирование не предусматривает специализированных стандартов подготовки медиаторов именно для работы с семейными делами. В результате качество медиативных услуг в данной сфере существенно варьируется, а одна из наиболее сложных категорий споров - семейные - оказывается наименее профессионально стандартизированной.

В-четвёртых, недостаточно развитой остаётся организационная и институциональная инфраструктура семейной медиации. В большинстве медиативных центров отсутствуют штатные психологи и социальные специалисты, что существенно снижает эффективность работы в делах, затрагивающих интересы детей. Зарубежная практика показывает, что устойчивые модели семейной медиации строятся на междисциплинарном подходе, при котором медиатор взаимодействует с психологами, социальными работниками, а в ряде случаев - с представителями органов опеки или детскими адвокатами. В казахстанских условиях медиация нередко сводится к формальной переговорной процедуре, не учитывающей глубинные психоэмоциональные аспекты семейного конфликта.

Дополнительной проблемой является слабая интеграция института медиации с судебной системой и органами опеки и попечительства. Судебные органы не наделены полномочиями по направлению сторон на обязательные информационные сессии о медиации, вследствие чего разъяснение

преимуществ примирительных процедур не встроено в процессуальную логику рассмотрения семейных дел. Органы опеки и попечительства, несмотря на их глубокую вовлечённость в семейные ситуации, также не обладают встроенными медиативными функциями и не используют медиацию как инструмент досудебного урегулирования конфликтов.

Таким образом, несмотря на наличие формальных законодательных предпосылок, потенциал медиации в разрешении семейных споров в Республике Казахстан реализуется лишь частично. Существующая модель носит фрагментарный характер и не образует целостного институционального механизма. Для расширения применения медиации требуется формирование полноценной медиативной среды, включающей внедрение обязательной или условно обязательной медиации по отдельным категориям семейных дел, разработку специализированных стандартов подготовки медиаторов, создание междисциплинарных команд и институциональную интеграцию медиации с судебной системой и органами опеки.

Анализ механизма применения медиации в семейных спорах позволяет сделать вывод о том, что её потенциал не может быть реализован в полной мере в условиях институциональной изоляции от судебной системы. Наиболее эффективные модели семейной медиации в зарубежных правопорядках формируются не как автономные внесудебные процедуры, а как интегрированный элемент специализированного семейного или ювенального правосудия. В этом контексте представляется методологически обоснованным рассматривать медиацию не как альтернативу суду, а как структурный компонент гибридной (интегративной) модели разрешения семейных споров, в рамках которой судебная и примирительная логики дополняют друг друга.

Ювенальные суды, по своей институциональной природе, наиболее приспособлены для интеграции медиации в процесс разрешения семейных споров. Их специализация, ориентация на защиту прав и интересов ребёнка, междисциплинарный подход и более гибкие процессуальные практики создают объективные предпосылки для сочетания судебного разбирательства с восстановительными и примирительными процедурами. В отличие от судов общей юрисдикции, ювенальные суды изначально ориентированы не только на формально-юридическое разрешение конфликта, но и на оценку социально-психологического контекста семейных отношений, что сближает их функциональную роль с задачами семейной медиации.

В условиях гибридной модели медиация может выступать как:

- обязательная или условно обязательная досудебная стадия по определённым категориям семейных споров (споры о детях, порядке общения, алиментные обязательства);
- судебно-инициируемая процедура, к которой стороны направляются судьёй в ходе подготовки дела к судебному разбирательству;
- параллельный механизм, сопровождающий судебный процесс и позволяющий сторонам выработать согласованные решения по отдельным аспектам спора;

- способ исполнения судебного решения, направленный на снижение конфликтности на стадии реализации судебного акта.

Такой подход позволяет суду сохранять контроль за соблюдением прав и законных интересов ребёнка, одновременно создавая пространство для диалога и добровольного согласования позиций сторон. При этом судебный контроль исключает риски давления, неравенства сторон и манипулирования результатами медиации, которые характерны для полностью автономных примирительных процедур.

Особое значение интеграция медиации приобретает в спорах о детях, где формальное судебное решение зачастую не устраняет конфликт, а лишь фиксирует его правовые последствия. Ювенальный суд, обладая возможностью направлять стороны к медиатору, может способствовать трансформации конфликта, снижению уровня взаимной враждебности между родителями и формированию устойчивых моделей совместного родительства. В этой связи медиация выступает не как альтернатива судебной защите, а как инструмент реализации принципа приоритета наилучших интересов ребёнка, дополняющий судебное разбирательство восстановительным компонентом.

В настоящее время в Республике Казахстан институциональная связь между ювенальными судами и медиацией носит фрагментарный и эпизодический характер. Отсутствуют процессуальные нормы, предусматривающие обязательное направление сторон на информационные сессии по медиации, не закреплены полномочия суда по инициированию примирительных процедур, не сформированы штатные медиативные службы при ювенальных судах. Это приводит к тому, что медиация остаётся внешним по отношению к судебной системе механизмом, не встроенным в общий алгоритм разрешения семейных споров.

Между тем зарубежный опыт (Канада, Австралия, Норвегия, Великобритания) демонстрирует, что именно при судах семейной и ювенальной юрисдикции формируются наиболее устойчивые модели медиации, обеспеченные институциональной поддержкой, профессиональными стандартами и междисциплинарным сопровождением. В таких системах суд выступает координатором процесса разрешения семейного спора, а медиация – его функциональным элементом, позволяющим достигать баланса между юридической определённостью и восстановительным воздействием.

В этом контексте представляется обоснованным вывод о том, что дальнейшее развитие института медиации в Республике Казахстан неразрывно связано с институциональным укреплением ювенальных судов и формированием специализированных семейных судов. Только в рамках гибридной модели, сочетающей судебную защиту, медиацию и участие органов опеки и попечительства, возможно создание целостного механизма разрешения семейных споров, ориентированного не только на формальное восстановление нарушенных прав, но и на снижение конфликтности, профилактику повторных споров и защиту наилучших интересов ребёнка.

Таким образом, интеграция медиации в деятельность ювенальных судов позволяет преодолеть ограниченность как сугубо судебной, так и исключительно внесудебной модели разрешения семейных споров. Гибридная модель, основанная на сочетании судебного контроля и примирительных процедур, представляется наиболее адекватной природе семейных конфликтов и отвечает современным тенденциям развития семейного правосудия.

Нотариальный механизм урегулирования семейных споров занимает особое место в системе правовых средств предупреждения и минимизации конфликтов в сфере семейных правоотношений. Нотариат в данном контексте выполняет прежде всего превентивную и стабилизирующую функцию, обеспечивая правовую определённость, формализацию согласованных волеизъявлений сторон и снижение конфликтного потенциала семейных отношений. В отличие от судебного разбирательства, нотариальный процесс ориентирован не на разрешение уже эскалированного конфликта, а на его предупреждение путём юридического оформления достигнутых договорённостей.

Нотариальный процесс в сфере семейных правоотношений представляет собой внесудебный правовой механизм, направленный на минимизацию вероятности возникновения споров за счёт придания соглашениям сторон юридически обязательного и устойчивого характера. Алгоритм нотариального участия в разрешении (и предупреждении) семейных споров включает: обращение сторон за нотариальным удостоверением соглашений или совершением юридически значимых действий; разъяснение правовых последствий совершаемых действий; проверку добровольности волеизъявления и дееспособности сторон; анализ соответствия содержания соглашений требованиям закона и интересам сторон, включая интересы несовершеннолетних детей; нотариальное удостоверение соглашений (брачных договоров, соглашений о разделе имущества, алиментных соглашений и др.); а в предусмотренных законом случаях – придание документам исполнительной силы [126].

К числу безусловных достоинств нотариального механизма следует отнести его превентивный характер, оперативность, относительную процессуальную простоту, экономию судебных ресурсов и снижение уровня конфликтности между сторонами. Нотариальное удостоверение соглашений позволяет зафиксировать достигнутые договорённости в юридически устойчивой форме, что способствует предупреждению последующих споров и снижению нагрузки на судебную систему. В этом смысле нотариат выполняет важную функцию правовой стабилизации семейных отношений, особенно на стадии их трансформации (заключение брака, изменение имущественного режима, добровольное урегулирование алиментных обязательств).

Вместе с тем потенциал нотариального механизма в сфере семейных споров является объективно ограниченным. Нотариальный порядок не предназначен для разрешения острых, высококонфликтных ситуаций, характеризующихся жёстким противостоянием сторон, асимметрией переговорных позиций, наличием насилия либо существенного нарушения интересов ребёнка.

Нотариус не обладает полномочиями по исследованию доказательств, оценке психологического состояния участников спора, выявлению скрытых форм давления или манипулирования, а также не может вмешиваться в конфликт при отсутствии согласия сторон. Результативность нотариального механизма напрямую зависит от готовности сторон к добровольному соглашению и минимального уровня доверия между ними [127].

Дополнительным ограничением является то, что нотариальный механизм практически не интегрирован в систему разрешения споров о детях. Несмотря на возможность нотариального удостоверения алиментных соглашений и соглашений между родителями, нотариат не наделён институциональными инструментами оценки наилучших интересов ребёнка в конфликтных ситуациях, а также не взаимодействует системно с органами опеки и судами. В результате нотариальный механизм, обладая значительным превентивным потенциалом, остаётся вспомогательным и фрагментарным элементом национальной модели разрешения семейных споров.

Особое место в системе семейных споров, рассматриваемых ювенальными судами, занимают международные (трансграничные) семейные споры, которые существенно отличаются по своей природе и сложности от внутригосударственных дел. Их специфика обусловлена необходимостью одновременного применения норм национального законодательства, международных договоров и учёта решений иностранных юрисдикций. В таких спорах на первый план выходит проблема координации правопорядков, различающихся по концептуальным основаниям, процессуальным механизмам и подходам к защите интересов ребёнка.

В результате изменений, внесённых в 2023 году, ювенальные суды Республики Казахстан получили полномочия рассматривать дела, вытекающие из Гаагской конвенции 1980 года о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей [39], а также иные категории трансграничных семейных споров, включая вопросы международного общения с ребёнком и исполнения алиментных обязательств. Данный шаг объективно сближает казахстанскую модель с зарубежными специализированными системами семейной юстиции, в которых международные семейные конфликты рассматриваются в рамках специализированных подразделений (Family Division, Jugendamt, CAFCASS).

В компетенцию ювенальных судов входят дела о возвращении незаконно перемещённого или удерживаемого ребёнка; установлении и реализации прав доступа к ребёнку для родителя, проживающего за рубежом; признании и исполнении решений иностранных судов по алиментным обязательствам. Однако правоприменительная практика в данной сфере выявляет целый комплекс системных проблем.

Во-первых, различия в правовых концепциях различных государств (объём родительской ответственности, роль органов опеки, содержание принципа ordre public) существенно осложняют процедуру признания и исполнения решений иностранных судов. Во-вторых, несмотря на установленные международными

договорами сокращённые сроки рассмотрения дел (например, шестинедельный срок по Гаагской конвенции), на практике процедуры затягиваются в связи с необходимостью получения информации от иностранных органов, проведения психологических экспертиз, установления степени адаптации ребёнка и исполнения запросов о правовой помощи. В-третьих, международное сотрудничество в сфере защиты прав детей остаётся недостаточно институционализированным. В Республике Казахстан отсутствуют специализированные подразделения, аналогичные европейским Child Abduction Units, которые обеспечивают оперативный поиск ребёнка, межведомственную координацию, сопровождение трансграничных дел и взаимодействие с иностранными судами и социальными службами. В результате функции координации возлагаются на суды, органы опеки и правоохранительные органы, не обладающие необходимой узкой специализацией, что снижает эффективность и оперативность реагирования [125].

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что современная национальная система урегулирования семейных конфликтов в Республике Казахстан находится в стадии институциональной трансформации. Сохраняя значительную опору на традиционную судебную модель, система одновременно демонстрирует стремление к развитию досудебных, восстановительных и междисциплинарных механизмов. Однако данные механизмы функционируют преимущественно разрозненно, без единого координационного центра и целостной концептуальной архитектуры.

Фрагментарность нотариального, медиативного и административного механизмов, ограниченность их взаимодействия с судами и органами опеки, а также институциональные пробелы в сфере международных семейных споров препятствуют полноценной реализации принципа наилучших интересов ребёнка. Это подтверждает вывод о том, что судебная модель в её изолированном виде не способна обеспечить комплексную защиту семьи и ребёнка, а развитие эффективной системы разрешения семейных споров возможно лишь при формировании специализированных семейных судов, интегрирующих судебную, примирительную, нотариальную и социальную компоненты в рамках единой гибридной модели.

В Республике Казахстан действуют следующие механизмы разрешения семейных споров: судебный, нотариальный, медиативный и административно-правовой (включая участие органов опеки и попечительства), а также сопутствующие социально-психологические и профилактические инструменты (комиссии по делам несовершеннолетних, центры поддержки семьи, службы профилактики, ювенальная полиция и др.). При этом следует подчеркнуть, что наличие перечисленных механизмов само по себе ещё не означает их системной эффективности: ключевой проблемой остаётся несогласованность элементов и отсутствие единой «сквозной» логики сопровождения семьи от первичного конфликта до устойчивого постконфликтного режима.

1. Судебный механизм разрешения семейных споров характеризуется нормативной определённостью, обязательностью принимаемых решений и

возможностью применения мер государственного принуждения. В его рамках обеспечиваются процессуальные гарантии, формально равные условия для сторон, проверка доказательств и вынесение юридически определённого решения. В то же время именно судебная модель в Казахстане проявляет ряд структурных ограничений, обусловленных природой семейного конфликта.

Во-первых, судебный процесс в силу состязательной формы, процессуальной формализации и длительности рассмотрения дел нередко не синхронизирован с динамикой семейного конфликта: к моменту разрешения спора ситуация уже может радикально измениться (адаптация ребёнка, фактическое проживание, переезды, эскалация враждебности). Во-вторых, состязательная логика процесса объективно стимулирует «доказательственную борьбу» и поляризацию позиций, что зачастую усиливает конфликт между родителями, особенно когда предметом спора выступают дети. В-третьих, суд, даже при добросовестном подходе, располагает ограниченными возможностями для содержательной оценки психологической ткани семейного конфликта и причин его воспроизводства: судебное решение фиксирует права и обязанности, но не устраняет ключевые источники напряжения (контроль, ревность, отчуждение ребёнка, манипуляции, зависимость, насилие и др.). В результате судебная модель обеспечивает юридическую определённость, но не всегда обеспечивает восстановление семейных связей и профилактику повторных споров – особенно в делах, затрагивающих интересы детей.

Отдельного внимания заслуживает феномен «судебной замены социальной работы»: в отсутствие сильных институтов сопровождения суд вынужден «дотягивать» до функций психологов, социальных служб и медиаторов, хотя по своей природе и инструментарию он к этому не предназначен. Это приводит к перегрузке, процессуальному формализму и риску ситуативных решений, которые сложно исполнять и поддерживать в долгосрочной перспективе.

2. Нотариальный механизм играет значимую роль в профилактике и предупреждении семейных споров, прежде всего посредством удостоверения брачных договоров, соглашений о разделе имущества, алиментных соглашений и иных юридически значимых документов. Его преимуществами являются оперативность, юридическая определённость, доказательственная устойчивость и превентивный характер, позволяющий предотвратить спор, не доводя его до судебной стадии.

Однако, возможности нотариата в разрешении уже возникших конфликтов принципиально ограничены. Нотариальное производство ориентировано на бесспорность правоотношений и не предполагает работу с конфликтом как таковым. Отсюда вытекают проблемные точки: (а) нотариальный механизм зависит от готовности сторон к согласованному волеизъявлению; (б) он не приспособлен к ситуациям асимметрии сторон, скрытого давления, зависимости, семейно-бытового насилия; (в) в вопросах, связанных с детьми, нотариат не имеет самостоятельной инфраструктуры комплексной оценки интересов ребёнка (в отличие от моделей, где нотариальные/административные соглашения сопровождаются обязательным участием специалистов). Таким

образом, нотариальный механизм остаётся значимым «стабилизатором», но не решением для высококонфликтных семейных кейсов.

3. Медиация как внесудебный механизм обладает высоким потенциалом в части сохранения отношений, учёта интересов всех участников конфликта и достижения устойчивых договорённостей. Гибкость процедуры, конфиденциальность и добровольность участия позволяют адаптировать процесс к особенностям конкретной семьи, а также смещать фокус с юридических позиций на интересы и реальные потребности, включая интересы ребёнка.

Вместе с тем в Казахстане проявляется устойчивый разрыв между нормативным признанием медиации и её фактической ролью в семейной сфере. Ключевые проблемы выражаются в следующем. Во-первых, отсутствует устойчивый механизм обязательного или условно обязательного «входа» в медиацию (информационная сессия, оценка пригодности дела к медиации), вследствие чего значительная часть потенциально медиабельных споров сразу превращается в судебные. Во-вторых, недостаточно развита интеграция медиации с судами: медиатор часто существует «рядом», но не как элемент гибридного процесса, где суд управляет маршрутизацией дела (screening, referral, follow-up). В-третьих, сохраняется низкий уровень доверия и правовой культуры: стороны воспринимают медиацию как «необязательный разговор», а не как юридически значимый путь к устойчивому решению. В-четвёртых, отсутствуют единые стандарты семейной медиации и требования к компетенциям медиатора в работе с детско-родительскими конфликтами, отчуждением ребёнка, насилием, манипуляциями, психологической уязвимостью сторон. Всё это снижает реальную эффективность медиации, хотя отдельные успешные кейсы подтверждают высокий потенциал данного инструмента.

4. Органы опеки и попечительства выступают самостоятельным административно-правовым механизмом участия государства в разрешении семейных споров, связанных с защитой прав и законных интересов несовершеннолетних. Их деятельность межотраслевая, поскольку включает элементы административного, семейного и процессуального регулирования, а также фактическую оценку условий жизни ребёнка.

Однако именно в этом механизме наиболее явно проявляется институциональная «слабая точка» национальной модели. На практике участие органов опеки нередко носит формальный характер, ограничивается подготовкой заключений, не сопровождается комплексной оценкой семейной ситуации и не обеспечивает полноценной диагностики рисков. В качестве системных проблем выступают отсутствие унифицированных методик обследования, значительная вариативность качества заключений по регионам, высокая нагрузка на специалистов, дефицит знаний в области детской психологии и оценивания детско-родительских отношений. Как следствие, заключения нередко оказываются поверхностными и описательными, а суды вынуждены компенсировать дефицит фактов дополнительными экспертизами и

повторными запросами. Это увеличивает длительность процесса и усиливает травматизацию ребёнка.

Критически важно, что органы опеки в Казахстане пока чаще выступают как «поставщик документа», чем как субъект системного сопровождения случая. Между тем зарубежные подходы демонстрируют иную философию: органы защиты детей работают в логике case management, мониторинга и сопровождения семьи после решения суда, что снижает вероятность повторных конфликтов и повышает исполнимость решений. В этом смысле зарубежный опыт не является объектом механического заимствования, но служит методологическим ориентиром: усиление опеки и её профессионализации прямо влияет на качество правосудия и устойчивость решений.

5. Фрагментарность институционального поля и отсутствие case management. Системный анализ показывает, что механизмы разрешения семейных споров включают значительное количество участников: суды, органы опеки, комиссии по делам несовершеннолетних, центры поддержки семьи, социальные службы, школы, поликлиники, НПО, ювенальная полиция, медиаторы. Однако взаимодействие между ними остаётся нескоординированным, а коммуникация – фрагментарной. Каждый орган действует автономно, отсутствует единый центр управления случаем (case management), не ведётся комплексная оценка ситуации семьи, не используются межведомственные планы помощи, отсутствует обязательное социальное сопровождение семей после судебного решения.

Проблема заключается в том, что семейный конфликт – явление длительное и «воспроизводимое», тогда как государственные механизмы реагируют разрозненно и реактивно. В результате семья фактически перемещается между ведомствами, а ответственность «распыляется». Даже юридически корректное судебное решение может оказаться неэффективным при отсутствии сопровождения и контроля: порядок общения саботируется, ребёнок оказывается втянутым в конфликт лояльности, алименты не исполняются, решения требуют многократного повторного обращения в суд.

6. Child-friendly justice и её противоречия в практике. В Республике Казахстан формируются элементы child-friendly justice – правосудия, учитывающего возрастные, психологические и социальные особенности ребёнка. Судопроизводство по семейным делам всё чаще ориентировано на минимизацию травматичности участия ребёнка, уважительное выслушивание и принятие решений, соответствующих его наилучшим интересам. Развитие ювенальных судов, усиление роли опеки и постепенное внедрение междисциплинарного подхода создают предпосылки для укрепления этой модели.

Однако кейсы одновременно выявляют устойчивые проблемы: споры, которые могли быть урегулированы досудебно, доходят до суда; родители сопротивляются исполнению решений; участие опеки бывает формальным; специалистов по оценке детско-родительских отношений недостаточно; в делах с детьми младшего возраста особенно тяжело обеспечить корректное

выявление их привязанности и психологической безопасности; алиментные обязательства исполняются нестабильно; конфликты вокруг порядка общения приобретают хронический характер.

Отдельно следует критически отметить риск стереотипизации: даже при наличии объективных данных в части компетентности отца, суды нередко сохраняют «матрицу» преимущественного проживания ребёнка с матерью. С одной стороны, это отражает историко-культурный контекст, с другой – при отсутствии стандартизированных методик и сильной опеки создаёт риск решений, не оптимальных для ребёнка. Позитивной тенденцией является постепенный переход к более глубокой психологической оценке обстоятельств при наличии качественных экспертных заключений, однако системность такого подхода пока не достигнута.

7. Досудебные и административные механизмы: формальное наличие и ограниченная эффективность

Значимую роль в системе разрешения семейных споров занимают досудебные и административные механизмы урегулирования, включающие деятельность опеки, медиаторов, комиссий по делам несовершеннолетних, центров поддержки семьи и иных социальных служб. Формально эти инструменты присутствуют в законодательстве и организационной структуре государства, однако их фактическая эффективность ограничена: процедуры реализуются фрагментарно и зачастую формально.

Ключевая проблема заключается в том, что родители в состоянии конфликта предпочитают обращаться сразу в суд. Отсутствие обязательных примирительных процедур, недостаточная уверенность граждан в эффективности опеки и медиации, а также недостаток «маршрутизации» дел создают условия, при которых потенциально разрешимые разногласия трансформируются в судебные споры. Это одновременно увеличивает нагрузку на суд и снижает вероятность сохранения конструктивных внутрисемейных отношений.

8. Существенным фактором, препятствующим реализации досудебных механизмов, выступает кадровый дефицит. Центры поддержки семьи и профилактические службы испытывают недостаток квалифицированных психологов, социальных работников и семейных консультантов. Недостаток ресурсов, нерегулярное повышение квалификации и высокая нагрузка приводят к эпизодичности помощи и несоответствию современным методологиям восстановительного взаимодействия.

Отдельной проблемой является отсутствие единой межведомственной информационной системы, позволяющей отслеживать динамику семейных случаев и объединять данные образования, здравоохранения, социальной защиты и полиции. Каждый орган хранит сведения в собственной базе, что препятствует координации, приводит к дублированию действий и утрате значимых данных. В результате досудебное урегулирование применяется преимущественно «в привязке к суду», а не как самостоятельный профилактический инструмент.

9. Одним из наиболее слабых элементов механизма разрешения семейных споров является исполнение. Значительная часть алиментов взыскивается нестабильно; решения о порядке общения игнорируются; исполнительное производство перегружено; отсутствует культура добровольного исполнения решений по детям. Недостаточно развиты инструменты контролируемого общения (supervised visitation), отсутствуют системные программы родительского обучения и коррекции поведения после суда, слабая связка между исполнительным производством и социальным сопровождением. В итоге судебное решение без продуманного механизма исполнения утрачивает эффективность и становится фактором повторной конфликтности.

Полученные результаты позволяют выделить следующие ключевые факторы:

- Преобладание судебной модели при слабости альтернативных процедур. Суд остаётся основным инструментом разрешения семейных конфликтов. Это обеспечивает юридическую определённость, но усиливает конфликтность и затягивает процесс, а также смещает систему в сторону реактивного реагирования вместо профилактики.
- Фрагментарность институциональной структуры. Суды, органы опеки, социальные службы и медиаторы действуют разрозненно, без единого координационного центра, что снижает устойчивость результатов и повышает вероятность повторных обращений.
- Недостаточность междисциплинарного подхода. Отсутствие устойчивой командной модели (юрист + психолог + социальный работник) снижает качество решений и препятствует комплексной защите ребёнка.
- Ограниченность поддержки семьи после судебного разрешения. Семьи не сопровождаются системно, профилактика повторных конфликтов не встроена в механизм правосудия.
- Кадровые ограничения. Требуются подготовленные специалисты в сфере детской психологии, семейной медиации, социальной работы, оценки рисков и сопровождения.
- Низкий уровень правовой культуры и доверия к восстановительным процедурам. Родители поздно обращаются за помощью, недооценивают медиацию, не соблюдают соглашения и решения.
- Трудности трансграничных дел. Недостаток инфраструктуры и инструментов международного взаимодействия приводит к затягиванию процедур и рискам нарушения прав ребёнка.

3.2 Концептуальная модель разрешения семейных споров в Республике Казахстан и направления её реализации

Современное состояние семейного правосудия в Казахстане убедительно демонстрирует необходимость перехода от разрозненного набора инструментов к целостной, научно выверенной концепции разрешения семейных споров. Сегодня правоприменительная практика опирается преимущественно на

судебные процедуры, в то время как внесудебные механизмы, медиативные подходы, психологическое сопровождение, семейное консультирование и деятельность органов опеки функционируют фрагментарно и несогласованно. В результате отсутствует единый системный подход к пониманию семьи как социально-правового института, находящегося под защитой государства, и к разрешению тех конфликтов, которые неизбежно возникают внутри семейных отношений. Все это объективно подводит к необходимости формирования новой, комплексной национальной модели, основанной на современных международных стандартах, междисциплинарном подходе и приоритете интересов ребёнка. Концептуальная модель семейного правосудия должна начинаться с определения своей философии Важность реформирования национальных механизмов разрешения семейных споров подтверждается и международно-правовыми актами, формирующими универсальные стандарты защиты прав ребёнка. Так, Конвенция ООН «О правах ребёнка» прямо закрепляет обязанность государства обеспечивать ребёнку такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (States Parties undertake to ensure the child such protection and care as is necessary for his or her well-being) [38]. Данное положение носит не декларативный, а программный характер, возлагая на государство обязанность выстраивать систему правовых и институциональных механизмов, способных эффективно обеспечивать физическое, психическое и социальное благополучие ребёнка, в том числе в условиях семейного конфликта.

Развитие указанного подхода находит отражение и в документах Совета Европы, посвящённых вопросам семейного и ювенального правосудия. В частности, Руководящие принципы Совета Европы по правосудию, дружественному к ребёнку, исходят из того, что семейное правосудие не может ограничиваться исключительно формально-юридическим разрешением споров. Напротив, оно должно быть доступным для ребёнка, учитывать его возрастные и психологические особенности, опираться на междисциплинарное взаимодействие и ориентироваться на минимизацию конфликтности при разрешении споров (family justice should be child-friendly, accessible and multidisciplinary) [47]. Тем самым подчёркивается, что защита прав ребёнка требует выхода за рамки традиционной состязательной модели судопроизводства и включения восстановительных и согласительных механизмов.

Совокупность указанных международных ориентиров свидетельствует о формировании устойчивой тенденции: в XXI веке семейное правосудие трансформируется из сферы преимущественно судебных решений в комплексную социально-правовую инфраструктуру, сочетающую судебные, досудебные и восстановительные формы реагирования. В этой модели суд перестаёт быть единственным и самодостаточным инструментом защиты, а его деятельность дополняется активным участием органов опеки и попечительства, медиаторов, психологов и социальных служб. Такой подход позволяет не только обеспечить формальную защиту прав ребёнка, но и снизить

деструктивный потенциал семейного конфликта, что соответствует как международным стандартам, так и целям модернизации национальной системы разрешения семейных споров.

Наряду с этим ключевой характеристикой будущей национальной модели должна стать превентивная направленность. Действующая система почти полностью ориентирована на реагирование, конфликт вспыхивает, отношения разрушаются, родители вступают в судебную тяжбу, ребёнок оказывается втянут в длительные разбирательства. Между тем зарубежная практика показывает: наиболее эффективные модели правосудия (скандинавская, канадская, австралийская) стремятся не столько разрешать конфликты, сколько предотвращать их развитие. Казахстанская концепция должна включать механизмы раннего вмешательства, системы семейного консультирования, обязательные консультации перед обращением в суд, а также возможности для того, чтобы родители могли получить помощь психологов, социальных работников и медиаторов до того, как спор перерастёт в судебное противостояние. Такая модель не только снижает социальное напряжение, но и обеспечивает долгосрочную устойчивость семейных отношений, минимизирует вторичную виктимизацию детей и повышает роль государства как партнёра семьи.

Подобный «восстановительный» характер семейного правосудия формируется в судах Австралии, Англии и Нидерландов, и Казахстан вполне может адаптировать эти идеи, учитывая национальные особенности и социально-культурный контекст.

Важнейшим системообразующим элементом концепции является междисциплинарный подход. Семейный конфликт редко бывает исключительно правовым: он всегда связан с эмоциональными переживаниями, нарушением привязанностей, экономическими трудностями, доминирующими паттернами взаимодействия между супругами, а иногда и с социальным неблагополучием или домашним насилием. Это означает, что семейное правосудие не может ограничиваться только юридическими средствами. В модели, к которой стремится Казахстан, должны действовать междисциплинарные команды, включающие судью, психолога, семейного консультанта, социального работника и медиатора. Их задачи различны, но взаимодополняемы: психолог выявляет эмоциональные риски для ребёнка, социальный работник оценивает условия проживания и семейного окружения, медиатор снижает конфликтность взаимодействия родителей, а юрист обеспечивает правовую корректность применяемых решений. Вместе они формируют единый «контур защиты» ребёнка и семьи. Такая практика успешно применяется в ювенальных судах Канады и Новой Зеландии, где встроенные психолого-социальные службы значительно ускоряют процесс и повышают качество судебных решений.

В её основе неизбежно располагается принцип приоритета интересов ребёнка не как декларация, а как практическая методология принятия решений. Сегодня в казахстанских судах этот принцип применяется в отдельных

категориях дел, однако он ещё не стал сквозным методологическим ориентиром, через который проходят все стадии работы: от подачи обращения и проведения обязательной консультации до вынесения судебного акта и сопровождения ребёнка после спора. В рамках предлагаемой модели интересы ребёнка становятся не просто критерием оценки доказательств, а центром всей правовой конструкции. Это означает необходимость выстраивать институты так, чтобы минимизировать травматизацию несовершеннолетнего, обеспечить его включённость в процесс, услышать его мнение, а также гарантировать постоянное психологическое сопровождение.

Формирование концептуальной модели требует также институционального пересмотра всей системы органов, вовлечённых в защиту прав семьи. Действующие ювенальные суды обладают значительным потенциалом, однако их компетенция до 2024 года была ограничена. Принятый Закон от 27 марта 2023 года [127], расширивший полномочия ювенальных судов и передавший им значительную часть семейных дел, создал основу для формирования специализированного, профессионально ориентированного правосудия. Однако, ювенальный суд сам по себе не является моделью: его эффективность зависит от комплексных реформ в органах опеки, социальных службах, центрах поддержки семьи, а также в медиативной системе. Поэтому концепция предполагает создание единой институциональной сети, где каждый орган выполняет строго определённые функции и содействует работе других служб.

Казахстанская модель остаётся преимущественно судебной, что характерно для государств с континентальной правовой традицией, однако сама природа семейных споров, эмоционально нагруженная, длительная, требующая междисциплинарного участия, предполагает необходимость отхода от классически-адверсариальной схемы и перехода к более гибким, восстановительным моделям. Классически-адверсариальная схема – это модель судебного разбирательства, при которой стороны выступают как противники (adversaries – «оппоненты»), процесс построен на соревновательности сторон, каждая сторона доказывает свою правоту, опровергает позицию другой стороны, судья занимает нейтральную, арбитражную позицию и не ищет компромисс, не вмешивается в содержание конфликта, оценивает представленные доказательства и выносит решение. Ключевая цель адверсариальной модели разрешить спор путём юридической победы одной стороны.

Переход от теоретического уровня к прикладному предполагает выявление направлений реформирования, способных обеспечить согласование целей семейной политики, процессуальных возможностей судебной системы и ресурсов внесудебных институтов. Именно в этой плоскости возникает необходимость анализа перспектив развития судебных и внесудебных моделей разрешения семейных споров как взаимосвязанных элементов единой национальной модели. Конкретизация концептуальных положений осуществляется через определение ключевых направлений модернизации: специализацию судебного разбирательства по семейным делам,

институциональное развитие медиации, усиление роли органов опеки и попечительства, внедрение междисциплинарных форм сопровождения семьи, совершенствование механизмов исполнения судебных решений, развитие профилактических и превентивных инструментов, цифровизацию семейного правосудия и укрепление международного сотрудничества по трансграничным семейным спорам. Каждое из указанных направлений представляет собой не самостоятельную реформу, а элемент единой логики реализации концепции семейного правосудия, ориентированной на устойчивое и социально ответственное разрешение семейных конфликтов. В этой связи дальнейший анализ направлен на раскрытие содержания указанных направлений реформирования, оценку их потенциала для национальной правовой системы и обоснование возможности их адаптации к условиям Республики Казахстан.

1. Дальнейшая специализация судебного разбирательства по семейным делам.

Ключевым направлением модернизации является переход от фрагментированного регулирования семейных споров к целостной концепции семейного правосудия, в рамках которой каждый элемент – от первичной консультации до исполнения судебного решения – включён в единую логическую систему. На сегодняшний день казахстанская модель представляет собой совокупность разрозненных институтов, которые формально относятся к сфере семейного правоприменения, но фактически оказываются недостаточно согласованными. Суд принимает решение, органы опеки готовят заключение, психологи проводят исследования, медиаторы проводят переговоры, исполнительная служба исполняет решения, однако между всеми этими субъектами отсутствует единая технологическая цепочка. Это порождает эффект «распада процедуры», когда каждая инстанция действует в пределах своих полномочий, но никто не отвечает за конечный результат – восстановление нарушенного права и обеспечение благополучия ребёнка. Создание единой системы семейного правосудия предполагает согласование всех этапов и субъектов процесса. В зарубежных странах это достигается за счет институциональной интеграции: например, в Норвегии и Финляндии в рамках Family Counselling Services функционируют междисциплинарные команды, которые сопровождают семью от момента подачи заявления до исполнения соглашения. Суд подключается лишь как крайняя мера, а основную работу выполняют психологи, социальные работники и специалисты по переговорам. В такой модели внимание сосредоточено не на юридических процедурах, а на устойчивом решении проблемы, что обеспечивает превентивный эффект и снижает риск повторных обращений.

Развитие судебных механизмов также должно происходить в направлении расширения компетенции специализированных судов. Практика последних лет показывает, что передача дел о расторжении брака с детьми, алиментах, порядке общения и других семейных вопросов в ювенальные суды позволяет добиться более глубокого анализа обстоятельств дела и учёта психологического состояния ребёнка. Однако, на данном этапе ювенальные суды не располагают

полноценной междисциплинарной инфраструктурой, которая имеется в зарубежных специализированных судах. Судьи сталкиваются с делами значительной сложности, но вынуждены опираться на фрагментарные и недостаточно полные заключения различных служб. Создание при судах собственных психологических подразделений, штатных экспертов, социальных работников и координаторов дела позволило бы значительно повысить качество судебных решений.

Одним из важнейших направлений реформирования является трансформация ювенальных судов в полноценные семейные суды. Казахстан уже сделал существенный шаг, расширив компетенцию ювенальных судов в 2023 году, однако этого недостаточно для построения современной модели семейного правосудия.

Семейные суды в зарубежных странах рассматриваются как особая юрисдикция, предъявляющая к судье требования, значительно выходящие за пределы юридической квалификации. Для Казахстана создание подобной инфраструктуры стало бы принципиальным шагом к развитию концептуальной модели, направленной не только на разрешение споров, но и на сохранение отношений, эмоциональной стабильности ребёнка и восстановление родительской компетентности. В настоящее время суд вынужден компенсировать недостатки других институтов – опеки, психологических служб, медиации, социальных центров. Введение службы семейного сопровождения при судах, аналогичной Family Support Unit в странах ЕС, позволило бы переломить ситуацию. В эти службы за рубежом входят психологи, социальные работники, специалисты по конфликтологии и детскому развитию, медиаторы и консультанты, что обеспечивает качественно иной уровень анализа ситуации семьи и позволяет судье принимать решения на основе комплексной информации, а не только юридических позиций сторон.

2. Институциональное развитие медиации.

Отдельного внимания заслуживает институционализация семейной медиации. В Казахстане медиация в сфере семейных отношений развивается преимущественно как частная инициатива, без чётких стандартов подготовки медиаторов и без участия психологов в составе медиативных команд. Это резко контрастирует с зарубежными моделями, где семейная медиация рассматривается как интегративный процесс, предполагающий участие профессионалов, способных работать с высококонфликтными родителями и учитывать эмоциональные потребности детей.

Как показывает зарубежная практика, именно обязательная медиация становится эффективным фильтром, предотвращающим чрезмерную нагрузку на суды и снижая деструктивность расторжений брака или споров о детях.

Введение обязательной первичной консультации по медиации, финансируемой государством, могло бы стать важным шагом к гармонизации модели в Казахстане. Одновременно возникает необходимость разработки стандартов семейной медиации, подготовки медиаторов специального профиля и создания психологически безопасных условий для участия родителей.

Для Казахстана перспективным направлением является создание государственной системы подготовки семейных медиаторов, интегрированной с университетскими программами психологии и социальной работы. Это позволит формировать кадры комплексного профиля и обеспечит более высокий уровень компетентности специалистов. Важным является и создание региональных центров семейной медиации, функционирующих при судах или органах опеки, что обеспечит доступность медиативных услуг для населения. Введение обязательной предварительной консультации по медиации, аналогичной норвежской модели, позволит снизить количество судебных споров, восстановить коммуникацию между родителями и создать условия для заключения устойчивых соглашений. Кроме того, развитие семейной медиации в Казахстане нуждается в изменении профессиональных стандартов. Действующая система подготовки медиаторов предполагает сравнительно короткое обучение, что недостаточно для работы с высококонфликтными семьями, где присутствует скрытое насилие, эмоциональная травма, манипулятивные стратегии и риск вторичной виктимизации ребёнка. В странах с развитой медиационной практикой обучение специалистов включает психологическую подготовку, изучение детской психики, навыки кризисного консультирования, механизмы работы с семьями, переживающими расторжение брака, и методы выявления семейного насилия. Введение обязательных образовательных модулей позволит качественно изменить уровень медиативных услуг и восстановить доверие населения к внесудебным процедурам.

Одним из перспективных направлений реформирования является внедрение обязательного информационного этапа по досудебному урегулированию семейных споров. В странах ЕС этот этап рассматривается как стандартная часть семейного процесса, где сторонам разъясняются преимущества медиации, последствия судебного разбирательства, возможности заключения добровольного соглашения, а также предлагаются консультации психологов и социальных работников. Подобная процедура не ограничивает права сторон, но формирует важную культуру разумного урегулирования и способствует снижению конфликтности. Для Казахстана внедрение этого этапа особенно актуально, учитывая низкую информированность населения о механизмах медиации и отсутствие у родителей навыков конструктивного общения после расторжения брака.

Особого внимания требует вопрос о признании и исполнении медиативных соглашений. Согласно законодательству, медиативное соглашение имеет силу исполнительного документа при нотариальном удостоверении, однако на практике такие соглашения нередко оказываются нестабильными. Причиной является отсутствие контроля за выполнением обязательств и слабая работа социальных служб в части пост-медиативного сопровождения. В ряде стран в подобных ситуациях действует практика follow-up mediation, когда медиатор наблюдает за исполнением соглашения в течение нескольких месяцев и оказывает сторонам консультационную поддержку. Введение аналогичных

элементов могло бы повысить устойчивость медиативных решений в Казахстане.

3. Усиление роли органов опеки и попечительства.

Значительное внимание следует уделить реформированию работы органов опеки и попечительства. В настоящее время их деятельность ограничена формальными обследованиями условий проживания и предоставлением заключений, которые нередко носят шаблонный характер. В то же время международное право требует от органов защиты детей высокого уровня профессионализма, оперативности и междисциплинарного взаимодействия. Создание специализированной службы защиты детей с независимым институциональным статусом позволило бы повысить объективность решений и обеспечить более качественное сопровождение семей. Такая служба должна включать психологов, социальных работников, юристов и специалистов по работе с семьями в кризисе. Сегодня эти органы выполняют преимущественно функцию подготовки заключений, однако их потенциал как института сопровождения семьи значительно шире. В Казахстане же органы опеки часто ограничены административными полномочиями, не имея ни ресурсов, ни инструментария для полноценной работы с семьёй. Кроме судебных и медиативных механизмов, ключевое значение приобретает модернизация органов опеки. Как показывает практика, именно этот институт вызывает наибольшее количество жалоб и критики: от формального обследования условий проживания до отсутствия должной квалификации специалистов. Для Казахстана создание специализированной службы защиты детей с независимым статусом стало бы важным этапом повышения качества работы с уязвимыми семьями.

4. Совершенствование механизмов исполнения судебных решений.

Не менее актуальным является реформирование процедур исполнения решений по семейным спорам. Даже самое справедливое решение суда может оказаться неэффективным, если отсутствуют механизмы контроля его исполнения. На практике родители нередко игнорируют графики общения, препятствуют контактам или меняют место жительства ребёнка без согласования со вторым родителем. Казахстану необходимо внедрение аналогичной системы, чтобы обеспечить реальную защиту интересов ребёнка. В Казахстане, как и во многих странах, именно исполнение становится самым проблемным этапом. Даже при наличии решения суда родитель может препятствовать общению, манипулировать ребёнком, уклоняться от исполнения алиментных обязательств. Исполнительная система, ориентированная преимущественно на материальные взыскания, оказывается недостаточно гибкой для семейных дел, где нередко требуется психологическая работа, консультирование родителей и использование восстановительных методов. Подобная институциональная инновация могла бы существенно повысить эффективность исполнения решений казахстанских судов. Вопрос исполнения является одним из самых проблемных аспектов семейного правосудия. Даже при наличии решения суда стороны нередко уклоняются от

выполнения обязательств: родители препятствуют общению, не передают детей в установленное время, не уплачивают алименты, скрывают доходы, меняют место жительства без уведомления второго родителя. Действующая исполнительная система не рассчитана на такие категории споров, поскольку её инструментарий сосредоточен на имущественных делах и материальных взысканиях.

В зарубежной практике функционируют специализированные службы исполнения семейных решений, которые работают не только в формате принудительных мер, но и в формате консультативного, воспитательного и корректирующего воздействия на стороны. Введение аналогичного института могло бы существенно изменить ситуацию в Казахстане. В зарубежной практике функционируют специализированные службы исполнения семейных решений, которые работают не только в формате принудительных мер, но и в формате консультативного, воспитательного и корректирующего воздействия на стороны. Введение аналогичного института могло бы существенно изменить ситуацию в Казахстане

5. Развитие профилактических и превентивных инструментов.

Важнейшим направлением модернизации семейного правосудия является формирование системы раннего вмешательства и превентивного реагирования на признаки семейной дезинтеграции. Во многих странах семейные службы работают не только с уже возникшими спорами, но и с семьями, находящимися в зоне риска. Казахстан пока в меньшей степени ориентирован на профилактическую парадигму, что приводит к неизбежному нарастанию конфликтов до момента обращения в суд. Между тем международные стандарты указывают, что эффективная семейная политика должна включать инструменты раннего выявления кризисных ситуаций, психологической помощи и поддерживающих мер, позволяющих снизить интенсивность конфликта ещё до его правовой формализации. В модели, основанной на профилактике, суд становится крайней мерой, а не регулярным инструментом разрешения внутрисемейных споров

6. Конфликтологическое консультирование как инструмент разрешения споров.

В условиях усложнения социальных связей, роста многоуровневых и междисциплинарных конфликтов особую значимость приобретает развитие негосударственных, внесудебных форм работы с конфликтами, ориентированных не только на разрешение спора как юридического казуса, но и на трансформацию конфликтного взаимодействия как социального и психологического феномена. Одним из таких инструментов выступает конфликтологическое консультирование, которое в современной научной доктрине рассматривается как самостоятельное направление профессиональной помощи субъектам конфликта, сочетающее элементы конфликтологии, психологии, коммуникационных практик и правового анализа.

Конфликтологическое консультирование представляет собой структурированный процесс профессионального сопровождения участников

конфликта, направленный на осознание природы конфликтной ситуации, выявление глубинных причин противоречий, анализ стратегий поведения сторон и формирование конструктивных способов взаимодействия. В отличие от классических процедур разрешения споров, ориентированных на вынесение обязательного решения (судебное разбирательство) либо достижение формализованного соглашения (медиация), конфликтологическое консультирование фокусируется на работе с конфликтом как процессом, а не исключительно с его результатом.

Особое значение конфликтологическое консультирование приобретает в сфере семейных, трудовых, корпоративных и социальных конфликтов, где юридический спор нередко является лишь внешним проявлением более глубоких противоречий. В таких ситуациях обращение исключительно к правовым средствам разрешения спора зачастую не приводит к устойчивому результату, поскольку не устраняет конфликтогенные факторы, лежащие в основе противостояния сторон. Конфликтологическое консультирование позволяет выявить и проработать данные факторы, тем самым создавая условия для более осознанного и добровольного урегулирования спора.

С методологической точки зрения конфликтологическое консультирование опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий положения общей и прикладной конфликтологии, теории коммуникации, социальной и юридической психологии, а также правовой теории конфликта. В рамках данного подхода конфликт рассматривается не как исключительно негативное явление, подлежащее подавлению, а как форма социального взаимодействия, обладающая потенциалом развития и трансформации при условии корректного профессионального сопровождения.

В отличие от медиации, в рамках которой ключевым результатом является достижение соглашения между сторонами при участии нейтрального посредника, конфликтологическое консультирование не всегда ориентировано на немедленное урегулирование спора. Его целью может выступать подготовка сторон к последующему участию в медиации, переговорах или судебном процессе, а также сопровождение сторон в ситуации, когда формальное разрешение спора объективно невозможно либо преждевременно. Таким образом, конфликтологическое консультирование может рассматриваться как самостоятельный инструмент разрешения споров либо как элемент комплексной модели их урегулирования.

С точки зрения правового регулирования конфликтологическое консультирование, как правило, не имеет детальной нормативной регламентации и относится к сфере профессиональной деятельности, основанной на принципах добровольности, конфиденциальности, нейтральности консультанта и уважения автономии сторон. Отсутствие жесткой процессуальной формы позволяет адаптировать данный инструмент к индивидуальным особенностям конфликта, что является его существенным преимуществом, однако одновременно требует высокого уровня профессиональной подготовки специалистов и четкого разграничения

конфликтологического консультирования с психологическим консультированием и юридическим представительством.

В контексте формирования современной модели разрешения споров конфликтологическое консультирование может рассматриваться как важный элемент профилактической и восстановительной парадигмы правосудия. Его внедрение в систему разрешения семейных и иных социально значимых конфликтов способствует снижению нагрузки на судебную систему, повышению качества принимаемых сторонами решений и укреплению культуры диалога и ответственности. Особенно актуальным является использование конфликтологического консультирования на ранних стадиях конфликта, когда сохраняется потенциал для конструктивного взаимодействия и предотвращения правовой эскалации спора.

Таким образом, конфликтологическое консультирование представляет собой самостоятельный и перспективный инструмент разрешения споров, обладающий значительным потенциалом в рамках интегрированных и гибридных моделей урегулирования конфликтов. Его значение заключается не только в содействии разрешению конкретного спора, но и в формировании устойчивых навыков конфликтной компетентности, что соответствует современным тенденциям развития правосудия, ориентированного на человека, его интересы и долгосрочную социальную стабильность.

7. Цифровизация семейного правосудия

Тем не менее реформирование семейного правосудия невозможно без цифровизации. Казахстан имеет все технические возможности для внедрения подобных подходов, что особенно важно в спорах, связанных с проживанием родителей в разных регионах или странах.

Следует особо подчеркнуть значение цифровой трансформации в сфере семейного правосудия. Создание единой электронной платформы, на которой фиксируются обращения, заключения органов опеки, заключения экспертов, результаты переговоров, решения суда и этапы исполнения, позволило бы обеспечить прозрачность процедур и исключить дублирование функций государственных органов. Такая платформа также могла бы стать инструментом для мониторинга семейных рисков, позволяя выявлять семьи, находящиеся в кризисной ситуации, ещё до обращения в суд. В условиях цифровизации государственных услуг создание интегрированной системы семейной поддержки становится необходимым элементом модернизации всей отрасли.

8. Укрепление международного сотрудничества по трансграничным семейным спорам.

Создание такого органа позволило бы обеспечить единообразие практики, взаимодействие с иностранными юрисдикциями и реализацию международных обязательств на надлежащем уровне.

Особое направление реформ связано с трансграничными семейными спорами. Несмотря на участие Казахстана в Гаагских конвенциях, механизмы сотрудничества с зарубежными юрисдикциями остаются ограниченными. В

отсутствие специализированного подразделения, аналогичного Child Abduction Unit, многие дела о похищении или незаконном удержании детей затягиваются, а исполнение решений осложняется различиями правовых систем. Создание такого подразделения позволило бы систематизировать практику и обеспечить оперативное сопровождение дел, включая поиск ребёнка, установление местонахождения, взаимодействие с иностранными судами и контроль исполнения решений.

Нельзя игнорировать и растущий объём трансграничных семейных споров, которые требуются быстрого и квалифицированного реагирования. Современная динамика миграции, наличие международных браков, перемещения семей между странами приводят к тому, что дела о похищении детей, возвращении незаконно удерживаемых несовершеннолетних, трансграничных алиментах становятся всё более распространёнными. Хотя Казахстан является участником Гаагской Конвенции 1980 года, на практике механизмы взаимодействия с иностранными юрисдикциями остаются недостаточно эффективными. Задержки при рассмотрении дел, отсутствие специализированных подразделений, отсутствие унифицированных протоколов международного сотрудничества – все это негативно отражается на интересах ребёнка, для которого длительность разбирательства может иметь необратимые последствия.

Такое подразделение могло бы стать ключевым звеном в координации иностранных дел, обеспечивать взаимодействие с иностранными судами, осуществлять оперативный поиск детей, отслеживать исполнение решений и обеспечивать юридическое сопровождение родителей. Подобный центр также мог бы выполнять аналитическую функцию, формируя предложения по совершенствованию законодательства и практики

9. Внедрение междисциплинарных форм сопровождения семьи.

Опыт скандинавских стран показывает, что система семейного правосудия наиболее устойчива там, где государство активно участвует в сопровождении семьи на всех этапах конфликта. Такая система значительно снижает степень враждебности между сторонами и минимизирует риск вторичной виктимизации несовершеннолетних. В результате судебное разбирательство превращается в процесс, ориентированный не на победу одной стороны, а на поиск решений, оптимальных для ребёнка и, по возможности, поддерживающих родительское сотрудничество.

Для Казахстана внедрение подобной модели потребует комплексных изменений. Прежде всего, необходимо формирование межведомственного взаимодействия между судами, органами опеки, образовательными учреждениями, медицинскими организациями, центрами психологической поддержки и службами медиации. В настоящее время эти институты действуют разрозненно, что затрудняет получение судом объективной и полной информации о жизни ребёнка. Отсутствие единой цифровой платформы приводит к тому, что данные о семье, её социально-экономическом положении, история обращения в госорганы, сведения о применённых мерах профилактики

не интегрируются в единое досье. Это снижает качество принимаемых решений и препятствует своевременному реагированию на угрозы благополучию ребёнка.

10. Институт координатора родительских конфликтов (parenting coordinator).

Перспективным направлением является создание института координатора родительских конфликтов (parenting coordinator). Этот специалист назначается судом в особо конфликтных случаях и сопровождает семью после вынесения решения, помогая родителям соблюдать установленные правила, принимать текущие решения в интересах ребёнка, устранять недоразумения и предотвращать повторные обращения в суд.

Введение подобной практики в Казахстане могло бы стать важным шагом к устойчивости семейного правосудия.

11. Значительной проблемой остаётся отсутствие унифицированного подхода к проведению психологических и социальных экспертиз. Судебная практика показывает, что качество заключений различается в зависимости от квалификации специалистов, методов исследования и доступности данных. В ряде случаев заключения носят поверхностный характер и не позволяют суду глубоко оценить ситуацию. Введение единого стандарта экспертизы, включающего обязательный перечень методов исследования, критериев оценки, требований к квалификации специалистов и формата заключений, позволило бы повысить качество судебных решений и обеспечить их научную обоснованность.

12. Отдельного внимания требует развитие информационной культуры сторон семейных споров. Низкая правовая культура населения, отсутствие навыков конструктивной коммуникации, распространённая установка на «выигрыш любой ценой» формируют среду, в которой конфликт эскалирует ещё до обращения в суд. Зарубежная практика показывает, что развитие специальных образовательных программ для родителей значительно снижает уровень конфликтности в процессе расторжения брака.

13. Создание многофункциональных органов семейной поддержки, объединяющих функции опеки, психологической помощи, социального сопровождения и превенции семейного неблагополучия, могло бы стать качественным шагом к созданию реальной системы защиты интересов ребёнка. Такие органы должны обладать правом инициировать медиацию, направлять родителей на консультации, назначать временные меры защиты ребёнка, а также составлять подробные отчёты для суда. Они также могут выполнять функцию координатора между всеми субъектами семейного правосудия – от школ до центров адаптации несовершеннолетних.

Важным направлением развития судебных и внесудебных моделей является повышение профессиональной подготовки специалистов, участвующих в разрешении семейных споров. Судьи, медиаторы, адвокаты, прокуроры, психологи и социальные работники должны обладать едиными междисциплинарными компетенциями, соответствующими международным

стандартам. В ряде стран требование о прохождении специализированного обучения является обязательным для всех участников процесса: например, в Австралии специалисты по семейным спорам должны проходить сертифицированную подготовку по работе с конфликтами, включающую компоненты, связанные с защитой детей, выявлением насилия и детской травмы.

В Казахстане подобная система подготовки находится лишь в стадии формирования. Курсы повышения квалификации по семейному праву и медиации проводятся нерегулярно, стандарты сертификации медиаторов в семейных делах отсутствуют, а психологи не интегрированы в судебную систему. Для создания эффективной модели семейного правосудия требуется разработка национального стандарта подготовки специалистов, включающего обучение правовым, социально-психологическим, конфликтологическим и коммуникационным аспектам. Судьи и медиаторы должны владеть компетенциями в области детской психологии, травма-информированного подхода, методов снижения конфликтности, техник разрешения высококонфликтных споров.

14. Перспективы реформирования неразрывно связаны с усилением профилактической функции семейного законодательства. В настоящее время вмешательство государственных органов происходит преимущественно на этапе открытого конфликта, когда семья уже находится в состоянии напряжённости или разрушения. Однако, зарубежная практика показывает, что системная превенция семейного неблагополучия позволяет сократить число конфликтов на ранних стадиях. Профилактическая работа должна включать раннюю диагностику семейных рисков, разработку программ поддержки благополучных семей, регулярные консультации для родителей, а также межведомственное взаимодействие образовательных учреждений, медицинских организаций и социальных служб. Создание национальной программы профилактики семейных конфликтов могло бы стать значительным шагом к укреплению института семьи.

15. Центр семейного сопровождения как институциональный элемент реформирования семейного правосудия

Одним из ключевых элементов предлагаемой концептуальной модели семейного правосудия является формирование нового института – Центров семейной устойчивости, которые по своей природе, задачам и функциональному назначению не тождественны действующим в Республике Казахстан Центрам поддержки семьи. Существующая инфраструктура помощи семье представлена органами опеки и попечительства, комиссиями по делам несовершеннолетних, социальными службами, кризисными центрами, а также отдельными неправительственными инициативами. Однако, данная система характеризуется фрагментарностью, ведомственной разобщённостью и реактивным характером деятельности. Большинство указанных структур ориентированы на реагирование уже на наступившие кризисные ситуации (расторжение брака, насилие, социальное неблагополучие), а не на их

предупреждение, и не образуют целостного механизма сопровождения семьи в условиях конфликта.

В этих условиях обоснованной представляется необходимость формирования принципиально иного по философии и задачам института, ориентированного не на контроль или надзор, а на профилактику семейных конфликтов, восстановление внутрисемейной коммуникации и долгосрочное обеспечение устойчивости семейных отношений. Центры семейной устойчивости предлагается рассматривать не как очередное социальное учреждение, а как институциональное ядро гибридной модели семейного правосудия, соединяющей правовые, психологические и социальные инструменты разрешения конфликтов.

Ключевой целью деятельности Центров семейного сопровождения является укрепление семьи посредством раннего междисциплинарного вмешательства, оказания психологической и правовой поддержки, содействия восстановлению диалога между родителями, защиты наилучших интересов ребёнка и снижения уровня конфликтности. В отличие от действующих структур, функционирующих преимущественно в логике контроля, реагирования или формального администрирования, предлагаемый Центр действует в логике партнёрства с семьёй. Данный концептуальный сдвиг заключается в переосмыслении семьи не как объекта государственного надзора, а как субъекта, нуждающегося в профессиональной поддержке для сохранения и восстановления своего функционирования.

Принципиальным отличием Центров семейного сопровождения от существующих служб является их междисциплинарный характер и организация работы по модели семейного кейса. В составе Центра предполагается работа семейных и детских психологов, медиаторов, социальных работников, специалистов по детскому развитию, юристов по семейному праву, кризисных психологов и иных профильных специалистов. Их деятельность выстраивается не параллельно и разрозненно, а в рамках единой системы сопровождения конкретной семьи, что позволяет учитывать взаимосвязь правовых, психологических и социальных факторов семейного конфликта.

Существенным элементом предлагаемой концепции является обязательность первичного обращения в Центр семейного сопровождения по ряду категорий семейных споров до подачи иска в суд. К таким категориям относятся споры о месте жительства ребёнка, порядке общения, алиментных обязательствах, распределении родительских функций, а также конфликты, связанные с эмоциональным отчуждением одного из родителей. Зарубежный опыт свидетельствует, что при наличии профессиональной помощи значительная часть подобных споров может быть урегулирована без судебного разбирательства. В этой связи Центр семейной устойчивости предлагается рассматривать как первый уровень разрешения семейных конфликтов и «точку входа» в систему семейного правосудия, что позволяет снизить нагрузку на суды, минимизировать травматичность процесса для детей и расширить пространство для добровольного урегулирования.

Особое значение Центры семейной устойчивости приобретают как платформа развития семейной медиации. В условиях, когда медиация в Казахстане применяется фрагментарно, характеризуется неоднородным уровнем подготовки специалистов и низким уровнем доверия со стороны населения, интеграция медиативных процедур в структуру Центра позволяет преодолеть указанные ограничения. Медиация перестаёт быть изолированной юридической услугой и становится частью комплексной семейной работы, включающей психологическое сопровождение, оценку рисков и последующее сопровождение исполнения договорённостей. Такой подход особенно значим при высококонфликтных расторжения брака, где формальное судебное решение не устраняет глубинные причины конфликта.

Важным направлением деятельности Центров является поддержка родительства и развитие родительской компетентности. Индивидуальные и групповые программы, направленные на развитие навыков ненасильственного общения, эмоциональной регуляции, понимания возрастных и психологических особенностей детей, профилактику родительского отчуждения, доказали свою эффективность в зарубежной практике. Для Казахстана, где значительная часть семейных споров сопровождается высоким уровнем эмоциональной эскалации, данные программы приобретают особую актуальность.

Отдельного внимания заслуживает роль Центров семейной устойчивости в предупреждении домашнего насилия и раннем выявлении рисков. В отличие от действующей модели, в которой вмешательство часто начинается уже после совершения насильственных действий, Центры ориентированы на раннюю диагностику неблагополучных тенденций. Междисциплинарные оценки, взаимодействие с образовательными и медицинскими учреждениями, формирование комплексных семейных карт позволяют выявлять риски до их перехода в острую фазу, обеспечивая профилактику без стигматизации семьи.

Центры семейной устойчивости также выполняют аналитико-методическую функцию, разрабатывая стандарты работы с конфликтными семьями, осуществляя мониторинг семейных ситуаций, обучая специалистов и аккумулируя данные для формирования государственной политики в сфере семьи и детства. Таким образом, они становятся не только практическим, но и научно-методическим ядром реформируемой системы семейного правосудия.

Интеграция деятельности Центров с ювенальными судами, органами опеки, образовательными и медицинскими учреждениями формирует единое пространство семейного правосудия, в котором каждый субъект выполняет свою функцию в согласованной архитектуре. Суд получает возможность направлять стороны в Центр до и после судебного разбирательства; органы опеки – использовать комплексные заключения; социальные институты – инициировать раннее вмешательство; а семья – получать сопровождение на всех этапах конфликта (Приложение Г).

Ключевым условием реализации данной модели является чёткое определение организационно-правового статуса Центров семейного сопровождения. В отличие от ведомственных социальных служб, Центры

должны обладать межведомственной природой, быть институционально приближенными к судебной системе, но не входить в её структуру. Это позволяет сохранить доверие со стороны граждан и обеспечить профессиональную автономию.

Структура Центра включает подразделения первичной диагностики, психологической помощи, медиации и примирительных процедур, юридического сопровождения и социальной поддержки. Ключевой инновацией является введение института семейного кейс-менеджера, обеспечивающего системность вмешательства и координацию всех участников процесса. Дополнительным элементом становится цифровая инфраструктура, позволяющая отслеживать динамику семейных случаев и формировать национальную статистику семейных рисков.

В заключение следует сказать, что в Казахстане при семейных судах целесообразно создать «Центр семейного сопровождения» как автономных сервисных структур досудебного урегулирования споров. Основной целью Центра является поддержка семей посредством предоставления психологической помощи, консультативно-правовой, социальной помощи, координации взаимодействия с государственными органами и организациями. В отличие от существующих областных центров поддержки семьи, предлагаемые Центры семейного сопровождения специализируются на спорах о детях, обеспечивают досудебное урегулирование споров.

Таким образом, предложенная модель Центров семейного сопровождения представляет собой качественно новый институт, не дублирующий существующие Центры поддержки семьи, а формирующий интегрированную профилактическую и восстановительную архитектуру семейного правосудия. Она обеспечивает переход от фрагментарного реагирования к системной профилактике, от формального администрирования к междисциплинарной помощи и в полной мере соответствует международным тенденциям развития child-friendly justice и семейной политики XXI века.

3.3 Судебная защита семейных прав (анализ судебной практики)

Защита семьи, материнства и детства предусмотрена в качестве основополагающих принципов в Конституции РК. Это составляет основу правового регулирования семейных отношений. Одним из направлений по совершенствованию законодательства послужило создание и деятельность ювенальных судов - специализированных судов по делам несовершенно летних, которыми рассматриваются семейные споры, включая те, которые затрагивают права ребенка, которые чрезвычайно важны для казахстанского общества в целом, и для каждого ребенка в отдельности. Создание специализированного суда подразумевает формирование особой системы правосудия с расширением полномочий и юрисдикции.

Ювенальные суды – это специализированные судебные органы, занимающиеся рассмотрением дел, связанных с несовершеннолетними. Они

играют ключевую роль в защите прав детей, профилактике преступности среди молодёжи и разрешении семейных споров. Термин «ювенальный» (от лат. juvenalis – «молодёжный, юношеский») указывает на их специализацию в вопросах, касающихся несовершеннолетних, ювенальные суды – это специализированные судебные органы, которые рассматривают дела, затрагивающие интересы детей и подростков, включая семейные споры.

Основными принципами деятельности ювенальных судов можно указать приоритет защиты интересов ребёнка (принцип наилучших интересов ребёнка, установленный Конвенцией ООН о правах ребёнка), специализация судей и участников процесса (судьи, прокуроры, адвокаты должны иметь знания в области детской психологии и педагогики), применение восстановительного правосудия (в странах с развитой ювенальной юстицией применяется медиация и программы ресоциализации вместо наказания), закрытый характер судебного разбирательства (дела несовершеннолетних рассматриваются конфиденциально). Ювенальные суды – это важный элемент системы защиты прав детей. Их эффективность зависит от того, насколько судебная система ориентирована на восстановительное правосудие и защиту интересов несовершеннолетних.

Развитие ювенальных судов отражает стремление Казахстана к формированию эффективной системы защиты интересов семьи и детей, что является важным шагом как для общества в целом, так и для каждого ребенка в отдельности.

27 марта 2023 года Президентом Республики Казахстан подписан Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования процессуального законодательства и реформирования судебной системы» (далее – Закон) [127].

Согласно новой редакции части третьей статьи 27 ГПК в подсудность ювенальных судов дополнительно переданы гражданские дела по спорам:

– о расторжении брака между супругами, имеющими общих несовершеннолетних детей;

– о разделе имущества (при наличии несовершеннолетних детей);

– об определении порядка общения близких родственников с ребенком, проживающим отдельно от них;

– об отобрании ребенка, находящегося у других лиц, не на основании закона;

– об отмене ограничений родительских прав;

– о признании усыновления (удочерения) недействительным;

– об изменении размера алиментов, об освобождении от уплаты алиментов, от уплаты задолженности по алиментам, взыскиваемых на содержание несовершеннолетних детей;

– о защите наследственных прав несовершеннолетних;

– о возвращении незаконно перемещенного в Республику Казахстан или удерживаемого в Республике Казахстан ребенка или об осуществлении в отношении такого ребенка прав доступа на основании международного

договора, ратифицированного Республикой Казахстан и других дел, в которых одной из сторон является несовершеннолетний (глава 51 ГПК «Производство по рассмотрению заявлений о возвращении ребенка или об осуществлении в отношении ребенка прав доступа на основании международного договора Республики Казахстан) [44].

Перечень семейных споров достаточно широк, они характеризуются длительностью, высоким эмоциональным фоном и сложностью их разрешения, так как затрагивают личные неимущественные и имущественные отношения. Семейные споры как особая категория юридических конфликтов изучаются в рамках семейного права, гражданского процесса и медиации, в юридической доктрине семейные споры классифицируются по разным критериям, что позволяет глубже понять их природу и механизмы разрешения.

Первая большая группа семейных споров - это супружеские споры. Споры между супругами касаются имущественных и личных отношений супругов, возникающих в период брака или после его расторжения, они касаются личных и имущественных отношений супругов, возникающих как во время брака, так и после его расторжения (Приложение Д).

К имущественным правам относятся, например, алиментные обязательства права супругов в отношении имущества. При этом, как указывает к.ю.н., профессор М.Муканова: «режим раздельной собственности в отношении всего имущества супругов предполагает, что никакой общей собственности между ними не образуется. Все имущество разделено, каждый из супругов приобретает вещи только для себя» [32; 119].

Споры, связанные с воспитанием детей.

Одной из основных категорий семейных споров являются споры, связанные с воспитанием детей - определения места проживания ребенка, вида и порядка общения с родителем, проживающим не с ребенком, споры об истребовании ребенка, находящегося на содержании у других лиц; вопрос дальнейшего проживания ребенка при выезде его с одним из родителей за пределы страны на ПМЖ; вопросы касательно родительских прав (лишение, восстановление, ограничение); усыновительные процедуры (удочерение), а также отмена подобных действий о защите трудовых, жилищных прав несовершеннолетних и т.д.

Обращено внимание на то, что истцом должен быть соблюден установленный законодательством для данной категории дел порядок предварительного досудебного разрешения спора, то есть в силу пункта 4 Нормативного постановления Верховного Суда «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» от 29 ноября 2018 года № 15 (далее – Нормативное постановление), если близкие родственники не могут прийти к соглашению с родителями либо одним из них, то спор об определении порядка общения разрешается органом, осуществляющим функции по опеке или попечительству, а в случае несогласия с его решением - в порядке медиации или судом с участием этого органа, родителей и родственников ребенка [118].

Одним из случаев можно назвать обращение бабушки в орган опеки и попечительства с просьбой установить порядок общения с внуком. Не согласившись с решением, вынесенным органом опеки, она с соблюдением досудебного порядка обратилась в суд. В процессе судебного разбирательства стороны не смогли прийти к согласию относительно урегулирования конфликта посредством медиации. В связи с этим дело рассматривалось с участием представителя органа опеки и попечительства, а также родителя, с которым проживает ребенок.

С учетом заключения психолога, а также принимая во внимание мнение и желания ребенка, достигшего десятилетнего возраста, суд установил график общения бабушки с внуком. Анализ выявил, что во всех изученных случаях иски данной категории были удовлетворены.

С 8 апреля 2023 года в Казахстане изменилась судебная практика рассмотрения споров между супругами по расторжению брака. В частности, изменена редакция пункта 1 статьи 22 КоБС, изложенная в новой редакции:

«1. При расторжении брака (супружества) в судебном порядке супруги могут представить на рассмотрение суда соглашение о том, с кем из них будут проживать несовершеннолетние дети, о порядке выплаты средств на содержание детей и (или) нетрудоспособного нуждающегося супруга, размерах этих средств либо о разделе общего имущества супругов, об определении порядка общения родителя с ребенком. В решении суда указываются фамилии супругов после расторжения брака (супружества)». [22].

Пункт 2 дополнен подпунктом 5) КоБС, предусматривающим обязанность суда при рассмотрении споров, связанных с расторжением брака (супружества), разрешать вопрос определения порядка общения родителя с ребенком.

Поскольку досудебный порядок урегулирования спора об определении порядка общения является обязательным, суды не могут рассматривать такие вопросы без предварительного обращения сторон в органы опеки или попечительства. Согласно пункту 3 статьи 73 КоБС, при отсутствии соглашения между супругами суды обязаны установить порядок общения отдельно проживающего родителя с ребенком, но только после соблюдения досудебных процедур [22].

В ювенальном суде Карагандинской области сформировалась устойчивая практика разрешения вопросов общения родителей с детьми и определения места их проживания в процессе расторжения брака с активным участием медиаторов и органов опеки. Такой подход позволяет урегулировать споры во внесудебном порядке, минимизируя конфликтные ситуации между сторонами.

Таким образом суды, помимо определения места жительства и взыскания алиментов, обязаны устанавливать порядок общения ребенка с отдельно проживающим родителем. Этот порядок определяется даже при отсутствии соответствующего требования в иске.

Статья 159 КоБС предусматривает применение норм Гражданского кодекса к заключению, исполнению, изменению и расторжению соглашений об уплате алиментов. Несмотря на это, в случаях, когда такие соглашения не

оспариваются сторонами, возникает необходимость в более четком законодательном регулировании. Это подчеркивает потребность внесения изменений в Кодекс для устранения юридических пробелов [22].

Согласно пункту 1 статьи 74 КоБС [22], пункту 2 Нормативного постановления, родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или судебного решения [118]. В соответствии с данной нормой к подсудности ювенальных судов отнесены споры об отобрании ребенка, находящегося у других лиц, не только не на основании закона, но и не на основании судебного решения.

Более того, к подсудности ювенальных судов также определены споры об увеличении, освобождении размера алиментов с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

Суды, обеспечивая защиту прав детей, в процессе принятия решений руководствуются разъяснениями и рекомендациями Верховного Суда РК в части применения норм Кодекса РК «О браке (супружестве) и семье». Прежде всего, суды должны применять международные общепринятые нормы и положения международных договоров по рассматриваемым спорам, а потом ориентироваться на внутреннее семейное законодательство.

Анализируя правовой статус понятия «ребенок» в Республике Казахстан представляется раскрыть юридическое представление о том, кого считать ребенком. В настоящее время понятие «ребенок» закреплено в международном праве и распространяется на тех, кто еще не достиг совершеннолетия. Понятие ребенка важно в законе, так как ребенок является субъектом права и имеет особый правовой статус в соответствии с п.8 ст. 1 КоБС, как лицо, не достигшее совершеннолетия [22].

Также важно, что отношения, в которых участвуют дети, регулируются различными отраслями права.

В 1989 году приняв Конвенцию о правах ребенка [38], международное сообщество признало необходимость специальной правовой защиты несовершеннолетних, как физических, так и умственно незрелых. Конвенция определяет понятие ребенка как человека в возрасте до 18 лет.

В делах о защите прав детей, которые требуют привлечения к рассмотрению органов опеки или попечительства, обследуются условия проживания ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, в частности, они предоставляют суду акт обследования жилья и экспертное заключение по существу спора. Суд дает оценку данному заключению и другим доказательствам по делу, он должен мотивировать принятое по делу решение, включая случай несогласия с экспертным заключением [128].

Суды при урегулировании споров, требующих защиты прав и интересов детей, руководствуются международными конвенциями, согласно которым ребенок вправе независимо от своего возраста свободно выразить мнение по вопросам, которые его затрагивают, в любом разбирательстве: как в суде, так и в административном производстве и его позиция должна быть заслушана и учтена. Во время опроса ребенка, который осуществляется с учетом возраста

ребенка, должен присутствовать педагог и (или) психолог, при этом важно исключить влияние на него со стороны заинтересованных лиц.

Родители могут составить письменное соглашение о том, каким образом будут осуществляться права отдельно проживающего от детей родителя. При не достижении согласия спорные вопросы разрешаются соответствующими органами, в частности, органом опеки или попечительства, когда родители не согласны с принятым решением, они разрешают спор в порядке медиации или в судебном порядке, когда к участию приглашаются родители и данный орган.

Согласно Правил оказания государственной услуги «Оформление документов на выезд за пределы Республики Казахстан на постоянное место жительства», ребенка можно вывезти в другое государство на постоянное место жительства только после получения нотариально заверенного согласия второго родителя, проживающего в Казахстане. Если данное согласие получить не удается, то выезжающий за рубеж родитель вправе в судебном порядке определить место жительства ребенка [129].

Установление места жительства ребенка в случае выезда родителя за границу на постоянное место жительства означает разрешение на выезд ребенка. Если возникает такой спор, суды РК не могут руководствоваться ранее принятым решением суда о направлении ребенка на проживание с одним из родителей, поскольку новые обстоятельства в прежнем решении не учитывались, не предусматривался выезд родителя с ребенком за рубеж.

Родительские права не могут игнорировать права детей быть независимыми от намерения родителей выехать за пределы РК. Судебное решение по таким семейным спорам выносится судом с учетом мнения ребенка, иных обстоятельств: качества каждого из родителей, их характеристики, наличие возможности обеспечить уход и воспитание детей [118].

В ст. 61 Кодекса указано право ребенка на общение с другими близкими родственниками[22].

Следует понимать, что суд может и отказать отдельно проживающему родителю в общении с ребенком на основании п. 1 ст. 73 Кодекса, если такое общение наносит вред ребенку [22].

Аналогичным образом разрешаются семейные споры, связанные с устранением препятствий родителям в воспитании детей, законно пребывающих с другими лицами или по решению суда.

Семейные споры могут касаться и установления порядка общения ребенка с родственниками. При не достижении согласия о таком виде общения спор разрешается органом опеки или попечительства, при несогласии с его решением спор разрешается в порядке медиации или в суде с участием данного органа, родителей и других родственников ребенка.

Так, например, в Астане было закончено судебное разбирательство по вопросу восстановления в родительских правах истцу, который в связи с тем, что по болезни ребенка (инвалидность с рождения, умственная отсталость) не мог оказывать дочери необходимое лечение и присмотр, отказался от родительских прав в пользу социального учреждения КГУ «Нұрлы жүрек»

акимата г. Астана, но по истечении определенного времени претендует на восстановление родительских прав и выразил намерение забрать свою дочь, страдающую рядом заболеваний, домой для присмотра в домашних условиях. Истцу было отказано в восстановлении родительских прав [119].

Дело об определении места жительства и порядка общения с несовершеннолетними детьми, может быть начато по заявлению отца или матери несовершеннолетнего ребенка. В заявлении должны быть указано, обстоятельства, на основании которых истец считает невозможным добровольно решить вопрос места жительства или порядка общения с ребенком истцом (истицей) и обстоятельства, доказывающие его (ее) заявление подлежащим удовлетворению (Кодекс) [119].

Суды ориентируются на тот факт, что ребенок, за исключением особых случаев, суд может оставить ребенка с другим родителем, если тот родитель, с которым желает остаться ребенок, занимается вовлечением его в пьянство, бродяжничество, а также воспитывает таким образом, что его подход противоречит общепринятой в обществе морали и нравственности. Ребенку задаются вопросы в присутствии педагога, в обстановке, в которой не допускается воздействие на него заинтересованных лиц. Суд выслушивает аргументы ребенка в обоснование своей позиции.

Как правило, на стадии бракоразводного процесса либо после расторжения брака встают вопросы, связанные с воспитанием детей, в частности, вопрос о том, с кем будет проживать ребенок после расторжения брака. Лишь в редких случаях процесс определения места жительства детей, или, как его ещё называют в народе, «дележа детей» проходит безболезненно и мирно, ведь обе стороны волнует, как же вопрос будет решен. Тем, кто оказался в такой ситуации, необходимо знать следующее: вопрос о том, с кем будут проживать несовершеннолетние дети после расторжения брака родителей, решается судом при расторжении брака или после такового в случае наличия между родителями спора по данному вопросу. Кроме того, суд может решить вопрос об участии отдельно проживающего родителя в воспитании ребенка [119].

При разрешении споров, связанных с обеспечением общения одного из родителей со своими детьми, во главе угла находятся интересы несовершеннолетнего. Именно для него важно сохранение личного контакта с тем из родителей, который стал проживать в другом месте. И поскольку чаще всего из семьи уходит отец, речь идет о сохранении духовной близости именно с ним. Причем замечено, что полное отсутствие отца губительно сказывается прежде всего на детях двух возрастных категорий: дошкольниках и подростках. Для подростка отсутствие отца может быть связано с поиском его замены, в том числе среди лиц с антисоциальной направленностью.

Губительное влияние на ребенка, подростка оказывают сложности, связанные с его общением с другим родителем. По мнению специалистов, самый важный период в процессе распада семьи для сохранности личности ребенка – это год после расторжения брака [130].

В благополучных семьях разногласия как правило решаются мирно и оперативно, но, если семья распадается, родителям часто становится сложно найти компромисс, поэтому спор решается в судебном порядке. В итоге суд определяет место проживания ребенка.

Согласно КоБС, граждане по своему усмотрению распоряжаются принадлежащими им правами, вытекающими из брачно-семейных (супружеско-семейных) отношений, в том числе правом на защиту этих прав, если иное не установлено законодательными актами Республики Казахстан. Осуществление брачно-семейных (супружеско-семейных) прав и исполнение обязанностей не должны нарушать права, свободы и законные интересы других членов семьи и иных субъектов права.

В соответствии со ст. 7 КоБС, защита брачно-семейных прав реализуется судом согласно гражданскому судопроизводству [22]. В ряде случаев с привлечением компетентных государственных органов в порядке, представленном Кодексом. При этом обращение в государственные органы за защитой права не исключает обращения в суд.

В семейных спорах исковая давность не действует, кроме завершения срока защиты права по рассматриваемому Кодексу. Применяя нормы об исковой давности в брачно-семейных спорах, суд применяет нормы ГК РК. Таким образом, в ранее действовавшем Законе «О браке и семье» данное разъяснение отсутствует [131].

Споры об ограничении или лишении родительских прав.

При виновном поведении родителей, которое представляет собой опасность для ребенка, суд устанавливает, насколько родители осознают виновность своего поведения и намерены ли они улучшить его, приняв для этого конкретные меры. В действующем законодательстве РК отсутствуют сроки, на которые родителей можно ограничить в их правах, это решает суд, поскольку заранее неизвестно, в течение какого срока можно устранить обстоятельства, ставшие причиной спора, в каждом деле это индивидуально.

Если в период ограничения судом родительских прав последние не изменят своего виновного поведения, по иску органа опеки и попечительства либо законного представителя ребенка, суд при наличии оснований может лишить родителей родительских прав.

Однако, такой иск не подлежит удовлетворению, если лицо было ограничено в правах вследствие не зависящих от него обстоятельств (психическое расстройство или другое хроническое заболевание, а также стечение сложных жизненных обстоятельств).

Родительские права включают в себя следующее: воспитание, забота о здоровье, представительство и защита интересов ребенка, истребование ребенка у других лиц, согласие или отказ на усыновление (удочерение), согласие на проведение лицами до 18 лет сделок, ограничение или лишение детей права на распоряжение собственным заработком и другими доходами [119].

Основания для лишения родителей их родительских прав изложены в ст. 75 КоБС РК.

Как правило, самая крайняя мера наказания по отношению к родителям, которую может применить суд – это лишение родителей их прав, поэтому она носит исключительный характер и нуждается в доказанности виновности родителей (одного из них). Истец не может отказаться от взыскания в его пользу алиментов на содержание ребенка, так как это нарушение прав детей. даже если родитель лишен прав, но алименты взыскивать он обязан в пользу второго родителя.

Если вследствие лишения родителей их прав на воспитание ребенка последний был передан в дом для детей-сирот, взысканные алименты переводятся на его счет в данном учреждении. При этом руководство организаций, которые занимаются воспитанием, лечением, обучением и реабилитацией этих детей, не вправе снимать денежные средства с банковских счетов, на которые поступают алименты, пособия и прочие виды социальных выплат.

В соответствии со ст. 142 КоБС РК, суммы алиментов на детей, находящихся под опекой, переводятся на депозиты указанных детей в банках второго уровня[22].

Учитывая, что указанные правоотношения относятся к длящимся, то при изменении обстоятельств, суд принимает положительное решение по вопросу восстановления родительских прав, то взыскание алиментов с родителей прекращается.

Хотелось бы подчеркнуть, что ненадлежащее воспитание ребенка усыновителем не влечет последствий лишения его родительских прав. В данном случае, суд может отменить усыновление и отстранить усыновителя от выполнения соответствующих обязанностей при выявлении фактов жестокого обращения с детьми, злоупотребления правами в корыстных целях и др. [118].

Когда лицо, у которого без документального подтверждения проживает ребенок, не желает вернуть ребенка, в отношении него предъявляется иск об отобрании ребенка с последующей его передачей на воспитание другому лицу. В отдельных случаях, когда ребенка невозможно без ущерба для его интересов передать на воспитание другому лицу, его временно направляют в центры адаптации несовершеннолетних (далее – ЦАН). В случае ненадлежащего исполнения обязанностей учреждениями по воспитанию и лечению детей, суд вправе реагировать частным определением [44].

Такие категории дел не подлежат заключению медиативного либо иного соглашения с применением института медиации.

В ходе анализа судебной практики установлено, что при рассмотрении дел следует учитывать следующее: состоят ли родители в психиатрических, наркологических учетах, имеют ли судимость, относится ли данное обстоятельство к длящимся правоотношениям. В обязательном порядке обследуются жилищно-бытовые условия семьи, в которой проживает ребенок.

В необходимых случаях назначаются психологические исследования. В отдельных случаях заслушивается мнение ребенка, показания свидетелей.

Таким образом, семейные споры являются одним из наиболее сложных в гражданском судопроизводстве, поскольку данный вид правоотношений не в полной мере поддается правовому регулированию, а суд должен учесть интересы всех членов семьи.

Если родители грубо, систематически нарушают права своих детей, калечат их жизнь, не обеспечивают элементарных условий существования ребенка в семье, в спор с ними уже вступает государство в лице своих органов, прокурора, чьи исковые требования состоят в просьбе о лишении родительских прав.

При восстановлении в родительских правах опять-таки стороны разрешают спор о целесообразности восстановления прав человека, который был их лишен.

При отобрании детей у родителей независимо от лишения родительских прав истец, защищающий права несовершеннолетнего, вступает в спор с ответчиком, находиться с которым ребенку опасно. Причем пассивность ответчика в делах, связанных с отобранием, а также лишением родительских прав, не меняет существа дела; налицо спор. К тому же очень серьезный, так как касается одного из важнейших прав гражданина – на воспитание своего ребенка. И что не менее важно – прав самого несовершеннолетнего.

При отмене усыновления чаще всего существуют четко выраженные разногласия между истцом и ответчиком, что лишний раз подчеркивает наличие именно спора, связанного с воспитанием, правом на воспитание несовершеннолетнего. Когда же ответчик согласен с заявленным иском, все равно производство носит исковой характер. Тем более что кроме истца и ответчика есть еще одно действующее лицо – усыновленный, чье право также нуждается в судебной защите.

Признание усыновления недействительным также предполагает наличие двух спорящих сторон: истца, который почему-то заинтересован в прекращении усыновления, и ответчика, который приобрел права усыновителя неправомерным путем [89].

Под интересами несовершеннолетнего принято понимать его надлежащее семейное воспитание. Это тот самый стержень, на котором выстраивается процесс принятия судом справедливого решения по любым делам. Поэтому его обоснованность доказательствами, подтверждающими наличие или отсутствие условий нормального воспитания, относится к само собой разумеющимся положениям. К сказанному имеет смысл добавить, что учет интересов несовершеннолетнего предполагает и взгляд в будущее, представление о том, как каждая из сторон обеспечит благоприятное развитие ребенка не только сегодня, но и завтра.

Необходимость решения как правовых, так и педагогических вопросов с учетом конкретной, жизненно непростой ситуации обусловило существование правила относительно участия в этих спорах органов опеки и попечительства,

чья функциональная обязанность – защита прав, интересов несовершеннолетнего. Отделы образования, компетентные в вопросах воспитания - первые помощники суда. Поэтому полезно знакомство с характером, особенностями их деятельности.

Спор об определении порядка общения и определении места жительства ребенка.

В период 2023-2025 гг. в районных и городских судах Карагандинской области были рассмотрены иски о разрешении споров об определении порядка общения и определении места жительства ребенка: в 2023 году поступили 291 исков, рассмотрены судом 196 исков; в 2024 году поступили 257 исков, из них 209 исков рассмотрены судом; в 2025 году в суд поступило 254 исков, из них 174 исков рассмотрены судом. Таким образом, наблюдается снижение количества споров об определении порядка общения и определении места жительства ребенка. Наибольшая часть исков рассмотрены ювенальным судом Карагандинской области, что составляет в среднем (Приложение Ж).

Как было отмечено выше в настоящем исследовании при рассмотрении и разрешении дел касательно определения порядка реализации родительских прав суды в обязательном порядке приглашают органы опеки и попечительства. Родителям необходимо доказать суду, что именно с ним ребенку будет лучше проживать. Для этого, по запросу суда, органы опеки и попечительства проводят обследование жилищно-бытовых условий каждого из родителей, обращая внимание на наличие спальных мест для детей, наличие места для обучения и развития несовершеннолетних, и т.д., и предоставляют в суд акт обследования условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание [119].

При рассмотрении споров о расторжении брака необходимо определять порядок места жительства детей, определять график общения родителя с ребенком.

Исследование показало, что для определения уровня эмоциональной привязанности ребенка к каждому из родителей, рекомендуется проведение социально-психологического исследования. Это происходило, когда значимые обстоятельства дела можно было определить путем изучения материалов дела, которое осуществляет психолог, используя свои профессиональные знания. Если аналогичными знаниями обладают участники дела, это не освобождает суд от назначения экспертизы (п.1 ст. 91 ГПК) [44].

Экспертиза может назначаться судом по ходатайству одной из сторон или по собственной инициативе (п.3 ст. 91 ГПК) [44]. Для проведения экспертизы привлекаются независимые психологи – специалисты-эксперты.

При выезде с ребенком за границу требуется согласие второго родителя, которое следует оформить нотариально, хотя напрямую законодательство РК этого не требует, но во избежание проблем на паспортном контроле, нужно это сделать. Второй родителей имеет право не дать своего согласия на выезд ребенка, тогда вопрос может быть решен судом. При этом важно учитывать законодательство иностранного государства, которое затребует свой перечень

документов согласии при въезде. Для того, чтобы исключить коллизии, обо всем нужно позаботиться заранее.

Согласно ст. 61 КоБС РК, в случае раздельного проживания родителей ребенок имеет право на общение с каждым из них. Ребенок имеет право на общение со своими родителями также в случае их проживания в разных государствах [22].

Необходимо также отметить, что в спорах об установлении места жительства ребенка стороны должны приводить факты, подтверждающие их позицию. Могут быть привлечены свидетели, характеристики с места работы, где помимо профессионализма сотрудника, работодатель описывает его личные качества. Все это влияет на решение суда. Если один из супругов не является в суд и не направляет своего законного представителя, суд может прийти к выводу о его безразличии к судьбе ребенка [119].

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что при рассмотрении в суде иска касательно определения дальнейшего места проживания ребенка после расторжения брака родителей приоритет имеет мать ребенка. Конечно, если женщина характеризуется отрицательно, проживание с ней ребенка не благоприятно и даже не безопасно для него, то есть не отвечает интересам ребенка, то суд будет на стороне отца.

Если женщина положительно характеризуется, то даже ее более чем скромное материальное положение, может не быть принято судом во внимание, как аргумент в пользу отца ребенка.

К тому же надо признать, что если подросток сам принял решение жить с одним из родителей, то ни один суд ему не указ. В ходе уточнения места проживания детей главное – это их интересы ребенка. Родителям необходимо помнить, что главным в спорах о детях является не сведение счетов друг с другом, а интересы их детей. А дети, как правило, одинаково любят маму и папу, и расторжение брака между родителями проходит по самому сердцу не только малыша, но и вполне взрослого молодого человека [119].

В такой ситуации самое разумное, если родители договорятся о том, с кем будет проживать ребенок, определят порядок общения другого родителя с ребенком, а также другие существенные вопросы воспитания. Установление места жительства ребенка имеет существенное значение, так как от этого зависит будущее благополучие несовершеннолетнего. Вместе с тем, спор по поводу проживания ребенка может разрешаться не только при расторжении брака, но и во время брака [119]. Общепринятое мнение таково: ребенку будет лучше с мамой, так как мать любит его больше.

К примеру, решением специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области от 22 февраля 2022 года определено место жительства несовершеннолетних детей: К.А.А., 22 августа 2011 года рождения, К.Д.А., 28 августа 2014 года рождения с матерью К.З.М. суд обязал отца К.А.К. передать несовершеннолетних детей матери [132].

Наконец, необходимо отметить, что преимущество материального положения не дает абсолютного преимущества перед вторым родителем, его

обязательно учитывают только в совокупности других обстоятельств, которые требуются для разрешения дела о месте жительства ребенка.

Согласно КоБС РК сторонам при решении вопроса об определении порядка общения с ребенком следует изначально обращаться в органы опеки и попечительства. Только в случае не урегулирования спора в органах опеки и попечительства, стороны могут обращаться непосредственно в суд.

Однако, также необходимо помнить, что правом общаться с ребенком имеют не только родители, но и близкие родственники.

Между родителями, проживающими отдельно друг от друга может быть заключено письменное соглашение. В соглашении можно предусмотреть периодичность и продолжительность встреч с ребенком. В ином случае, суд при содействии органов опеки решает этот вопрос.

Возможно также заключить мировое соглашение, предложив сторонам установить дружественные отношения между ними без причинения вреда ребенку. После того, как суд решение о порядке участия отдельно проживающего родителя в воспитании ребенка, он разъясняет второму родителю, что он несет ответственность за потенциальное невыполнение решения суда. Суд в результате такого поведения может прийти к выводу о том, что ребенку лучше остаться с родителем, который проживает отдельно.

Одной из основных причин социального сиротства предстает деструктивное поведение взрослых: алкоголизм, наркомания, жестокое обращение с детьми, игнорирование их интересов и основных потребностей. Безусловно, безработица, тяжелые материальные условия, кризис, эти и другие социальные факторы в среде являются причиной увеличения таких категорий дел, как лишение родительских прав. Большинство родителей не находя выход из сложившейся ситуации прибегают к алкоголизму или наркомании, а после бывает, что их невозможно вылечить [133].

Дети из таких семей особенно нуждаются в повышенной защите и внимании со стороны органов опеки и попечительства, а также инспекторов по делам несовершеннолетних. Значительную роль в их поддержке играют социальные психологи, предоставляющие необходимую психологическую помощь.

В ряде случаев суд принимает решение о размещении ребенка в специализированное учреждение либо о передаче его на воспитание физическим лицам, такими как родственники или приемные семьи. При этом родителям предоставляется возможность сохранить свои права и шанс изменить свое поведение.

Кроме того, суды занимаются вопросами защиты прав несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, включая тех, кто совершил правонарушения. В процессе работы с детьми задействованы специалисты – профессионалы своего дела: социальные работники, психологи, воспитатели, обладающие опытом работы с уязвимыми категориями детей [133].

Изучение судебной практики по вопросам определения места жительства несовершеннолетних свидетельствует о приоритетном учёте их интересов при разрешении соответствующих споров. В юридической доктрине закреплено, что судебные решения должны основываться на комплексном анализе обстоятельств, включающем мнение ребёнка, его привязанность к родителям, а также социально-психологические и материально-бытовые условия, создаваемые каждым из родителей.

При разрешении данных споров суд учитывает мнение несовершеннолетних, которое должно формироваться самостоятельно, без внешнего давления. В силу прямого указания законодательства мнение ребёнка, достигшего десяти лет, является обязательным для суда, если только оно не противоречит его интересам. Оценка мнения ребёнка проводится на основе данных социально-психологического исследования, а также иных представленных доказательств, свидетельствующих о степени его осознания ситуации.

Социально-психологическое исследование, наряду с представленными сторонами доказательствами, позволяет определить, с кем из родителей ребёнку предпочтительнее проживать. Как правило, приоритет отдаётся тому родителю, который способен обеспечить наиболее благоприятные условия для психологического благополучия и полноценного развития несовершеннолетнего. В частности, судом анализируются аспекты материального положения, режима работы, возможности обеспечения надлежащего ухода, а также эмоциональной связи ребёнка с каждым из родителей.

Примером правоприменительной практики является судебное решение от 24 сентября 2024 года по иску С. к С., в котором место жительства несовершеннолетних Б. и Б. было определено с их отцом. Данное решение основывалось на анализе комплексных факторов, включая социально-психологическое заключение, которое подтверждало высокий уровень родительской компетентности истца- отца, его готовность к взаимодействию с детьми и создание оптимальных условий для их воспитания [99].

Согласно пункту 2 статьи 73 КоБС, при раздельном проживании родителей место жительства ребёнка устанавливается по соглашению сторон. В случае отсутствия такого соглашения спор может быть разрешён в порядке медиации либо в судебном порядке с участием органов опеки и попечительства. Основным критерием при принятии решения выступает защита интересов ребёнка с учётом его привязанности, возраста, психологического состояния и иных значимых факторов [22].

Анализ индивидуальных характеристик истца показал, что он не состоит на учёте у нарколога и психиатра, положительно характеризуется в социальном окружении, имеет стабильное место работы и способен обеспечить комфортные условия для проживания детей. Психологическое заключение подтвердило его склонность к авторитетному стилю воспитания, который предполагает сочетание родительского руководства с уважением к самостоятельности

ребёнка. Истец демонстрировал высокую степень готовности к диалогу с детьми, что способствовало снижению уровня возможных конфликтов в семье.

В отличие от истца, ответчик С., будучи уведомлённой о рассматриваемом деле, не явилась в судебные заседания и не представила письменный отзыв, что может свидетельствовать о недостаточной заинтересованности в судьбе своих детей и исходе спора.

Суд, принимая во внимание возраст, пол, психологические особенности несовершеннолетних Б. и Б., а также их эмоциональную привязанность к отцу, пришёл к выводу о целесообразности их проживания с ним [119]. Данное решение также основано на положениях статьи 62 КоБС, согласно которой ребёнок имеет право выражать своё мнение при решении вопросов, затрагивающих его интересы, и быть заслушанным в рамках судебного разбирательства.

В ходе судебного рассмотрения установлено, что мнение несовершеннолетних сформировано самостоятельно, не подвергалось внешнему влиянию и подтверждается их возрастным развитием. Кроме того, оно коррелирует с выводами социально-психологического исследования, что свидетельствует о его обоснованности. Оценка нравственных и личностных качеств родителей, а также их возможностей в создании условий для воспитания детей, привела суд к выводу о том, что проживание несовершеннолетних с отцом соответствует их наилучшим интересам.

Таким образом, судебная практика в делах об определении места жительства несовершеннолетних основывается на комплексном учёте правовых и психологических аспектов, обеспечивая защиту интересов детей как основополагающий принцип семейного законодательства.

При рассмотрении судебных споров, связанных с определением порядка общения детей, приоритет отдаётся их благополучию, вне зависимости от того, предпринимаются ли эти действия государственными органами, судами или частными лицами. Данный принцип нашёл отражение в национальном законодательстве и правоприменительной практике.

Согласно пункту 1 статьи 61 КоБС, ребёнок обладает правом на общение с обоими родителями, а также другими близкими родственниками, независимо от семейного статуса родителей. Раздельное проживание, расторжение брака или признание его недействительным не должны ущемлять права ребёнка на поддержание контакта с каждым из родителей [22].

Правоприменительная практика, основанная на Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан №15 от 29 ноября 2018 года, подчёркивает необходимость учёта множества факторов при определении порядка общения. В их числе – возраст ребёнка, его состояние здоровья, уровень привязанности к родителям, а также влияние общения на физическое и психоэмоциональное развитие несовершеннолетнего. Таким образом, установление порядка общения требует детального анализа индивидуальных особенностей каждого случая [118].

График общения, предложенный истцом, не является самостоятельным исковым требованием, а может быть представлен всеми сторонами процесса. В соответствии со статьёй 73 КоБС РК, суд рассматривает требования, касающиеся реализации родительских прав отдельно проживающего родителя, с учётом интересов ребёнка [22].

В конкретном рассмотренном деле суд не установил оснований, препятствующих общению отца с ребёнком. Истец не был лишён родительских прав и не ограничен в них, имеет постоянное место жительства и не состоит на учёте в психоневрологическом и наркологическом диспансерах.

Судебная практика показывает, что в большинстве случаев требования об определении порядка общения отдельно проживающего родителя с ребёнком подлежат удовлетворению, за исключением ситуаций, когда это может нанести вред ребёнку. При этом установленный судом порядок общения может быть пересмотрен в случае изменения обстоятельств – например, при достижении ребёнком возраста, позволяющего ему находиться с отдельно проживающим родителем без сопровождения другого родителя.

В качестве примера можно привести судебное решение от 24 июля 2024 года по иску В. к П. об определении порядка общения с ребёнком В., 2020 года рождения. При вынесении решения судом были приняты во внимание медицинские и психологические заключения, свидетельствующие о наличии у ребёнка врождённых патологий центральной нервной системы и черепа. Малолетний возраст ребёнка, его режим дня и необходимость постоянного ухода обусловили определение порядка общения в присутствии матери [117].

Учитывая наличие у ребёнка медицинских особенностей, а также его сильную эмоциональную привязанность к матери, суд постановил, что до улучшения состояния здоровья несовершеннолетнего порядок общения должен проходить в установленные истцом часы и при обязательном присутствии матери. Такое решение соответствует принципу защиты интересов ребёнка и учитывает его потребности в физиологическом и психологическом комфорте.

Таким образом, семейные споры об определении порядка общения с детьми решаются на основе комплексного анализа правовых, медицинских и психологических факторов, с приоритетом защиты интересов несовершеннолетнего.

Разрешение споров о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, супругов и других членов семьи.

Вопросы, касающиеся взыскания алиментов, регулируются нормами семейного законодательства Республики Казахстан, в частности КоБС РК.

В соответствии с частью 1 статьи 139 Кодекса, при отсутствии добровольного соглашения об уплате алиментов, суд взыскивает их в установленном размере:

– на одного ребенка – в размере одной четверти от заработка и (или) иного дохода;

– на двух детей – одной трети;

– на трех и более детей – половины дохода [22].

Судебная практика подтверждает, что при отсутствии соглашения о выплате алиментов суд принимает во внимание обстоятельства проживания детей и их материальное обеспечение. Так, в случае, если дети находятся на иждивении одного из родителей, другой родитель обязан предоставлять финансовую поддержку в соответствии с нормами законодательства.

Статья 164 Кодекса устанавливает, что лицо, имеющее право на получение алиментов, вправе обратиться в суд с соответствующим заявлением независимо от времени, прошедшего с момента возникновения права на алименты. Если ранее алименты не выплачивались, суд может назначить их выплату с момента обращения.

Международное регулирование вопросов содержания детей закреплено в Конвенции о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 года), ратифицированной Республикой Казахстан 8 июня 1994 года [38]. В соответствии со статьями 26 и 27 Конвенции, родители несут финансовую ответственность за содержание ребенка, что коррелирует с нормами национального законодательства.

Кроме того, Кодекс предусматривает возможность взыскания алиментов за прошедший период в пределах трехлетнего срока с момента обращения в суд. В качестве доказательств могут быть использованы письменные обращения, заказные письма, электронная переписка и иные документально подтвержденные запросы.

В свою очередь, ответчик вправе предоставить доказательства, опровергающие доводы истца и подтверждающие факт добровольной уплаты алиментов за указанный период.

К примеру, в рамках рассмотрения иска К. к А. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, суд удовлетворил требования истца и обязал ответчика выплатить алименты в размере 1/2 части от заработка и (или) иного дохода ежемесячно, начиная с 10 ноября 2022 года [119].

Таким образом, законодательство Республики Казахстан устанавливает четкий механизм защиты прав несовершеннолетних детей и иных членов семьи, нуждающихся в материальной поддержке. Судебная практика подтверждает, что алиментные обязательства являются неотъемлемой частью родительской ответственности и обеспечиваются как на национальном, так и на международном уровнях.

Кроме того, взыскание алиментов на несовершеннолетних детей по решению суда (судебному приказу) в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу плательщика алиментов не препятствует получателю алиментов при наличии предусмотренных законом оснований требовать взыскания алиментов в твердой денежной сумме и (или) одновременно в долях и в твердой денежной сумме.

Рассматривая требования истца о взыскании алиментов на содержание ребенка в твердой денежной сумме, суд исходит из следующего.

Согласно пункту 11 Нормативного постановления Верховного Суда Республик Казахстан «О применении судами законодательства при

рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов» от 29 ноября 2019 года №6 (далее – Нормативное постановление), суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, когда взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон. Высокий уровень доходов у родителя, обязанного уплачивать алименты, сам по себе не относится к установленным статьей 141 Кодекса обстоятельствам, при которых возможно взыскание алиментов в твердой денежной сумме, а не в долевом отношении к заработку. Вместе с тем, если судом будет установлено, что взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя существенно нарушает интересы одной из сторон, алименты могут быть взысканы в твердой денежной сумме [134].

Согласно пункту 9 Нормативного постановления, в силу подпункта 24) пункта 1 статьи 1 Кодекса под материальным положением следует понимать наличие или отсутствие заработной платы, пенсии, других доходов; их размер; наличие имущества; получение или неполучение материальной помощи от других членов семьи. При определении материального положения сторон судам следует учитывать все виды их доходов (заработная плата, доходы от предпринимательской деятельности, от использования результатов интеллектуальной деятельности, пенсии, пособия, выплаты в счет возмещения вреда здоровью и другие выплаты), а также любое принадлежащее им имущество (в том числе ценные бумаги, паи, вклады, внесенные в кредитные организации, доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью) [135].

Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении требований о взыскании алиментов суды исходят из необходимости соблюдения баланса интересов сторон. Например, решением суда от 14 октября 2024 года частично удовлетворен иск О. к Ж. о взыскании алиментов на содержание ребенка в твердой денежной сумме. Суд принял во внимание материальное положение ответчика и взыскал с него алименты в размере 10 месячных расчетных показателей (МРП) ежемесячно до совершеннолетия ребенка.

Дополнительно, судебная практика допускает возможность взыскания алиментных платежей в твердой денежной сумме в случаях, когда взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон [135].

По судебному приказу ответчик обязан выплачивать алименты в размере 1/4 заработка и иного дохода. Суд полагая, что взыскание алиментов в долевом

отношении к заработку и (или) иному доходу родителя существенно нарушает интересы несовершеннолетнего ребенка, поскольку сумма получаемых истцом алиментов на содержание ребенка не может обеспечить растущие потребности ребенка, учитывая уровень цен на товары и услуги, развитие несовершеннолетнего, исходя из интересов ребенка, для сохранения уровня обеспеченности, алименты взыскал в твердой денежной сумме.

Согласно пункту 10 Нормативного постановления, требование о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка подлежит удовлетворению судом независимо от трудоспособности родителей, а также нуждаемости ребенка в алиментах [134].

Суд принимает во внимание, что истец фактически самостоятельно несет расходы на содержание ребенка, поскольку размер получаемых алиментов не может покрыть потребности несовершеннолетнего, полагает требования истца о взыскании алиментов на содержание ребенка в твердой денежной сумме подлежащим частичному удовлетворению, поскольку ребенок должен получать надлежащее содержание для достаточного физического и психологического развития.

Суд при этом принимает во внимание, что у ответчика на содержании находятся ребенок от второго брака. Суд, в целях баланса интереса сторон, считает целесообразным и достаточным взыскать с ответчика в пользу истца алименты на содержание несовершеннолетнего ребенка в размере 10 (десяти) месячных расчетных показателей ежемесячно до его совершеннолетия.

Согласно пункту 10 Нормативного постановления, алиментные обязательства должны выполняться вне зависимости от трудоспособности родителей и нуждаемости ребенка [135]. Это подтверждает концепцию безусловной материальной ответственности родителей перед детьми.

В судебной практике встречаются случаи, когда истец самостоятельно покрывает все расходы на содержание ребенка, а установленные алименты не соответствуют его реальным потребностям. В таких ситуациях суд может изменить формат взыскания, заменив долевые выплаты фиксированными суммами. Например, если по судебному приказу ответчик выплачивает 1/4 дохода, но этой суммы недостаточно, суд вправе пересмотреть порядок выплат.

Суды также учитывают семейное положение ответчика. Например, если у плательщика есть ребенок от второго брака, суд определяет выплаты таким образом, чтобы соблюсти баланс интересов всех сторон. Так, в одном из решений суд установил ежемесячные выплаты в размере 10 МРП, исходя из финансового состояния сторон.

Исследование правовых норм и судебной практики показывает, что защита прав ребенка является приоритетом при разрешении вопросов взыскания алиментов. Судебные органы стремятся к справедливому решению, оценивая материальное положение сторон и принимая индивидуальные решения. Взыскание алиментов в фиксированной сумме возможно при наличии объективных оснований, подтвержденных документально, что направлено на соблюдение интересов несовершеннолетнего ребенка.

О взыскании алиментов на содержание супруги.

Практика рассмотрения подобных исков показывает, что значительное количество споров разрешается на стадии досудебного урегулирования в рамках примирительных процедур. Однако в отдельных случаях судебное разбирательство становится необходимым. На примирительной беседе наибольшее количество споров о взыскании алиментов на содержание супруги заканчиваются примирением, за исключением отдельных случаев. Так, решением суда от 04 июля 2024 года иск Ш.И.Е. к Б.А.М. о взыскании алиментов на содержание супруги до достижения ребенком трехлетнего возраста был удовлетворен. Суд взыскал с Б.А.М. в пользу Ш.И.Е. алименты в размере 15 месячных расчетных показателей (МРП). При вынесении решения суд учел, что супруги от зарегистрированного брака имеют малолетнего ребенка М., принято во внимание материальное положение ответчика и наличие судебного акта по взысканию алиментов на содержание ребенка М. [136].

Согласно статьи 149 КоБС РК при отсутствии соглашения между супругами (бывшими супругами) об уплате алиментов размер алиментов, взыскиваемых на супруга (бывшего супруга) в судебном порядке, определяется судом исходя из материального и семейного положения супругов (бывших супругов) и других заслуживающих внимания интересов сторон в кратном отношении к месячному расчетному показателю, действующему на момент выплаты алиментов [22].

Таким образом, законодательство Республики Казахстан предоставляет механизм защиты прав нуждающихся супругов, при этом обеспечивая баланс интересов сторон. При рассмотрении исков о взыскании алиментов на содержание супруги суды применяют индивидуальный подход, учитывая не только формальные критерии, но и конкретные жизненные обстоятельства участников спора.

Взыскание алиментов на содержание супруги является важным инструментом обеспечения социальной и экономической стабильности семьи. Судебная практика свидетельствует о том, что такие требования удовлетворяются при наличии доказанных оснований и соблюдении баланса интересов сторон. Законодательство Республики Казахстан, устанавливая нормы о взаимных алиментных обязательствах супругов, обеспечивает защиту социально уязвимых категорий граждан, что соответствует международным стандартам семейного права.

Практика рассмотрения дел показывает обоснованное снижение размера дохода, не позволяющих ему поддерживать выплату алиментов в прежнем размере.

В соответствии со статьей 175 КоБС РК, если при отсутствии соглашения об уплате алиментов после установления в судебном порядке размера алиментов изменилось материальное или семейное положение одной из сторон, суд вправе по требованию любой из сторон изменить установленный размер алиментов или освободить лицо, обязанное уплачивать алименты, от их уплаты.

При изменении размера алиментов или освобождении от их уплаты суд вправе учесть также иной заслуживающий внимания интерес сторон [22].

При вынесении решений по делам указанной категории суды должны соблюдать баланс между интересами детей и интересами родителей. Приоритетом являются интересы детей, поскольку невозможно улучшение материального положения родителей за счет ухудшения материального положения детей.

Поэтому признание иска соответчиком по делу, признавшей иск в полном объеме не принимаются во внимание, так как ее действия противоречат правам и законным интересам несовершеннолетних детей.

Несмотря на то, что размер взысканных алиментов на детей превышает 50% от его дохода, то это не является безусловным основанием для его уменьшения.

К примеру, решением суда от 23 мая 2022 года в удовлетворении иска Т. к Т., С. об уменьшении размера алиментов – отказано.

Истец просит уменьшить размер взысканных алиментов с Т. на содержание троих детей, составляет 75% от заработной платы или иного дохода истца, что превышает установленный законом размер.

Установлено, что истец трудоспособен, имеет постоянный доход, размер которого не уменьшился. Поэтому доводы истца о том, что в соответствии со статьей 139 КоБС размер взысканных алиментов должно составлять ½ часть его дохода не были приняты во внимание [137].

О взыскании алиментов с бабушки, дедушки.

Анализ исследованных дел показал, что наличие у трудоспособного отца непогашенной задолженности по алиментам также не является основанием для взыскания алиментов с бабушки или дедушки.

Согласно части 1 статьи 152 КоБС РК, несовершеннолетние нуждающиеся в помощи внуки в случае невозможности получения содержания от своих трудоспособных родителей, родных совершеннолетних трудоспособных братьев и сестер имеют право на получение в судебном порядке алиментов от своих дедушки и бабушки, обладающих необходимыми для этого средствами [22]. Данная норма статьи нуждается в подробном разъяснении, поскольку такие иски предъявляются к бабушке либо к дедушке, имеющих единственный доход в виде пенсионных или социальных выплат.

К примеру, решением суда от 04 октября 2024 года в удовлетворении иска М. к И. о взыскании алиментов на содержание ребенка отказано [117].

Как установлено судом, ответчик несовершеннолетнему ребенку приходится бабушкой, при этом отец ребенка трудоспособен, какого-либо заболевания, инвалидности не имеет, алименты периодически перечислял, что подтверждается представленными квитанциями. Последнее перечисление было 22 августа 2024 года в размере 150 000 тенге.

Требуя содержания на ребенка от бабушки, истец указывает, что отец уклоняется от уплаты алиментов. Наличие у трудоспособного отца непогашенной задолженности по алиментам также не является основанием для взыскания алиментов с дедушки. Кроме того, истцом не представлено

доказательств того, что ответчик обладает необходимыми для этого средствами [138].

Анализируя изложенное, можно сделать вывод о том, что в ходе исполнительного производства не применен весь спектр предусмотренных законодательством средств для взыскания алиментов, так как судом было установлено, что у ответчика, являющимся пенсионером по возрасту, отсутствует необходимые средства выплачивать алименты на внуков.

С учетом того, что основная часть дел, связанных с алиментными обязательствами, носит бесспорный характер, предлагается законодательно закрепить обязательное досудебное урегулирование таких споров. Это может быть достигнуто путем заключения медиативного, партисипативного или нотариального соглашения. Реализация данной меры позволит снизить нагрузку на суды и уменьшить судебные расходы.

Об освобождении от уплаты алиментов.

В соответствии со статьёй 12 Закона Республики Казахстан «О правах ребенка» каждому ребенку гарантируется право на достойный уровень жизни и соответствующие условия, необходимые для всестороннего развития, включая физический, психический, нравственный и духовный аспекты. Законодатель устанавливает необходимость соблюдения баланса между интересами ребенка и интересами родителей, при этом приоритет всегда отдается защите прав и благополучия детей [139].

Согласно правовым нормам, материальное благополучие родителей не должно обеспечиваться за счёт ухудшения условий жизни ребенка.

В соответствии с частью 1 статьи 175 Кодекса, при отсутствии соглашения об уплате алиментов, если после судебного установления их размера произошло изменение материального или семейного положения одной из сторон, суд вправе по заявлению любой из сторон пересмотреть размер алиментов или освободить плательщика от их выплаты [22]. При этом суд принимает во внимание материальное состояние сторон.

Примером правоприменительной практики является решение суда от 12 января 2024 года, согласно которому иск Т.К.М. об освобождении от уплаты алиментов был отклонён. Судебное разбирательство установило, что истцом не было представлено доказательств, подтверждающих ухудшение его материального или семейного положения, что могло бы служить основанием для пересмотра алиментных обязательств [140].

В ходе рассмотрения дела было установлено, что истец имеет постоянное место работы и стабильный доход, размер которого не изменился в течение последнего года. Суд также не принял во внимание доводы истца о наличии кредитных обязательств в качестве безусловного основания для освобождения от уплаты алиментов, поскольку факт наличия кредитов не является непосредственным свидетельством ухудшения материального положения. Более того, при оформлении ипотечного займа истец уже имел обязательства по содержанию ребенка, следовательно, он должен был учитывать свои финансовые возможности заранее.

Место жительства ребенка не изменилось – он продолжает проживать с матерью. При этом истец заключил медиативное соглашение с ответчиком о прекращении алиментных обязательств только в отношении двух старших детей, однако обязательства по уплате алиментов на младшего ребенка сохраняются.

Сравнительный анализ уровня доходов сторон, проведённый судом, показал, что освобождение истца от алиментов приведет к ухудшению материального положения младшего ребенка и нарушит принцип равенства в обеспечении детей. Важно подчеркнуть, что сохранение прежнего уровня материального обеспечения ребенка является приоритетной задачей правосудия, а любое изменение обязательств родителя должно учитывать прежде всего интересы несовершеннолетнего.

Об установлении отцовства и взыскании алиментов.

Согласно статье 48 КоБС, в случае рождения ребенка у родителей, не состоящих в браке (супружестве) между собой, и при отсутствии совместного заявления родителей или заявления отца ребенка происхождение ребенка от конкретного лица (отцовство) устанавливается в судебном порядке по заявлению одного из родителей, опекуна или попечителя ребенка или по заявлению лица, на иждивении которого находится ребенок, а также по заявлению самого ребенка по достижению им совершеннолетия. При этом суд принимает во внимание доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица [22].

Одним из основных доказательств является заключение молекулярно-генетической экспертизы и другие доказательства.

К примеру, решением суда от 10 ноября 2022 года иск Ш.АЯ.. к П.Ю.А. об установлено отцовство и взысканы алименты, так как заключением судебной молекулярно-генетической экспертизы за № 539/17.1 от 28 октября 2022 года, отцовство К. в отношении несовершеннолетнего ребенка Ш.Е., 15 марта 2021 года рождения подтверждено с вероятностью 99,9999% [141].

Согласно пункту 1 статьи 138 КоБС родители обязаны содержать своих несовершеннолетних детей. И в силу пункта 1 статьи 139 Кодекса, при отсутствии соглашения об уплате алиментов алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в размере, на одного ребенка – одной четверти, на двух детей - одной трети, на трех и более детей - половины заработка и (или) иного дохода родителей. удовлетворение первоначального иска повлекло удовлетворение требования в части взыскании алиментов на содержание ребенка в размере ¼ части заработка и (или) иного дохода [22].

Об оспаривании отцовства.

Оспаривание отцовства является сложным юридическим процессом, регулируемым КоБС РК.

В соответствии с частью 1 статьи 51 Кодекса, запись о родителях в книге регистрации актов гражданского состояния может быть аннулирована

исключительно в судебном порядке [22]. Инициировать такой процесс могут следующие лица:

- лицо, записанное в качестве отца или матери ребенка;
- лицо, фактически являющееся биологическим родителем ребенка;
- сам ребенок после достижения совершеннолетия;
- опекун или попечитель ребенка;
- опекун родителя, признанного судом недееспособным.

Примером успешного оспаривания отцовства является решение суда от 22 мая 2024 года по делу Ж. против М. Суд удовлетворил исковые требования истца и постановил исключить сведения об отцовстве М., 1978 года рождения, уроженца Карагандинской области, в отношении ребенка С., родившегося 8 октября 2016 года.

На основании судебного решения были внесены соответствующие изменения в актовую запись о рождении ребенка (№ 12-557-16-0004991 от 02 ноября 2016 года, зарегистрированную в отделе РАГС аппарата акима Бостандыкского района г. Алматы). В частности, в графе «Сведения об отце» исключены данные о М.А., а в графе «Данные о ребенке» фамилия изменена с «М.С.» на «Ж.С.».

В ходе разбирательства установлено, что истец Ж. состояла в зарегистрированном браке с ответчиком М. в 2015 году, а в 2016 году родила дочь С. Однако ответчик не знал о том, что не является биологическим отцом ребенка, поскольку истец скрыла этот факт. Взаимоотношения между ответчиком и ребенком прекратились, когда девочке исполнилось два года, а алименты на ее содержание не выплачивались [142].

Согласно пункту 2 статьи 51 КоБС, оспаривание отцовства не может быть удовлетворено, если лицо, записанное в качестве отца ребенка, осознанно дало согласие на регистрацию, зная, что не является биологическим родителем [22].

Вместе с тем, судебная практика показывает случаи отказа в удовлетворении таких исков.

Например, в деле Л. против Л. суд установил, что истец Л. является биологическим отцом ребенка, рожденного в 2015 году, на основании заключения ДНК-экспертизы. Поскольку ребенок родился в период официального брака, а отцовство было юридически оформлено надлежащим образом, основания для удовлетворения иска отсутствовали [143].

Таким образом, оспаривание отцовства – это строго регламентированный процесс, требующий доказательственной базы, в том числе генетической экспертизы и документального подтверждения обстоятельств, исключающих биологическое родство. Судебная практика показывает, что удовлетворение исков возможно лишь при наличии убедительных доказательств обмана или заблуждения относительно биологического происхождения ребенка.

Обращено внимание на то, что в силу пункта 4 Нормативного постановления Верховного Суда «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» от 29 ноября 2018 года № 15, если близкие родственники не могут прийти к соглашению с родителями

либо одним из них, то спор об определении порядка общения разрешается органом, осуществляющим функции по опеке или попечительству, а в случае несогласия с его решением - в порядке медиации или судом с участием этого органа, родителей и родственников ребенка [118].

Таким образом, близким родственником должен быть соблюден установленный законодательством для данной категории дел порядок предварительного досудебного разрешения спора. Несоблюдение указанных требований является основанием возврата иска.

Согласно пункту 1 статьи 74 КоБС, пункту 2 Нормативного постановления, родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или судебного решения. В связи с чем, следует иметь ввиду, что к подсудности ювенальных судов относятся споры об отобрании ребенка, находящегося у других лиц, не только не на основании закона, но и не на основании судебного решения. [22].

Также обращено внимание на новую редакцию части третьей статьи 27 ГПК, которой определена подсудность всех гражданских дел по спорам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних, ювенальным судам. К таким спорам как наследственные, жилищные, земельные, банковские споры, алименты на содержание супруги, о взыскании расходов на обучение ребенка, не достигшего совершеннолетия и другие [44].

Учитывая, что категории дел особого производства, такие как установление факта рождения, объявление безвестно отсутствующим либо умершим, установление факта признания отцовства, установление факта смерти, установление факта нахождения на иждивении и другие юридические факты являются бесспорными требованиями, следовательно, не должны рассматриваться ювенальными судами, так как не являются спорами, и не входят в перечень категорий дел указанной статьи.

Что касается исков о расторжении брака, согласно части седьмой статьи 30 ГПК РК, то могут предъявляться по месту жительства истца при проживании с ним совместно несовершеннолетних детей, за исключением исков по делам, подсудным районным (городским) судам, находящимся в пределах городов республиканского значения и столицы, областных центров [44]. Указанные поправки введены в действие с 1 сентября 2023 года.

В судебной практике имеют место случаи передачи дел из районного суда, расположенного вне пределов областного центра по подсудности в ювенальный суд для рассмотрения по правилам части 3 статьи 27 ГПК, что является недопустимым.

Либо наоборот, обоснованно поданные иски, при наличии ходатайств законных представителей о рассмотрении по месту жительства ребенка некоторыми судами общей юрисдикции возвращаются, в связи с неподсудностью. За исключением исков, подлежащих рассмотрению по месту регистрации ответчика.

На сегодняшний день, одной из основных моделей разрешения семейных споров является сопровождение семьи на всех стадиях судопроизводства с

оказанием консультативной, психологической поддержки с разъяснением правовых последствий. При этом, охвату подлежат также семьи, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации, многодетные и малообеспеченные семьи, жертвы бытового насилия (женщины и дети).

В целях соблюдения прав и защиты интересов детей практикуется взаимодействие с отделом опеки и попечительства, социальными работниками, детскими психологами и с другими представителями системы ювенальной юстиции.

В рамках реализации пилотного проекта «Семейный суд» в апреле 2019 года автором был разработан и презентован примерный «Механизм сопровождения семьи в судах», направленный на сопровождение семей в суде (Приложение Б).

В частности, по спорам о расторжении брака, в целях налаживания взаимоотношений после выявления причин возникновения спора прилагаются меры по сохранению брака. Соответствующими специалистами в сфере защиты прав семьи и детей проводится профилактическая работа.

Исключением выступают расторжения брака по факту бытового насилия, предполагающий следующее:

– принятие мер реагирования путем обращения в Единый Центр помощи в семье по профилактике бытового насилия при Департаменте полиции Карагандинской области либо в Кризисный Центр;

– обращение к профессиональной помощи психологов.

По категории дел о расторжении брака в первую очередь необходимо выяснить действительную причину возникновения спора: выслушать мнение и противоречие сторон; предложить компромиссный вариант его разрешения.

Если одной из причин является отсутствие взаимопонимания между супругами, то необходимо супругов направить к психологу. Психолог в свою очередь должен выявить главную проблему и действовать поэтапно. Самая главная из них научить слушать, т.е. понимать друг друга.

Под умением слушать подразумевается сосредоточить внимание на том, что говорит второй супруг и понять то, почему супруг считает себя правым. При этом стороне не нужно начинать разговор с прямым навязыванием своей точки зрения и правоты. Иначе второй супруг не станет проявлять желание и слушать.

На стадии подготовки необходимость привлечения социальных работников возникает, если при рассмотрении дел затрагиваются интересы ребенка. В таком случае отделу образования необходимо предоставить соответствующее заключение. Заключение указывается в решении суда.

Практика показывает, что привлечь психологов можно в следующих случаях:

1. Психолог привлекается в рамках заключенного меморандума;

2. На подготовке суд рекомендует сторонам пройти консультацию психолога;

3. В случае если стороны согласились пройти консультацию, суд выносит определение, которым обязывает психолога предоставить заключение;

4. Заключение психолога указывается в мотивированной части решения суда.

Медиаторы привлекаются для разрешения семейных споров в судах:

1. Возможно в случаях, если стороны изъявили желания окончить дело мирным путем.

2. Стороны вправе выбрать медиатора профессионального и не профессионального по своему усмотрению.

3. По итогам примирительных бесед стороны предоставляют соглашение либо заявление об отказе от примирения [144].

В рамках главы 17 ГПК, актуализирована работа примирений в суде по числу споров, подлежащих примирению, именуемых медиабельными спорами. Однако, споры о расторжении брака не относятся к числу медиабельных. В ином случае, при примирении супругов, истец вправе отозвать иск, оставить без рассмотрения либо прекратить производство по делу, в виду отказа от иска.

Судопроизводство по рассмотрению категории гражданских дел по семейным спорам состоит из нескольких стадий.

Стадия предварительного судебного заседания:

– в случае несогласия одного из супругов с иском о расторжении брака, суд может по заявлению стороны предоставить срок на примирение;

– в случае примирения сторон, в ходе подготовки медиативные соглашения и партисипативная процедура утверждаются на стадии предварительного судебного заседания;

– при наличии оснований выносит определение о назначении дела к судебному разбирательству.

Стадия рассмотрения дела по существу:

– в случае непримирения сторон в течение предоставленного срока по спору о расторжении брака суд приступает к рассмотрению по существу;

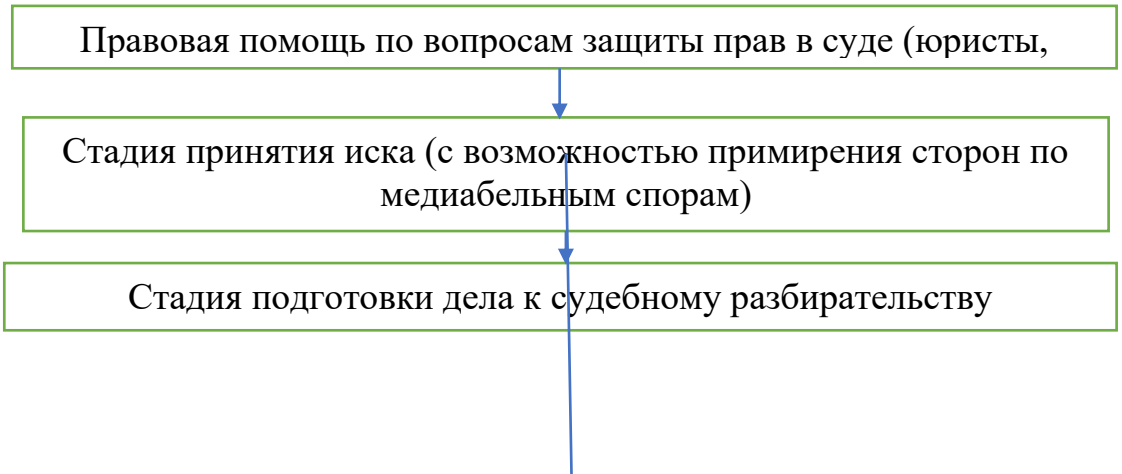
– если спор затрагивает права и интересы ребенка, то иск рассматривается с участием представителя Управления образования;

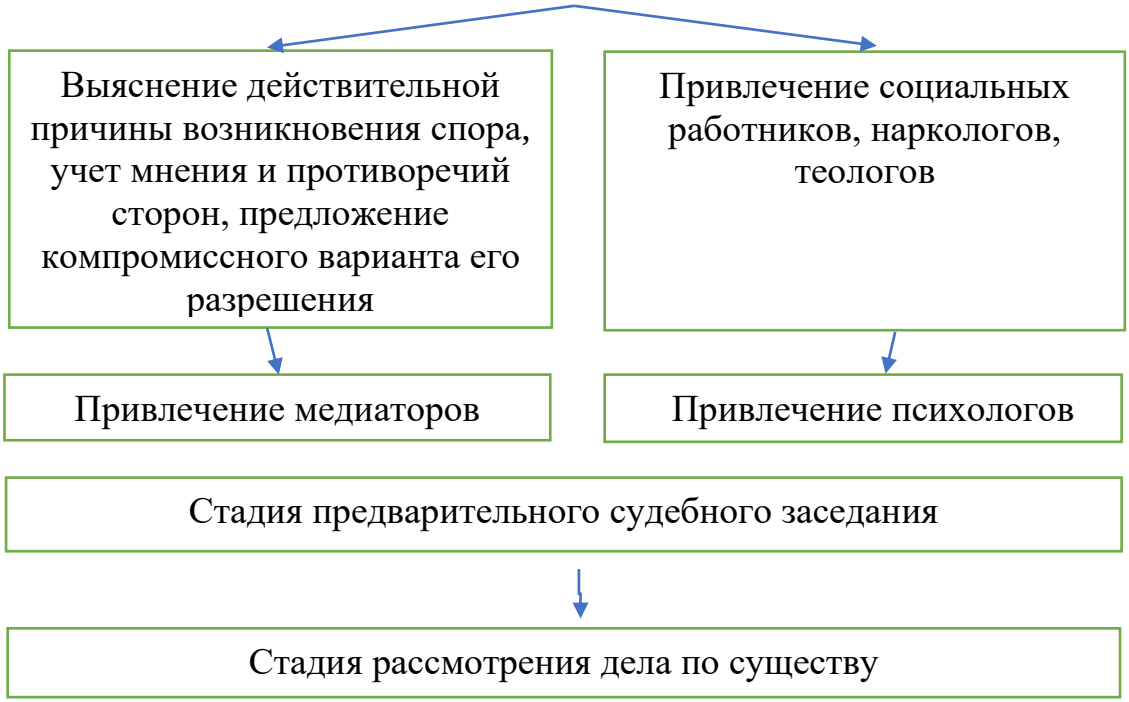
– в необходимых случаях иск может рассматриваться с привлечением психолога;

– материалы заключения оглашаются и исследуются в судебном заседании [145].

Процедура разрешения семейных споров суде выглядит следующим образом:

Рисунок 1. Примерная схема механизма сопровождении семьи в суде





За 12 месяцев 2024 года в суды первой инстанции Карагандинской области (далее - суды) поступило 5 841 исков о расторжении брака, об определении места жительства детей и взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей (в 2023 году 5 795).

За анализируемый период рассмотрено:

– с вынесением решения по спорам о расторжении брака 2 938 дела (2023 год 2 737), из них с удовлетворением иска по 2 934 дела, или 99,9%(2023 год 2 732 (99,8%)), с отказом в удовлетворении иска по 4 дела или 0,1% (2023 год - 5 (0,2%));

– с вынесением решения по спорам об определении места жительства детей по 45 делам (2023 год по 32 делам), из них с удовлетворением иска по 28 делам или 62,2% (2023 год по 28 делам (87,5%)), с отказом в удовлетворении иска по 17 делам или 37,8% (2023 год по 4 делам (12,5%));

– с вынесением решения по искам об установлении отцовства 11 дел или % (2023 год по 16 делам), из них с удовлетворением иска по 11 делам или 100 % (2023 год по 12 делам (75,0%)), с отказом в удовлетворении иска в 2023 году по 4 делам (25,0%));

– по делам о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей вынесено 105 решений (2023 год - 115), из них об удовлетворении иска по 92 делам или 87,6% (2023 год - 97 (84,3%)), с отказом в удовлетворении иска по 13делам или 12,4% (2023 год -18 (15,7%)) [102].

Анализ судебной практики рассмотрения отдельных категорий дел по брачно-семейным спорам за период 2023-2025 годы (статданные в ИС Төрелік) в разрезе судов Карагандинской области ситуация выглядит следующим образом:

Период	Всего поступило	Возврат	Всего окончено.	Решение	в т.ч.:		Прекращено	В том числе, примирение	Без рассмотрения
					удов.	отказ.			
Споры в сфере брачно-семейных отношений									
2023 год	**7783**	1829	**5902**	3608	3385	223	919	599	1315
2024 год	**7616**	1256	**6284**	3722	3529	193	1161	568	1337
11 мес 2025 год	**7816**	1644	**5959**	3551	3372	179	1137	549	1213
из них о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей									
2023 год	**279**	93	**185**	115	97	18	27	22	42
2024 год	**252**	49	**197**	105	92	13	25	23	64
11 мес 2025 года	**283**	79	**189**	100	92	8	25	25	60
из них об установлении отцовства									
2023 год	**47**	19	**26**	16	12	4	3	2	7
2024 год	**23**	3	**20**	11	11	0	0	0	8
11 мес 2025	**30**	13	**13**	5	4	1	0	0	8
из них о взыскании алиментов на время обучения									
2023 год	**235**	41	**194**	48	44	4	134	129	12
2024 год	**205**	33	**158**	59	57	2	85	85	14
11 мес 2025 года	**271**	46	**225**	70	70	0	134	128	19
из них о взыскании алиментов на содержание супруги…									
2023 год	**373**	57	**303**	76	71	5	172	170	53
2024 год	**371**	49	**324**	48	46	2	217	207	57
11 мес 2025 года	**288**	23	**266**	43	39	4	174	173	48
из них о взыскании алиментов на содержание родителей									
2023 год	**13**	2	**12**	6	4	2	4	3	2
2024 год	**13**	3	**9**	2	2	0	4	4	3
11 мас 2025 года	**12**	2	**9**	3	2	1	6	5	0
из них об изменении размера алиментов, приостановлении алиментов									
2023 год	**251**	71	**185**	124	24	100	42	42	16
2024 год	**175**	36	**141**	91	21	70	22	22	26
11 мес 2025 года	**172**	51	**122**	78	20	58	23	22	18
из них о лишении родительских прав									
2023 год	**233**	43	**191**	160	124	36	8	0	22
2024 год	**211**	27	**174**	139	102	37	1	0	31
11 мес 2025 года	**230**	32	**191**	160	130	30	3	0	28
из них о восстановлении родительских прав									
2023 год	**20**	5	**12**	10	9	1	0	0	2
2024 год	**15**	1	**17**	14	11	3	1	0	2
11 мес 2025 года	**15**	1	**9**	5	5	0	0	0	4
из них об ограничении родительских прав									
2023 год	**61**	6	**54**	41	37	4	6	2	6
2024 год	**53**	7	**52**	41	37	4	2	1	8
11 мес 2025 года	**74**	17	**50**	41	35	6	1	0	8
из них об определении местожительства детей									
2023 год	**175**	43	**110**	32	28	4	60	60	16
2024 год	**166**	25	**140**	45	28	17	71	70	16
11 мес 2025 года	**172**	41	**112**	36	22	14	45	44	24
из них об определении порядка общения с детьми									
2023 год	**109**	25	**86**	16	16	0	58	57	11
2024 год	**91**	15	**69**	23	21	2	33	32	9
11 мес 2025 года	**70**	12	**52**	14	13	1	33	33	3
из нихоб отмене усыновления (удочерения)									
2023 год	**22**	6	**16**	11	10	1	1	0	4
2024 год	**15**	4	**12**	8	6	2	0	0	3
11 мес 2025 года	**14**	6	**6**	6	6	0	0	0	0
из них о расторжении брака									

2023 год	**5341**	1242	**4130**	2737	2732	5	291	9	1067
2024 год	**5423**	850	**4554**	2938	2934	4	564	1	1023
11 мес 2025 года	**5351**	1084	**4187**	2702	2699	3	572	0	893
из них о разделе имущества									
2023 год	**314**	94	**177**	79	68	11	77	73	18
2024 год	**267**	72	**195**	78	66	12	88	84	25
11 мес 2025 года	**253**	84	**146**	70	57	13	55	55	13
из них споры, связанные с брачным договором									
2023 год	**2**	0	**2**	2	0	2	0	0	0
2024 год	**0**	0	**1**	1	1	0	0	0	0
11 мес 2025 года	**1**	0	**1**	1	0	1	0	0	0

Как показал анализ, исковые требования по указанным спорам, в основном являются обоснованными, поскольку большая часть исков удовлетворялась судами. Основное количество дел анализируемой категории рассмотрено в специализированном межрайонном суде по делам несовершеннолетних Карагандинской области (далее- ювенальный суд), что связано с расширением подсудности ювенальных судов [102].

Семейные споры весьма сложны для урегулирования, поскольку в них присутствует много разных факторов. Они отличаются высокой степенью эмоциональности между значимыми друг для друга людьми, поэтому семейные конфликты одни из самых острых. Их разрешение и предупреждение подразумевает применение широкого спектра инструментов, способов и средств разрешения.

Полагаем, что создание и развитие в Казахстане семейных судов, что обусловлено потребностью в дальнейшем совершенствовании законодательства согласно международно-правовым нормам, которые регламентируют семейно-брачные отношения и права детей, а также необходимостью развития государственной политики в области защиты института семьи и необходимостью устранения противоречий в правоприменительной практике судов, функционирующих на базе ювенальных судов и высокой значимостью изучения роли семейных отношений в системе национального и зарубежного права.

В Казахстане не в полной мере используются широкие возможности механизмов несудебного урегулирования семейных споров. Представляется, что это связано с отрицанием или неприятием всего спектра возможностей разрешения семейного спора, его идентификации только через призму судебного урегулирования. Иными словами, семейные споры воспринимаются как споры, которые разрешаются, прежде всего, в судебном порядке. Однако, это не соответствует реальному потенциалу мирного урегулирования конфликтов в семьях, которое позволило бы сохранить и укрепить институт семьи, повысить уровень доверия граждан к альтернативным вариантам разрешения семейных споров, прежде всего, через институт медиации. В связи с этим, в рамках настоящего диссертационного исследования представляется целесообразным рассмотреть судебные и внесудебные механизмы урегулирования семейных споров, проанализировать перспективы создания и

деятельности семейных судов, а также медиации при разрешении различных видов семейных споров.

Развитие ювенальных судов отражает стремление Казахстана к формированию эффективной системы защиты интересов семьи и детей, что является важным шагом как для общества в целом, так и для каждого ребенка в отдельности.

Согласно статистическим данным за 12 месяцев 2023 года в районные (межрайонные) городские суды Карагандинской области всего поступило 7906 исков и заявлений по семейным спорам, тогда как за аналогичный период 2024 года всего поступило 7672 исков (заявлений). В 2025 году поступило 8485 исков (заявлений) по семейным спорам. Рассмотрено в 2023 году -5902, в 2024 году рассмотрено – 6284, в 2025 году рассмотрено – 6412 исков (Приложение Ж).

В настоящее время рассмотрение отдельных категорий семейных споров отнесено к подсудности как судов по делам несовершеннолетних, так и судов общей юрисдикции, за исключением судов, расположенных в областных центрах и столице. Это позволяет обеспечить более широкий доступ к правосудию для граждан в разных регионах.

Одна из ключевых задач ювенальных судов – предотвращение правонарушений среди несовершеннолетних, а также формирование у детей осознания правовых последствий своих действий. Решения судов нередко играют важную роль в судьбе ребенка, особенно в случаях, когда требуется вмешательство в привычный уклад жизни, что может значительно повлиять на его психическое состояние.

Согласно статистическим данным по состоянию за 12 месяцев 2023 года поступило 2314 исков (заявлений), 22 материала, 79 остаток дел и заявлений на начало отчетного периода.

Из них возвращено 298 исков (заявлений), что составило 18% от общего количества поступивших заявлений, отказано в принятии по 30 искам.

Окончено производством 1650 гражданских дел, из них:

– с вынесением решений 826 дел (50%);

– оставлено без рассмотрения – 171, что составляет 10,3% от общего числа рассмотренных дел;

– прекращено 356 дел, что составляет 21,5% (в порядке медиации -204, с отказом в иске -163, по иным основаниям - 5);

– направлено по подсудности 9 дел;

– рассмотрено с вынесением судебного приказа – 269.

Количество споров, вытекающие из брачно-семейных отношений в разрезе категорий споров выглядят следующим образом:

– о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей – 133;

– с установлением отцовства – 112;

– о взыскании алиментов на содержание супруги (супруга) – 63;

– о снижении (увеличении) размера взыскиваемых алиментов, приостановлении взыскания алиментов – 183;

– о лишении родительских прав – 223;
– об ограничении родительских прав – 60;
– об определении местожительства детей – 165;
– об определении порядка общения с детьми – 105;
– о расторжении брака, лиц, имеющих несовершеннолетних детей – 702
– о разделе имущества между супругами – 47;
– по заявлениям об усыновлении (удочерении) ребенка – 116;
– об установлении фактов имеющих юридическое значение – 6;
– о возмещении вреда – 4;
– споры в сфере договорных обязательств – 4;
– о выселении без предоставления жилья – 1;
– о вселении – 1;
– наследственные споры – 8 [102].

В 2023 году наблюдается динамика роста поступивших исков о расторжении брака, имеющих несовершеннолетних детей. Это связано с расширением подсудности дел ювенальным судам.

Согласно статистическим данным по состоянию за 12 месяцев 2024 года поступило 5171 исков и заявлений, 28 гражданских дел, 416 остаток дел и заявлений на начало отчетного периода.

Из них возвращено 518 исковых заявлений (заявлений), что составило 10% от общего количества поступивших заявлений, отказано в принятии по 75 искам (1,5%).

Окончено производством 4511 гражданских дел, из них:

– с вынесением решений – 2189 дел (48,5%);
– оставлено без рассмотрения – 539, что составляет 11,9% от общего числа рассмотренных дел;
– прекращено 862 дел, что составляет 19,1% (в порядке медиации -280, мировое -3, партисипативное соглашение – 4, с отказом от иска – 539, по иным основаниям – 9);
– направлено по подсудности – 40 дел;
– рассмотрено с вынесением судебного приказа – 881.

Количество споров, вытекающие из брачно-семейных отношений в разрезе категорий споров в 2024 году выглядят следующим образом:

– о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей – 975;
– с установлением отцовства – 120;
– о взыскании алиментов на содержание супруги (супруга) – 159;
– о снижении (увеличении) размера взыскиваемых алиментов, приостановлении взыскания алиментов – 129;
– о лишении родительских прав – 198;
– об ограничении родительских прав – 49;
– об определении местожительства детей – 150;
– об определении порядка общения с детьми – 88;

– о расторжении брака, лиц, имеющих несовершеннолетних детей – 2605;
– о разделе имущества между супругами – 95;
– по заявлениям об усыновлении (удочерении) ребенка – 117;
– об установлении фактов, имеющих юридическое значение – 33;
– о возмещении вреда – 26;
– о признании безвестно отсутствующим или умершим – 2;
– споры в сфере договорных обязательств – 12;
– споры возникающих в сфере жилищных правоотношений – 12;
– о выделении доли из имущества – 1;
– споры о наследстве 20 [102].

Согласно статистическим данным Специализированного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области по состоянию за 12 месяцев 2025 года поступило 5793 исков и заявлений, 24 гражданских дел, 359 остаток дел и заявлений на начало отчетного периода.

Из них возвращено 976 исковых заявлений (заявлений), что составило 16,8% от общего количества поступивших заявлений, отказано в принятии по 151 искам (2,6%).

Окончено производством 4444 гражданских дел, из них:

– с вынесением решений 2223 дел (50,1%);
– оставлено без рассмотрения - 494, что составляет 11,2% от общего числа рассмотренных дел;
– прекращено 878 дел, что составляет 19,7% (в порядке медиации -266, мировое -1, партисипативное соглашение – 3, с отказом от иска – 601, по иным основаниям – 11);
– направлено по подсудности – 31 дел;
– рассмотрено с вынесением судебного приказа – 818;

Количество споров, вытекающие из брачно-семейных отношений в разрезе категорий споров в 2025 году выглядят следующим образом:

– о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей – 976;
– с установлением отцовства-141;
– о взыскании алиментов на содержание супруги (супруга)-127;
– о снижении (увеличении) размера взыскиваемых алиментов, приостановлении взыскания алиментов – 129;
– о лишении родительских прав – 237;
– об ограничении родительских прав – 71;
– об определении местожительства детей – 156;
– об определении порядка общения с детьми – 70;
– о разделе имущества между супругами – 89;
– о расторжении брака, лиц, имеющих несовершеннолетних детей – 2884;
– по заявлениям об усыновлении (удочерении) ребенка – 93;
– об установлении фактов, имеющих юридическое значение – 27;
– о возмещении вреда – 33;

– о признании безвестно отсутствующим или умершим – 0;
– споры в сфере договорных обязательств – 9;
– споры возникающих в сфере жилищных правоотношений – 13;
– о выделении доли из имущества – 43;
– споры о наследстве – 28 [102].

Наибольшее количество поступивших на рассмотрение споров составляют споры о расторжении брака и взыскании алиментов, что составляет 50% от общего количества поступивших исков.

Таким образом, статистика за три года демонстрирует увеличение количества семейных споров и значительное использование альтернативных методов разрешения, таких как медиация. Это подчеркивает необходимость дальнейшего совершенствования судебной системы и увеличения внимания к вопросам защиты прав детей и семьи.

В настоящее время рассмотрение отдельных категорий семейных споров отнесено к подсудности как судов по делам несовершеннолетних, так и судов общей юрисдикции, за исключением судов, расположенных в областных центрах и столице. Это позволяет обеспечить более широкий доступ к правосудию для граждан в разных регионах.

Одна из ключевых задач ювенальных судов – предотвращение правонарушений среди несовершеннолетних, а также формирование у детей осознания правовых последствий своих действий. Решения судов нередко играют важную роль в судьбе ребенка, особенно в случаях, когда требуется вмешательство в привычный уклад жизни, что может значительно повлиять на его психическое состояние.

Согласно статистических данных количество поступивших семейных споров в ювенальном суде Карагандинской области в 2024 году увеличилось почти в два раза по сравнению с 2023 годом (Приложение 3).

С 24 июля 2023 года ювенальный суд Карагандинской области был включен в пилотный проект «Предварительное разъяснение несоответствия иска» (далее – проект), который завершился в декабре 2024 года. До реализации проекта прием и регистрация исковых заявлений осуществлялись в соответствии с общими правилами гражданского судопроизводства.

Основная идея проекта заключалась в том, чтобы судья и специалист, отвечающие за первичную проверку исковых заявлений, разъясняли заявителям причины несоответствия их исков требованиям Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан и порядок устранения этих недостатков. При этом, учитывая желание истцов получить процессуальный судебный акт, регистрация исков осуществлялась в канцелярии суда, после чего они распределялись в автоматизированной системе. В ювенальном суде, из-за особенностей категорий рассматриваемых дел, требовались разъяснения относительно неподсудности дел, необходимости доплаты государственной пошлины, предоставления оценки имущества по разделу имущества, сведений о доходах и других необходимых документов.

Анализ работы в рамках проекта показал, что разъяснения в основном касались порядка устранения недостатков по искам, связанным с уменьшением размера алиментов. В таких случаях истцам предлагалось произвести доплату государственной пошлины на основе представленных справок о доходах. Согласно подпункту 8) части 1 статьи 104 ГПК, цена иска определяется как сумма уменьшения или увеличения, на которую претендует заявитель, но не более чем за один год. В свою очередь, статья 610 Налогового кодекса РК предусматривает уплату государственной пошлины в размере 1% от суммы имущественного иска, если истец не освобожден от ее оплаты.

Если истец не имеет дохода, то сумма иска рассчитывается исходя из среднемесячной заработной платы. В соответствии с пунктом 7 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 25.12.2009 года «О судебных расходах по гражданским делам», иск по которому не уплачена государственная пошлина в полном объеме, подлежит возврату на основании статьи 152 ГПК [146]. На стадии подачи заявления истцу разъясняются необходимость доплаты государственной пошлины и последствия несоблюдения этих требований.

В делах о разделе имущества государственная пошлина в размере 1% рассчитывается на основе отчета об оценке имущества. Однако, при подаче таких исков заявители не всегда представляют соответствующий отчет, что приводит к отсутствию квитанции об оплате. В таких случаях истцам предлагается устранить недостатки, разъяснив правовые последствия.

Мониторинг работы по проекту показал снижение количества возвращенных исков, однако 36 исков были возвращены, так как заявители настаивали на регистрации неподсудных дел либо дел, подлежащих возврату.

Особое внимание уделяется вопросам определения порядка общения с ребенком. Если родители не могут прийти к соглашению, споры решаются органами опеки, а при несогласии – в суде. Такие иски чаще подают родители, проживающие отдельно от ребенка, однако в последнее время иски подаются и родителями, проживающими с ребенком, что связано с нарушением прав ребенком со стороны второго родителя.

Согласно пункту 4 Нормативного постановления Верховного Суда РК от 29 ноября 2018 года №15, истцы обязаны соблюдать досудебный порядок разрешения спора, обращаясь в органы опеки [118]. Однако, в ряде случаев этот порядок не соблюдается, что приводит к возврату исков. При этом практика показывает, что на стадии подачи исков стороны часто достигают соглашения в рамках процедуры медиации, и суд утверждает такие соглашения.

В целях повышения качества работы ювенального суда 1 сентября 2023 года в суде были открыты семейные кабинеты, где предоставляют консультации специалисты различных профилей: юристы, психологи, медиаторы, наркологи, социологи и теологи. Это нововведение способствует оперативному решению семейных споров и повышает эффективность судебной системы.

Нельзя не отметить недостатки действующего семейно-брачного законодательства, согласно которому иски о расторжении брака с разрешением

вопросов определения места жительства детей и определения порядка общения с детьми, а также другие споры могут рассматриваются не только специализированным судом по делам несовершеннолетних, но и другим судом общей юрисдикции, за исключением судов, расположенных вне пределов областного центра, столицы. Это приводит к увеличению споров, связанных с определением подсудности спора.

Неоднозначная практика передачи дел ювенальными судами других областей по срокам экстерриториальной подсудности заслуживает внимания. В соответствии с действующим алгоритмом, дела должны направляться в выбранный суд не позднее следующего рабочего дня после вынесения соответствующего определения (п. 9 алгоритма: секретарь судебного заседания обеспечивает направление электронного дела не позднее следующего рабочего дня). В этой связи предлагается внести изменения в часть 3 статьи 27 ГПК в следующей редакции: «Гражданские дела по спорам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних, за исключением дел, подсудных районным (городским) судам, находящимся в пределах городов республиканского значения и столицы, областных центров, не передаются по правилам экстерриториальной подсудности [44].

Учитывая специфику рассмотрения дел в ювенальных судах, которая предусматривает:

– обязательное участие и явку сторон и других лиц в суде (в режиме офлайн);

– рассмотрение дел по месту проживания ребенка;

– привлечение представителя органа опеки и попечительства того региона (города, района), где проживает ребенок, считаем, что передача дел, подсудных одному региону, другому региону по правилам экстерриториальной подсудности может повлечь волокиту. Это связано с тем, что рассмотрение семейных споров в ювенальных судах включает проведение психологических исследований по месту жительства ребенка, обследование жилищно-бытовых условий родителей, опрос и обязательное участие в судебном заседании самого несовершеннолетнего (в порядке статьи 62 Кодекса «О браке (супружестве) и семье»).

Расторжение брака может быть осуществлено органами РАГС или в суде по четырем основаниям, установленным законом.

Вопрос расторжения брака в отсутствии одного из супругов при неоднократной неявке в регистрирующий орган приобретает всё большую актуальность в контексте стремления к досудебному урегулированию семейных споров. Законодательство Республики Казахстан предоставляет возможность прекращения брака как в административном порядке – через органы регистрации актов гражданского состояния (РАГС), так и в судебном, если административный механизм оказывается неэффективным из-за отказа или уклонения одного из супругов от участия в процедуре.

Примером применения судебного порядка расторжения брака является дело, рассмотренное Балхашским городским судом (дело №3516-24-00-2/1586),

по которому иск Р. к Р. был удовлетворён. Судом установлено, что между сторонами отсутствуют несовершеннолетние дети, имущественные и иные правовые притязания. Истец дважды обращался в регистрирующий орган НАО, однако ответчик не явился. Эти обстоятельства послужили основанием для вывода о невозможности осуществления расторжения брака в административном порядке. В ходе судебного разбирательства ответчик не признал иск, что обусловило назначение судом срока для примирения супругов, однако примирение оказалось неэффективным, в связи с чем суд признал дальнейшее сохранение брака невозможным и удовлетворил требования истца [119].

Схожая правовая позиция была выражена районным судом №2 Казыбекбийского района города Караганды в решении от 2 марта 2023 года (дело №3512-22-00-2/11060) [119]. При рассмотрении дела суд пришёл к аналогичным выводам: стороны не имели несовершеннолетних детей, а ответчик систематически уклонялся от явки в регистрирующий орган, несмотря на уведомления. Попытки истца урегулировать вопрос в досудебном порядке оказались безуспешными. Суд также предоставил срок для примирения сторон, однако ввиду отсутствия положительных результатов удовлетворил иск о расторжении брака.

Ключевым моментом, способствующим улучшению практики расторжения брака в административном порядке, стало принятие Закона Республики Казахстан от 20 декабря 2021 года № 84, вступившего в силу 5 января 2022 года [147]. В соответствии с внесёнными изменениями в статью 240 Кодекса о браке (супружестве) и семье, был добавлен пункт 5, согласно которому:

«Если один из супругов не может явиться в регистрирующий орган для государственной регистрации расторжения брака (супружества) после повторной подачи заявления о расторжении брака (супружества), расторжение брака (супружества) может быть произведено в его отсутствие при наличии его нотариально удостоверенного согласия на расторжение брака (супружества)».

Таким образом, правовое регулирование и судебная практика в данной сфере демонстрируют тенденцию к поощрению внесудебного урегулирования споров, что соответствует принципу доступности и экономичности правосудия. Принятые меры способствуют снижению нагрузки на судебную систему и обеспечивают более гибкий и эффективный подход к разрешению семейных правовых конфликтов.

Государство заинтересовано в стабильности брачного союза. Поэтому на суды законом возложены обязанности по принятию мер по примирению супругов. Однако, при этом примирение - это не только цель, но и способ сохранить семью. Поэтому, если эта обязанность не может быть исполнена и противоречит интересам защиты детей либо супругов, то суд расторгает брак.

В случае, если суд приходит к выводу, что брак не может быть расторгнут окончательно, он может отложить рассмотрение дела и назначить супругам срок для примирения [98].

В случае, если у супругов имеются несовершеннолетние дети и супруги не согласны с тем, с кем они остаются, этот вопрос решается судом. Суд может вынести решение о том, что дети остаются с одним из родителей либо о том, что ребенок остается с каждым из родителей (если двое детей или более). При этом суд должен помнить только об интересах несовершеннолетних детей. Также в целях защиты интересов детей и здоровья будущей матери предусмотрено следующее: брак не может быть расторгнут без согласия жены во время беременности жены и в период, когда ребенок не достиг возраста одного года [22].

Дополнительно, супругам разъясняется содержание пункта 23 Нормативного постановления, согласно которому, в случае примирения сторон после вынесения решения, но до вступления его в законную силу, исполнение данного решения при наличии письменного заявления супругов может быть прекращено [100].

Однако, в КоБС РК и Нормативном постановлении отсутствуют четкие указания о том, как следует исполнять судебное решение о расторжении брака, если оно включает взыскание алиментов. В большинстве случаев такие решения, связанные с алиментными обязательствами, не подлежат отмене, даже если стороны примирились.

Кроме того, в судебном решении должно быть указано, какие фамилии останутся у супругов после расторжения брака. Если суды не выясняют это заранее, возникает волокита, связанная с необходимостью дополнительных процедур по изменению фамилии в органах РАГС, что влечет дополнительные затраты времени и ресурсов. Это было отмечено в обобщении Верховного Суда Республики Казахстан по делам о расторжении брака за 2021 год.

Разделяемые супруги в некоторых случаях самостоятельно решают вопрос о разделе общего имущества. Но в случае, когда супруги не пришли к соглашению, раздел имущества осуществляется судом и, как правило, распределяется поровну, за исключением отдельных случаев, предусматривающих отступ от равенства долей с учетом интересов детей.

Что касается правовых последствий прекращения брака, то как уже отмечалось, в результате расторжения брака прекращаются личные и имущественные отношения супругов. Например, совместное проживание - общая совместная собственность, взаимная забота и содержание. При этом некоторые правоотношения сразу прекращаются, а некоторые могут быть сохранены. В случае раздела совместно нажитого имущества в период брака, как правило, прекращается и порядок общей совместной собственности супругов, связанный с прекращением брака, но расторжение брака в случае неделимости имущества сам по себе не может превратить общую совместную собственность супругов в долевую собственность. Вместе с расторжением брака аннулируется и право наследования после смерти супруга, право на возмещение вреда, причиненного в связи со смертью бывшего супруга – кормильца и др.

В случае расторжения брака возникает такой вид семейных споров, как получение алиментов на бывшего супруга [22]. В связи с расторжением брака, как правило, прекращается и обязанность супругов по материальной поддержке друг друга. Но в этом случае, если через суд будет установлена нетрудоспособность и нуждаемость бывшего супруга, то он имеет право на получение содержания от своего бывшего супруга.

Расторжение брака не может приостановить права и обязанности родителей в отношении их детей. В случаях, когда при заключении брачного союза были нарушены определенные требуемые по закону условия или были препятствия для вступления в брак, суд может признать последний недействительным. В частности, если один из вступающих в брак скрыл, что он уже состоит в браке. Недействительность брака имеет место тогда, когда один из супругов при заключении скрыл, что имеет заболевание, представляющее собой угрозу для других членов семьи. Фиктивный брак тоже является недействительным, если супруги заключили его по разным причинам только формально, заведомо не имея цели создания семьи.

Признанный судом недействительным брак признается вообще не существовавшим, поэтому считается, что состоявшие в нем лица на практике не имели прав и не несли никаких обязанностей в отношении друг друга. Вместе с тем, в данном правиле существует исключение: добросовестный супруг (тот, кто не знал о существовавших на момент заключения брака препятствиях) вправе требовать в судебном порядке выплаты алиментов, если он нетрудоспособен и испытывает в этом нужду.

Споры о расторжении брака возникают при несогласии одного из супругов на расторжение брака или по поводу его условий, включают вопросы раздела имущества, алиментов, места проживания детей.

Имущественные споры связаны с разделом имущества, приобретённого в браке, споры могут касаться режимов имущества супругов, долгов, бизнеса, недвижимости, вкладов и других активов.

Споры о содержании супруга (алименты на супруга), часто возникают при расторжении брака, если один из супругов нуждается в материальной поддержке.

Споры о признании брака недействительным, возникают при нарушении условий вступления в брак (фиктивный брак, принуждение, сокрытие важных обстоятельств), влекут правовые последствия, например, отмену имущественных прав

В настоящее время понимание института брака и его значения в обществе изменилось. Брак больше не считается обязательством на всю жизнь. Поскольку принцип равенства заменил иерархию в качестве руководящего принципа семейного права, он дал больше оснований для семейных споров.

Каждое государство заинтересовано в сохранении брака и семьи. Представители органов власти полагают, что на государственном уровне необходимо принимать серьезные меры, чтобы укрепить институт семьи.

По республике в 2022 г. развелись 44517 тыс. семей, это порядка 34,7% от количества зарегистрированных браков, однако уже в 2023 г. Расторжений брака составило 40227 тыс. или 33,3%, а за период январь-август 2025 года количество расторжений брака составило 25741 или 27,7% [69].

В связи с расширением подсудности с 1 сентября 2023 года ювенальным судом Карагандинской области принимаются меры к примирению супругов на стадии расторжения брака. Всего за 2024 год поступило 2605 исков по делам данной категории, что составляет 50,3% от общего количества поступивших исков.

Увеличение количества расторжений брака связано с неоднократностью предъявления в суд по спору между теми же сторонами. При оставлении иска без рассмотрения или его возврате, при прекращении производства по делу в связи с примирением сторон, стороны спустя несколько месяцев повторно обращаются в суд за расторжением брака.

Специалисты полагают, что данная статистика вызвана мерами государственной поддержки, когда люди стали обращаться за материальной помощью, оформив фиктивные расторжения брака.

Семьи часто распадаются вследствие наличия у них финансовых проблем. Судьи отмечают, что бракоразводные процессы молодых пар проходят по упрощенной процедуре, поскольку они преимущественно не имеют совместных детей. Однако и в зрелом возрасте (30 – 45 лет) люди расторгают брака. Причины для этого могут быть разными, например, бытовые конфликты, насилие в семье, неспособность воспитывать детей, супружеская неверность и т.д. В результате масштабы проблемы вывели Казахстан в десятку стран по числу расторжений брака.

В сущности, расторжение брака стало своего рода социальной нормой, оборачивающейся дополнительными сложностями для развития института семьи. В частности, возрастает количество неполных семей. Расторжение брака становится следствием различных семейных конфликтов. Следует заметить, что участниками конфликтов в семейных взаимоотношениях становятся не только супруги, но и их дети, родители и другие родственники, а также опекуны. Разногласия могут быть вызваны разными обстоятельствами: раздел имущества, наследство, вопросы усыновления или ухода за нетрудоспособными родственниками, место проживания ребенка и т.д.

В период обострения социально-экономических проблем снижается уровень морали и культуры, что негативно отражается на семьях. Подавляющее большинство семей имеют невысокий уровень правовой культуры, что приводит к большому количеству семейных споров (конфликтов). Анализ судебной статистики по семейным делам показывает, что в качестве главной причины расторжения брака граждане указывают несовместимость характеров, однако при этом приводят недостаточно доказательств данного факта. Рассматриваемые в судах семейные споры чаще всего завершаются расторжением брака, поскольку выходят сроки, предоставляемые сторонам для примирения, а желания сохранить семью супруги не выражают. В частности, в

2018 г. эту причину указали супруги в судах Алматы по 2 927 делам, Карагандинской области по 1 627 делам, Жамбылской области по 1086 делам и т.д. [69].

Другой распространенной причиной семейных споров и последующих расторжений брака становится алкогольная и наркотическая зависимость одного из супругов. В 2024 году в ювенальном суде составило около 10% от общего количества поступивших исков о расторжений брака [125].

Интересным фактом является то, что количество расторжений брака, прежде всего, увеличивается в сельской местности, хотя на селе традиционно ценят и стремятся сохранить «семейный очаг». На протяжении последних десяти лет наблюдается устойчивый рост количества расторжений брака на 1000 браков. В Казахстане распадается каждая третья пара, за последние десять лет расторгли брак свыше 1,5 миллиона пар. В последние годы возросло и количество расторжений брака среди супружеских пар со стажем, однако это нередко обусловлено материальным фактором. В частности, многодетные родители принимают такое решение в целях получения адресной социальной помощи. На это обратил внимание и Президент РК К.Ж. Токаев, который дал поручение уполномоченным органам выявить указанные случаи [148].

Прекращение брака путем расторжения брака осуществляется в порядке, установленном законодательством, в органах РАГС или в суде.

В Республике Казахстан предусмотрено два вида расторжения брака: судебный и административный порядок, реализуемый службами РАГСа. Для того, чтобы снизить риск непродуманных, импульсивных решений, оформление расторжения брака в органах РАГС осуществляется спустя месяц после принятия заявления от супругов [22].

В свою очередь, брак расторгается судом, если существует спор между родителями об определении местожительства несовершеннолетних или усыновленных детей, об установлении порядка предоставления материального содержания. В суде супруги также разрешают вопросы, связанные с разделом общего имущества и определяют порядок содержания нетрудоспособного нуждающегося супруга.

Как отмечает известный цивилист, к.ю.н. М.Муканова «по общему правилу супруги приобретают право общей совместной собственности на имущество, приобретенное в браке при режиме целостности. Однако и в этом случае имущество, полученное во время брака в дар или полученное по наследству, остается в долевой собственности» [149].

Основанием для одностороннего расторжения брака также может служить лишение свободы на срок не менее трех лет за совершение преступления одним из супругов. Осужденный супруг не теряет психологической свободы, поэтому имеет право самостоятельно выражать свою точку зрения на брак. Закон не лишает его права расторгать брак, но только в общем случае.

Согласно подпункту 4) пункта 2 статьи 17 Кодекса независимо от наличия у супругов общих несовершеннолетних детей брак (супружество) расторгается в регистрирующих органах по заявлению одного из супругов, если другой супруг

осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок не менее трех лет [22].

Органы РАГС при регистрации расторжения брака не вправе устанавливать причины расторжения брака.

В силу пункта 1 статьи 17 Кодекса расторжение брака (супружества) в регистрирующих органах производится, если супруги не имеют общих несовершеннолетних детей и имущественных и иных претензий друг к другу [22].

Согласно анализа судебной практики признания и приведения в исполнение решений иностранных судов по Гаагской конвенции от 23.11.2007г. о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи за период 2022-2024 годы [150]. изучена судебная практика и выявлены проблемные вопросы при рассмотрении дел анализируемой категории, выработка предложений по обеспечению единообразных подходов к разрешению споров, выявление проблемных вопросов, возникающих в правоприменительной практике судов.

Казахстан присоединился к Конвенции в 2017 году, поэтому практика ее применения еще не накопилась в достаточном объеме.

Вместо нескольких документов, регламентирующих разные аспекты взыскания алиментов, Гаагская конвенция 2007 года регламентирует все аспекты алиментных обязательств, за исключением применимого права, которое в свою очередь рассматривается в Гаагском протоколе 2007 года.

Признание и приведение в исполнение решений иностранных судов, арбитражных решений иностранных арбитражей на основе взаимности осуществляется в соответствии со статьей 501 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан.

В соответствии с требованиями указанной статьи признаются и приводятся в исполнение судами Республики Казахстан решения, постановления и определения об утверждении мировых соглашений, судебные приказы иностранных судов, а также арбитражные решения иностранных арбитражей.

Отдельный статистический учет дел, рассмотренных с применением Гаагской Конвенции 2007 года, не ведется.

Согласно сведениям Департаментов, Судебной Администрации по исполнению решений иностранных судов по Гаагской конвенции:

- в 2022 году поступило – **3** материала из Германии, из них удовлетворено – 3;

- в 2023 году поступило **-11** материлов *(Германия* ***-6,*** *Украина* ***-1****, Королевство Норвегии****-1, Беларусь****-1,*** *Польша****-1, Турция****-1),* из них: возвращено ***-1,*** удовлетворено **-9**, без исполнения ***-1,*** в связи со смертью гражданина;

в 2024 году поступило **-11** материалов *(Германия* ***-8,*** *Великобритания и Северной Ирландия****-2,*** *Польша****-1),*** из них: возвращено **-1,**отказано **-1,**удовлетворено **-7**, на исполнении**-2** [129].

2022 год

Наименование суда	Наименование страны	поступило	Отказано/возвращено	удовлетворено	Обжаловано в апелляции	отменено	изменено	б/и
Акмолинская область	Германия	1	-	1	-	-	-	-
Павлодарская область	Германия	2	-	2	-	-	-	-
РЕСПУБЛИКА	**Германия**	**3**	**-**	**3**	-	-	-	-

2023 год

Наименование суда	Наименование страны	поступило	Отказано/возвращено	удовлетворено	Обжаловано в апелляции	отменено	изменено	б/и
Акмолинская область	Германия	2	-	2	-	-	-	-
	Украина	1	-	1	-	-	-	-
г. Астана	Королевство Норвегии	1	-	1	-	-	-	-
	Германия	1	-	1	-	-	-	-
г. Алматы	Республика Беларусь	1	-	1	-	-	-	-
Алматинская область	Польша	1	1 *(без исполнения)*					
Костанайская область	Германия	1	-/1	-	-	-	-	-
Павлодарская область	Германия	1	-	1	-	-	-	-
Область Абай	Германия	1	-	1	-	-	-	-
	Турецкая Республика	1	-	1	-	-	-	-
РЕСПУБЛИКА	**Германия**	**6**	**-/1**	**5**				
	Украина	**1**		**1**				
	Королевство Норвеги	**1**		**1**				

	и							
	Республика Беларусь	**1**		**1**				
	Польша	**1**	**1** *(без исполнения)*					
	Турецкая Республика	**1**	**-**	**1**				

Примечание: Алматинская область *- Ходатайство оставлено без исполнения в связи со смертью гражданина Лысенко В.*

2024 год

Наименование суда	Наименование страны	поступило	Отказано/возвращено	удовлетворено	Обжаловано в апелляции	отменено	изменено	б/и
Акмолинская область	Германия	2	-	2	-	-	-	-
г. Астана	Великобритания и Северной Ирландия	2 *(на исполнении)*	-	-	-	-	-	-
г. Алматы	Польша	1	-	1	-	-	-	-
	Германия	1	-/1	-	-	-	-	-
ЗКО	Германия	1	-	1	-	-	-	-
Костанайская область	Германия	1	-	1	-	-	-	-
Павлодарская область	Германия	1	-	1	-	-	-	-
Область Абай	Германия	2	1/-	1				
РЕСПУБЛИКА	**Германия**	**8**	**1/1**	**6**				

	Великобритания и Северной Ирландия	**2** *(на исполнении)*						
	Польша	**1**	**-**	**1**				

Правила определения подсудности дел о взыскании алиментов содержатся в Гражданском процессуальном кодексе Республики Казахстан.

В соответствии с подпунктом 3 пункта 2 статьи 466 ГПК суды Республики Казахстан рассматривают дела с участием иностранных лиц по делам о взыскании алиментов и об установлении отцовства, если истец имеет место жительства в Республике Казахстан [44].

Согласно части 5 статьи 23 ГПК судам Республики Казахстан подведомственны дела с участием иностранцев, лиц без гражданства, иностранных организаций, а также с участием международных организаций, если иное не предусмотрено законом, международными договорами, ратифицированными Республикой Казахстан, или соглашением сторон [44].

Суды Республики Казахстан рассматривают и другие дела, если законом и (или) международным договором, ратифицированным Республикой Казахстан, они отнесены к их компетенции.

Основания для признания и исполнения решения, принятого в одном из Договаривающихся государствах, установлены в статье 20 Гаагской конвенции 2007 года. При этом пунктом 6 данной нормы оговорено, что решение подлежит признанию только в том случае, когда оно имеет силу в Государстве, его вынесшем, и подлежит исполнению только в том случае, когда оно может быть исполнено в государстве, его вынесшем [151].

Основополагающим принципом Гаагской Конвенции 2007 года и национального законодательства является то, что во всех действиях в отношении детей первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка. Каждый ребенок имеет право на уровень жизни, соответствующий физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию ребенка.

Так, длительно, с 2021 года не исполняется ходатайство С.А.Н. о признании и разрешении принудительного исполнения решения Карасайского районного суда от 19 марта 2021 года о взыскании алиментов с В.И.У., отправленное (при Алматинской области - до разделения на Алматинскую область и область Жетiсу) в Великобританию в соответствии с Конвенцией «О международном взыскании алиментов на детей и других видов содержания семьи» от 23 ноября 2007 года, ратифицированной Республикой Казахстан, Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии [129].

Судебной Администрацией в 2023 году Министерство иностранных дел уведомлено о неисполнении данного ходатайства казахстанской стороны.

Принимая во внимание, что в соответствии с Указом Президента Республики Казахстан от 6 мая 2017 года № 475 «О мерах по реализации Конвенции о международном порядке взыскания алиментов на детей и других форм содержания семьи от 23 ноября 2007 года от Республики Казахстан центральным органом Министерством юстиции предлагается инициировать направление требования о причинах неисполнения ходатайства о признании и исполнении решения суда [129].

Так, с 2022 года не исполняется ходатайство гражданки Республики Казахстан А.А.М. о признании и исполнении решения специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних ЗКО №2770-21-00-2/355 от 02 декабря 2021 года на территории Германской Республики в отношении гражданина Германии Ф.Б.Д.

Департаментом Судебной администрации по ЗКО ходатайство направлено 27 августа 2022 года в Федеративную Республику Германия. Однако, данное ходатайство находится на исполнении и до настоящего времени не исполнено.

В своих ответных письмах немецкая сторона настаивает на вынесении решения в твердой денежной сумме. Электронные документы направлены в адрес Департамента Судебной администрации по Западно-Казахстанской области по электронной почте [129].

Аналогичная ситуация складывается и с заявлением Л.Е.В., которой подано заявление о взыскании алиментов в размере ¼ доли на содержание двух несовершеннолетних детей, 2008 года рождения, по решению Есильского районного суда города Нур-Султан от 8 сентября 2020 года по ее иску о взыскании алиментов с А.В.Н., проживающего на территории Германской Республики.

10 декабря 2020 года № 6001-20-9-2-4/303 направлено в Федеральное управление юстиции Федеративной Республики Германия прошение Л.Е.В. о признании и принудительном исполнении указанного решения.

6 марта 2023 года по заявлению Л.Е.В. поступил ответ о том, что взыскание алиментов ¼ доли невозможно, предложено вынесение решение в твердой денежной валюте [129].

Согласно статье 174 КоБС в случае временного выезда или на постоянное место жительства лица, обязанного выплачивать алименты, за пределы Казахстана оно вправе заключить с членами семьи, которым оно по закону обязано предоставлять содержание, соглашение об уплате алиментов в соответствии со статьями 157-162 КоБС.

При не достижении соглашения заинтересованное лицо вправе обратиться в суд с требованием об определении размера алиментов в твердой денежной сумме или о единовременной выплате алиментов либо о предоставлении определенного имущества в счет алиментов, или об уплате алиментов иным способом.

Л.Е.В. в суд о вынесении решения суда в таком порядке о взыскании с А.В.Н. в твердой денежной валюте не обращалась. Федеральное управление юстиции Федеративной Республики Германия 4 июня 2024 года материалы по Л.Е.В. возвращены без исполнения [129].

Анализ неисполненных заявлений граждан Казахстана о признании и приведении в исполнение решений казахстанских судов в Германии, направленных в рамках Гаагской Конвенции 2007 года, показал, что причиной отказа является то, что эти судебные решения неисполнимы ввиду отсутствия твердой суммы взыскиваемых алиментов, конкретной даты их уплаты, не указания конкретного дохода родителей (к примеру, за вычетом налогов и других обязательных платежей или нет).

Согласно КоБС алименты на детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в долевом выражении от заработка и (или) иного дохода родителей (на одного ребенка 1/4, на двух детей 1/3, на трех и более детей 1/2) [22].

Суд также вправе определить размер алиментов в твердой денежной сумме при отсутствии соглашения родителей об уплате алиментов на несовершеннолетних детей и в случаях, когда взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон.

При этом размер твердой денежной суммы определяется судом исходя из размера месячного расчетного показателя. Однако, такого понятия как МРП законодательство Германии не содержит.

После такого кейса судебной коллегией по гражданским делам инициировано внесение изменений и дополнений в Кодекс «О браке (супружестве) и семье» на предмет взыскания алиментов в конкретной денежной сумме в случае нахождения должника за границей алименты. Предложения направлены правовым отделом для реализации в Министерство юстиции и Сенат Парламента, находятся на рассмотрении.

Другим проблемным вопросом видится вынесение в Казахстане судебных приказов. Это связано с тем, что процедура вынесения судебного приказа предусматривает упрощенный порядок и не требует обязательного участия ответчика в судебном заседании.

За анализируемый период направлено одно заявление гражданки Казахстана о признании и исполнении судебных приказов на территории иностранного государства (заявление К. в Польшу, принято) [129].

Вместе с тем, согласно подпункту 4) статьи 135 ГПК судебный приказ выносится по требованиям о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, не связанным с установлением отцовства (материнства) или необходимостью привлечения третьих лиц [129].

В результате, при выезде должника за границу судебный приказ не может быть признан и исполнен в иностранном государстве, так как не соответствует требованиям Гаагской конвенции о надлежащем извещении. Это нарушает права детей на получение содержания от родителя, проживающего за границей.

Кроме того, на основании судебных приказов алименты взыскиваются в размере, установленном статьей 139 КоБС, в долевом соотношении к заработку и/или иному доходу родителей [22].

В приказном производстве не могут быть взысканы алименты на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме, поскольку решение этого вопроса сопряжено с необходимостью проверки наличия либо отсутствия обстоятельств, с которыми закон связывает возможность такого взыскания (статья 141 КоБС) [22].

В казахстанской судебной практике имел место кейс, когда женщина родила ребенка, не находясь в браке, мужчина ребенка признал и добровольно платил алименты. Женщина в отпуске по уходу за ребенком потребовала в судебном порядке взыскать алименты на ее содержание на период, пока ребенку не исполнится три года [129].

Суд принял решение отказать ей в исковом требовании, так как алиментные обязательства действуют, согласно КоБС именно в отношении супругов, находящихся в законном браке. В статьях 147 и 148 КоБС данные обязательства прописаны, при отказе от их выполнения нуждающийся в алиментах супруг может потребовать их выплаты в судебном порядке[22].

То есть очевидно, что право на алименты распространяется на супругов, состоящих в официальном браке, а истец в рассмотренной примере судебной практики не мог претендовать на выплату алиментов, поскольку у мужчины не было соответствующих законных обязательств.

Несмотря на относительно небольшой срок действия Гаагской Конвенции 2007 года в Казахстане, судебная практика ее применения показывает рост числа дел, связанных с признанием и исполнением решений иностранных судов о взыскании алиментов (с 3 до 11) [130].

В целом, суды Казахстана демонстрируют достаточно высокий уровень соблюдения положений Гаагской Конвенции 2007 года, включая процедурные аспекты, при рассмотрении заявлений о признании и исполнении решений иностранных судов и запросов для принятия соответствующих специальных мероприятий.

Разрешение споров, затрагивающих интересы детей, родителей и близких родственников.

До этого в работе отметили о том, что одной из основных категорий семейных споров являются споры, связанные с воспитанием детей, в частности по поводу определения места проживания ребенка, вида и порядка общения с родителем, проживающим не с ребенком, споры об истребовании ребенка, находящегося на содержании у других лиц; вопрос дальнейшего проживания ребенка при выезде его с одним из родителей за пределы страны на ПМЖ; вопросы касательно родительских прав (лишение, восстановление, ограничение); усыновительные процедуры (удочерение), а также отмена подобных действий о защите трудовых, жилищных прав несовершеннолетних и т.д.

Определение места жительства детей в семейных спорах: правовой и психологический анализ

Изучение судебной практики по вопросам определения места жительства несовершеннолетних свидетельствует о приоритетном учёте их интересов при разрешении соответствующих споров. В юридической доктрине закреплено, что судебные решения должны основываться на комплексном анализе обстоятельств, включающем мнение ребёнка, его привязанность к родителям, а также социально-психологические и материально-бытовые условия, создаваемые каждым из родителей.

Пример, где решением ювенального суда от 5 декабря 2024 года по иску А.Н.М. к Г.А.М. об определении места жительства трех несовершеннолетних детей с отцом было отказано. Суд установил, что у детей сохранилась надежная эмоциональная привязанность с матерью. Кроме того, младший ребенок сторонне принимает и не имеет привязанности к нынешней супруге истца, по мнению психолога это неблагополучно для ребенка.

В ходе психологического исследования установлена потребность младшего ребенка в чувственном ресурсе своей родной матери и разлука его с матерью противоречит его интересам. Суд учел, что малолетний ребенок не может быть разлучен с матерью. Старший ребенок при опросе утвердительно не ответил, что желает жить только с отцом, высказался, что хочет жить с обоими родителями. Средний ребенок ответил только после долгой паузы, что хочет жить с папой, но у среднего ребенка нет отвержения родной матери, он указал в исследовании что её любит, она тот человек который его жалеет. Учитывая тесную сиблинговую связь, суд пришел к выводу о невозможности разлучить детей и оставил их проживать с матерью. Суд также учел мнение органов опеки об оставлении детей с матерью.

Решение об отказе в иске принято в интересах несовершеннолетних детей, вступило в законную силу (дело №3597-24-1-3/3520) [100].

В пункте 5 Нормативного постановления «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» указано, что иски об определении места жительства детей могут рассматриваться судами неоднократно при изменении фактических обстоятельств и условий воспитания детей, если имеются правовые основания для предъявления таких исков вновь.

Так, решением П.О.В. к П.А.М. об определении места жительства ребенка с матерью [152]. Ранее состоявшимся решением Абайского районного суда от 20 октября 2023 года, место жительство ребенка уже было определено с отцом.

Суд указал в решении, что поскольку семейные отношения относятся к длящимся, иски об определении места жительства детей могут рассматриваться неоднократно при изменении обстоятельств, и пришел к выводу, что у истца имеются правовые основания для предъявления такого иска.

В ходе рассмотрения дела судом было установлено, что оба родителя не лишены и не ограниченны в законном порядке в родительских правах, не

состоят на учетах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах, имеют постоянное место жительства.

Согласно статье 72 КоБС родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами ребенка. Обеспечение интересов ребенка является предметом основной заботы его родителей [22].

В данном случае суд не нашел в действиях ответчика противоречий интересам ребенка. Истцом каких-либо доказательств, подтверждающих, что проживание ребенка с отцом противоречит его интересам, суду не представлено [99].

Анализ судебной практики по делам, связанным с определением места жительства несовершеннолетних детей при расторжении брака родителей, показывает устойчивую тенденцию: в большинстве случаев суды определяют место проживания ребенка с матерью. Однако в последние годы отмечается увеличение числа решений, в которых суд признаёт целесообразным проживание ребенка с отцом. Этот сдвиг обусловлен развитием подходов к оценке обстоятельств, влияющих на наилучшее обеспечение интересов ребенка.

Судебная практика демонстрирует, что при разрешении споров данной категории суды исходят прежде всего из принципа приоритета интересов ребенка, а не из материального или социального статуса родителей. Так, обобщение практики свидетельствует, что высокий уровень дохода, занимаемая должность или престижное положение одного из родителей в обществе не рассматриваются судами как самостоятельные и решающие основания для определения места жительства несовершеннолетнего. Напротив, приоритет отдается совокупной оценке всех юридически значимых факторов, включая эмоциональную привязанность ребенка, условия проживания, участие родителей в воспитании и мнение самого ребенка.

Примеры из практики показывают, что суды отказывали в удовлетворении требований, основанных исключительно на более высокой материальной обеспеченности одного из родителей, указывая в решении, что это обстоятельство не является ключевым при оценке того, с кем из родителей ребенку будет обеспечено стабильное и гармоничное развитие.

В соответствии с положениями статьи 12 Конвенции о правах ребенка, ратифицированной Республикой Казахстан, каждому ребенку, способному сформулировать собственное мнение, должно быть предоставлено право свободно выражать свои взгляды по всем вопросам, затрагивающим его интересы [38]. Судебные органы обязаны учитывать эти взгляды пропорционально возрасту и уровню зрелости ребенка. В этой связи в ходе судебных разбирательств нередко проводится опрос ребенка либо напрямую, либо через представителя, а также в рамках заключений уполномоченных органов.

На практике мнение ребенка фиксируется в заключениях органов опеки и попечительства, которые предварительно проводят обследование жилищно-бытовых условий обоих родителей. Дополнительно мнение несовершеннолетнего может выявляться педагогами образовательных

учреждений, в которых обучается ребенок, а также специалистами в области социальной работы и инспекторами по делам несовершеннолетних. Нередко применяется психологическое исследование, направленное на комплексную оценку эмоционального состояния ребенка и его привязанности к каждому из родителей.

Таким образом, современная судебная практика по делам об определении места жительства детей ориентирована на всесторонний, индивидуализированный подход с учётом интересов ребенка как главного критерия, в соответствии с международными стандартами защиты прав несовершеннолетних и положениями национального законодательства.

Судебная практика в делах об определении места жительства несовершеннолетних основывается на комплексном учёте правовых и психологических аспектов, обеспечивая защиту интересов детей как основополагающий принцип семейного законодательства.

Семейные споры об определении порядка общения с детьми: правовые и психологические аспекты.

При рассмотрении судебных споров, связанных с определением порядка общения с детьми, суды руководствуются принципом наилучшего обеспечения интересов ребёнка. В соответствии со статьёй 3 Конвенции о правах ребёнка, в любых действиях, затрагивающих детей, приоритет отдаётся их благополучию, вне зависимости от того, предпринимаются ли эти действия государственными органами, судами или частными лицами. Данный принцип нашёл отражение в национальном законодательстве и правоприменительной практике.

Согласно пункту 1 статьи 61 КоБС, ребёнок обладает правом на общение с обоими родителями, а также другими близкими родственниками, независимо от семейного статуса родителей. Раздельное проживание, расторжение брака или признание его недействительным не должны ущемлять права ребёнка на поддержание контакта с каждым из родителей [22].

Правоприменительная практика, основанная на Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан №15 от 29 ноября 2018 года, подчёркивает необходимость учёта множества факторов при определении порядка общения. В их числе – возраст ребёнка, его состояние здоровья, уровень привязанности к родителям, а также влияние общения на физическое и психоэмоциональное развитие несовершеннолетнего. Таким образом, установление порядка общения требует детального анализа индивидуальных особенностей каждого случая [98].

График общения, предложенный истцом, не является самостоятельным исковым требованием, а может быть представлен всеми сторонами процесса. В соответствии со статьёй 73 КоБС, суд рассматривает требования, касающиеся реализации родительских прав отдельно проживающего родителя, с учётом интересов ребёнка [22].

В конкретном рассмотренном деле суд не установил оснований, препятствующих общению отца с ребёнком. Истец не был лишён родительских прав и не ограничен в них, имеет постоянное место жительства и не состоит на

учёте в психоневрологическом и наркологическом диспансерах. Суд подчеркнул, что регулярное общение ребёнка с обоими родителями способствует его всестороннему развитию, в том числе формированию гендерной идентичности и социальных навыков.

Судебная практика показывает, что в большинстве случаев требования об определении порядка общения отдельно проживающего родителя с ребёнком подлежат удовлетворению, за исключением ситуаций, когда это может нанести вред ребёнку. При этом установленный судом порядок общения может быть пересмотрен в случае изменения обстоятельств – например, при достижении ребёнком возраста, позволяющего ему находиться с отдельно проживающим родителем без сопровождения другого родителя.

В качестве примера можно привести судебное решение от 09 марта 2025 года по иску Г. к Ш. об определении порядка общения с ребёнком Н., 2018 года рождения. При вынесении решения судом были приняты во внимание малолетний возраст ребёнка, его режим дня и необходимость постоянного ухода обусловили определение порядка общения в присутствии матери [153].

Учитывая наличие у ребёнка медицинских особенностей, а также его сильную эмоциональную привязанность к матери, суд постановил, что до улучшения состояния здоровья несовершеннолетнего порядок общения должен проходить в установленные истцом часы и при обязательном присутствии матери. Такое решение соответствует принципу защиты интересов ребёнка и учитывает его потребности в физиологическом и психологическом комфорте. Таким образом, семейные споры об определении порядка общения с детьми решаются на основе комплексного анализа правовых, медицинских и психологических факторов, с приоритетом защиты интересов несовершеннолетнего.

Обращено внимание на то, что истцом должен быть соблюден установленный законодательством для данной категории дел порядок предварительного досудебного разрешения спора, то есть в силу пункта 4 Нормативного постановления Верховного Суда «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» от 29 ноября 2018 года № 15, если близкие родственники не могут прийти к соглашению с родителями либо одним из них, то спор об определении порядка общения разрешается органом, осуществляющим функции по опеке или попечительству, а в случае несогласия с его решением - в порядке медиации или судом с участием этого органа, родителей и родственников ребенка [80].

Одним из случаев можно назвать обращение бабушки в орган опеки и попечительства с просьбой установить порядок общения с внуком. Не согласившись с решением, вынесенным органом опеки, она с соблюдением досудебного порядка обратилась в суд. В процессе судебного разбирательства стороны не смогли прийти к согласию относительно урегулирования конфликта посредством медиации. В связи с этим, дело рассматривалось с участием представителя органа опеки и попечительства, а также родителя, с которым проживает ребенок.

С учетом заключения психолога, а также принимая во внимание мнение и желания ребенка, достигшего десятилетнего возраста, суд установил график общения бабушки с внуком. Анализ выявил, что во всех изученных случаях иски данной категории были удовлетворены.

Согласно пункту 1 статьи 74 Кодекса, пункту 2 Нормативного постановления, родители вправе требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или судебного решения. В соответствии с данной нормой к подсудности ювенальных судов отнесены споры об отобрании ребенка, находящегося у других лиц, не только не на основании закона, но и не на основании судебного решения [22].

Более того, к подсудности ювенальных судов также определены споры об увеличении, освобождении размера алиментов с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств.

В ювенальном суде Карагандинской области сформировалась устойчивая практика разрешения вопросов общения родителей с детьми и определения места их проживания в процессе расторжения брака с активным участием медиаторов. Такой подход позволяет урегулировать споры во внесудебном порядке, минимизируя конфликтные ситуации между сторонами.

Таким образом суды, помимо определения места жительства и взыскания алиментов, обязаны устанавливать порядок общения ребенка с отдельно проживающим родителем. Этот порядок определяется даже при отсутствии соответствующего требования в иске.

Если после расторжения брака дети остаются у каждого из родителей, то, согласно пункту 4 статьи 141 Кодекса, менее обеспеченный из родителей имеет право на взыскание алиментов в твердой денежной сумме. Супругам разъясняется возможность обращения в суд с соответствующим иском)[22].

В соответствии с Законом Республики Казахстан № 84 от 20 декабря 2021 года [138], в статью 158 КоБС внесены изменения, которые предусматривают заключение соглашений об уплате алиментов в письменной форме. Эти соглашения могут быть оформлены:

– нотариусом – в случае стандартного соглашения об уплате алиментов;

– медиатором – при урегулировании спора или конфликта;

– адвокатами или членами палаты юридических консультантов – при использовании партисипативной процедуры.

Однако, если условия соглашения ущемляют права ребенка, суд обязан вмешаться и разрешить вопрос содержания детей, обеспечив немедленное исполнение судебного решения в части взыскания алиментов (пункт 2 статьи 22 КоБС РК)[22].

Статья 159 КоБС предусматривает применение норм Гражданского кодекса к заключению, исполнению, изменению и расторжению соглашений об уплате алиментов. Несмотря на это, в случаях, когда такие соглашения не оспариваются сторонами, возникает необходимость в более четком законодательном регулировании. Это подчеркивает потребность внесения изменений в Кодекс для устранения юридических пробелов.

Разрешение споров о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, супругов и других членов семьи

Споры, связанных с взысканием алиментов подразделяются на следующие категории:

– на содержание несовершеннолетних детей (в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу, в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме), в том числе взыскание дополнительных расходов на содержание детей;

– на нетрудоспособных совершеннолетних детей, в том числе на детей, обучающихся в системе общего среднего, технического и профессионального, послесреднего образования, в системе высшего образования по очной форме обучения в возрасте до двадцати одного года;

– с совершеннолетних детей на нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, в том числе дополнительных расходов;

– на содержание нетрудоспособного нуждающегося супруга (бывшего супруга), супруги (бывшей супруги) в период беременности и в течение трех лет со дня рождения общего ребенка, нуждающегося супруга (бывшего супруга), осуществляющего уход за общим ребенком-инвалидом;

– на содержание несовершеннолетних братьев и сестер, внуков, дедушки и бабушки, лиц, фактически воспитавших и содержавших несовершеннолетних детей; а также отчима и мачехи;

– об изменении, расторжении и признании недействительным соглашения об уплате алиментов;

– об освобождении от уплаты задолженности по алиментам или уменьшении размера задолженности;

– о взыскании неустойки и причиненных просрочкой исполнения обязанности по уплате алиментов убытков в части, не покрытой неустойкой;

– об определении размера алиментов в твердой денежной сумме или о единовременной выплате алиментов либо о предоставлении определенного имущества в счет алиментов, или об уплате алиментов иным способом в случае временного выезда или на постоянное место жительства лица, обязанного выплачивать алименты, за пределы Казахстана;

– об изменении ранее установленного судом размера алиментов и освобождении от уплаты алиментов [115].

Одним из наиболее распространенных видов семейных споров являются разногласия, связанные с исполнением алиментных обязательств. Вопросы, касающиеся взыскания алиментов, регулируются нормами семейного законодательства Республики Казахстан, в частности КоБС РК.

Согласно статье 138 КоБС РК, родители несут обязанность по содержанию своих несовершеннолетних детей. В случае уклонения от данной обязанности средства на содержание детей могут быть взысканы в судебном порядке [22].

На основании судебных приказов алименты взыскиваются в соответствии с положениями статьи 139 КоБС РК, где размер алиментов определяется в

долевом соотношении к заработку и/или иному доходу родителей [22]. Это предписание применяется в рамках приказного производства, которое представляет собой упрощенную процедуру для разрешения споров, связанных с обязательствами сторон. Однако необходимо отметить, что в приказном производстве не может быть принято решение о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей в твердой денежной сумме. Причина заключается в том, что такой подход требует более детальной проверки обстоятельств, которые могут повлиять на решение вопроса, включая оценку финансовых условий сторон, наличие или отсутствие оснований для изменения размера алиментов, что в свою очередь обусловлено нормами статьи 141 ГПК [44].

При рассмотрении дел по взысканию алиментов суды руководствуются действующим ГПК (статьи 134–143), а также разъяснениями, содержащимися в нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан «О судебном решении» от 11 июля 2003 года № 5 [154]. Эти разъяснения подчеркивают важность тщательной проверки всех обстоятельств, связанных с правомерностью и обоснованностью требований заявителей.

В соответствии с нормами статьи 136 ГПК, заявитель, обращающийся с просьбой о вынесении судебного приказа, должен указать обстоятельства, на которых основано требование, и представить перечень прилагаемых документов, которые подтверждают заявленные факты [44]. Так, в делах о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей в качестве обязательных документов необходимо представить: свидетельство о рождении ребенка, свидетельство о браке или его расторжении. В случае рождения ребенка вне брака потребуется предоставить свидетельство об установлении отцовства, что подтверждает родство лица, с которого подлежат взысканию алименты, с ребенком. Кроме того, важным элементом процесса является подтверждение факта проживания ребенка с заявителем. Это может быть отражено в дополнительных документах, таких как справка о месте жительства, а также другие доказательства, которые суд может признать достаточными для подтверждения обстоятельств, в которых находится ребенок.

В целом, правовая процедура взыскания алиментов в судебном порядке направлена на обеспечение справедливости и защите прав несовершеннолетних детей, что обосновано комплексным подходом в проверке всех факторов, касающихся доходов сторон, их семейных отношений и условий проживания ребенка.

Судебная практика подтверждает, что при отсутствии соглашения о выплате алиментов суд принимает во внимание обстоятельства проживания детей и их материальное обеспечение. Так, в случае, если дети находятся на иждивении одного из родителей, другой родитель обязан предоставлять финансовую поддержку в соответствии с нормами законодательства.

Статья 164 КоБС устанавливает, что лицо, имеющее право на получение алиментов, вправе обратиться в суд с соответствующим заявлением независимо от времени, прошедшего с момента возникновения права на алименты. Если

ранее алименты не выплачивались, суд может назначить их выплату с момента обращения [22].

Международное регулирование вопросов содержания детей закреплено в Конвенции о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 года), ратифицированной Республикой Казахстан 8 июня 1994 года. В соответствии со статьями 26 и 27 Конвенции, родители несут финансовую ответственность за содержание ребенка, что коррелирует с нормами национального законодательства [26]. Кроме того, Кодекс предусматривает возможность взыскания алиментов за прошедший период в пределах трехлетнего срока с момента обращения в суд. Однако для этого истцу необходимо доказать, что до подачи иска предпринимались меры по получению алиментов, но они не были выплачены вследствие уклонения обязанного лица. В качестве доказательств могут быть использованы письменные обращения, заказные письма, электронная переписка и иные документально подтвержденные запросы.

В свою очередь, ответчик вправе предоставить доказательства, опровергающие доводы истца и подтверждающие факт добровольной уплаты алиментов за указанный период. К примеру, в рамках рассмотрения иска К. к А. о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей, суд удовлетворил требования истца и обязал ответчика выплатить алименты в размере 1/2 части от заработка и (или) иного дохода ежемесячно, начиная с момента обращения в суд, до достижения детьми совершеннолетия [114].

Таким образом, законодательство Республики Казахстан устанавливает четкий механизм защиты прав несовершеннолетних детей и иных членов семьи, нуждающихся в материальной поддержке. Судебная практика подтверждает, что алиментные обязательства являются неотъемлемой частью родительской ответственности и обеспечиваются как на национальном, так и на международном уровнях. Кроме того, взыскание алиментов на несовершеннолетних детей по решению суда (судебному приказу) в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу плательщика алиментов не препятствует получателю алиментов при наличии предусмотренных законом оснований требовать взыскания алиментов в твердой денежной сумме и (или) одновременно в долях и в твердой денежной сумме.

Рассматривая требования истца о взыскании алиментов на содержание ребенка в твердой денежной сумме, суд исходит из следующего.

Согласно пункту 11 Нормативного постановления Верховного Суда Республик Казахстан «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов» от 29 ноября 2019 года №6 (далее – Нормативное постановление), суд вправе определить размер алиментов, взыскиваемых ежемесячно, в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме, если родитель, обязанный уплачивать алименты, имеет нерегулярный, меняющийся заработок и (или) иной доход, либо этот родитель получает заработок и (или) иной доход полностью или частично в натуре или в иностранной валюте, либо у него отсутствует заработок и (или) иной доход, а также в других случаях, когда

взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон. Высокий уровень доходов у родителя, обязанного уплачивать алименты, сам по себе не относится к установленным статьей 141 Кодекса обстоятельствам, при которых возможно взыскание алиментов в твердой денежной сумме, а не в долевом отношении к заработку. Вместе с тем, если судом будет установлено, что взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя существенно нарушает интересы одной из сторон, алименты могут быть взысканы в твердой денежной сумме. [114].

Согласно пункту 9 Нормативного постановления, в силу подпункта 24) пункта 1 статьи 1 КоБС РК под материальным положением следует понимать наличие или отсутствие заработной платы, пенсии, других доходов; их размер; наличие имущества; получение или неполучение материальной помощи от других членов семьи. При определении материального положения сторон судам следует учитывать все виды их доходов (заработная плата, доходы от предпринимательской деятельности, от использования результатов интеллектуальной деятельности, пенсии, пособия, выплаты в счет возмещения вреда здоровью и другие выплаты), а также любое принадлежащее им имущество (в том числе ценные бумаги, паи, вклады, внесенные в кредитные организации, доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью) [114].

Анализ судебной практики показывает, что при рассмотрении требований о взыскании алиментов суды исходят из необходимости соблюдения баланса интересов сторон. Например, решением суда от 14 октября 2024 года частично удовлетворен иск О. к Ж. о взыскании алиментов на содержание ребенка в твердой денежной сумме. Суд принял во внимание материальное положение ответчика и взыскал с него алименты в размере 10 месячных расчетных показателей (МРП) ежемесячно до совершеннолетия ребенка [115].

Дополнительно, судебная практика подтверждает, что взыскание алиментов в твердой денежной сумме возможно, если долевое взыскание не покрывает потребности ребенка. Закон допускает возможность взыскания алиментных платежей в твердой денежной сумме в случаях, когда взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя невозможно, затруднительно или существенно нарушает интересы одной из сторон.

По судебному приказу ответчик обязан выплачивать алименты в размере 1/4 заработка и иного дохода.

Суд полагая, что взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя существенно нарушает интересы несовершеннолетнего ребенка, поскольку сумма получаемых истцом алиментов на содержание ребенка не может обеспечить растущие потребности ребенка, учитывая уровень цен на товары и услуги, развитие несовершеннолетнего, исходя из интересов ребенка, для сохранения уровня обеспеченности, алименты взыскал в твердой денежной сумме.

Согласно пункту 10 Нормативного постановления, требование о взыскании алиментов на несовершеннолетнего ребенка подлежит удовлетворению судом независимо от трудоспособности родителей, а также нуждаемости ребенка в алиментах [114].

Суд принимает во внимание на то, что истец фактически самостоятельно несет расходы на содержание ребенка, поскольку размер получаемых алиментов не может покрыть потребности несовершеннолетнего.

В целях установления дополнительного дохода ответчика запрашиваются сведения о наличии в банках второго уровня счетов на имя ответчика, движения по ним денежных средств, сведения о наличии движимого и недвижимого имущества, информация о пересечении им государственной границы Республики Казахстан и др.

В интересах несовершеннолетнего ребенка, изучив и исследовав материалы дела в отдельности и совокупности, полагает требования истца о взыскании алиментов на содержание ребенка в твердой денежной сумме подлежащим частичному удовлетворению, поскольку ребенок должен получать надлежащее содержание для достаточного физического и психологического развития.

Суд, при этом, принимает во внимание, что у ответчика на содержании находятся ребенок от второго брака. Суд, в целях баланса интереса сторон, считает целесообразным и достаточным взыскать с ответчика в пользу истца алименты на содержание несовершеннолетнего ребенка в размере 10 (десяти) месячных расчетных показателей ежемесячно до его совершеннолетия.

Другой пример, по гражданскому делу по иску К. к Ф. о взыскании алиментов на содержание детей в твердой денежной сумме, истец обратился в суд с иском о взыскании с ответчика на содержание детей алиментов в размере 50 МРП ежемесячно до совершеннолетия. Доводы истца мотивированы тем, что алименты взысканы в размере ½ доли от заработка ответчика и составляют всего 37 000 тенге. Этих средств недостаточно для обеспечения потребностей детей. Ответчик имеет дополнительный доход, также подрабатывает частным извозом.

Судом было установлено, что ответчик трудоустроен, получает минимальную заработную плату, однако, официально подтвержденный доход не покрывал указанных ответчиком расходов на содержание ребенка. Согласно, представленным банком выпискам на текущем счете ответчика в течение года имелись поступления в размере 21 262 749 тенге [155].

Суд дал надлежащую оценку указанным доказательствам и пришел к выводу, ответчик имеет иной доход, который влияет на размер алиментных платежей ответчика. Взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя существенно нарушало интересы несовершеннолетних детей, поскольку сумма получаемых истцом алиментов на содержание трех детей в размере 37 000тенге не могла обеспечить потребности детей, учитывая уровень цен на товары и услуги, развитие детей, их возраст, поскольку дети должны получать надлежащее содержание для достаточного физического и психологического развития. Решением суда иск

удовлетворен частично, с ответчика взысканы алименты на содержание детей в твердой денежной в размере 30МРП ежемесячно, то есть на каждого ребенка по 10 МРП до его совершеннолетия (дело№3597-24-00-2/1201) [134].

Согласно пункту 10 Нормативного постановления, алиментные обязательства должны выполняться вне зависимости от трудоспособности родителей и нуждаемости ребенка. Это подтверждает концепцию безусловной материальной ответственности родителей перед детьми [99].

В судебной практике встречаются случаи, когда истец самостоятельно покрывает все расходы на содержание ребенка, а установленные алименты не соответствуют его реальным потребностям. В таких ситуациях суд может изменить формат взыскания, заменив долевые выплаты фиксированными суммами. Например, если по судебному приказу ответчик выплачивает 1/4 дохода, но этой суммы недостаточно, суд вправе пересмотреть порядок выплат. Суды также учитывают семейное положение ответчика. Например, если у плательщика есть ребенок от второго брака, суд определяет выплаты таким образом, чтобы соблюсти баланс интересов всех сторон.

Исследование правовых норм и судебной практики показывает, что защита прав ребенка является приоритетом при разрешении вопросов взыскания алиментов. Судебные органы стремятся к справедливому решению, оценивая материальное положение сторон и принимая индивидуальные решения. Взыскание алиментов в фиксированной сумме возможно при наличии объективных оснований, подтвержденных документально, что направлено на соблюдение интересов несовершеннолетнего ребенка.

Алименты на содержание нетрудоспособных совершеннолетних детей.

В отличие от дел о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, судебная практика по разрешению споров, связанных с взысканием алиментов на совершеннолетних нетрудоспособных детей, является менее развитой и требует более тщательного подхода. В соответствии с положениями статьи 143 Гражданского кодекса РК, трудоспособные родители обязаны содержать своих нетрудоспособных совершеннолетних детей, если те действительно нуждаются в помощи. При отсутствии соглашения между сторонами о размере алиментов, суд определяет этот размер в кратном отношении к месячному расчетному показателю (МРП), действующему на момент выплаты алиментов. Суд при этом учитывает материальное и семейное положение сторон, а также другие заслуживающие внимания обстоятельства.

К категории нетрудоспособных лиц, имеющих право на алименты, суды относят совершеннолетних детей, признанных инвалидами в установленном порядке. Согласно Социального кодекса Республики Казахстан № 224-VII от 20 апреля 2023 г., нетрудоспособными членами семьи считаются дети, не достигшие восемнадцати лет, а также дети старше этого возраста, если они стали инвалидами до достижения указанного возраста. Важно отметить, что такой статус распространяется и на усыновленных, а также на пасынков и падчериц [156].

Обобщение судебной практики показало, что при определении нуждаемости в получении алиментов суды исходят из того, что наличие у совершеннолетнего нетрудоспособного ребенка пенсии, стипендии или иных социальных пособий, а также наличие имущества, не исключает его право на получение содержания от родителей, если эти средства недостаточны для удовлетворения его жизненно необходимых потребностей. Важным является то, что нуждаемость ребенка определяется судом в каждом конкретном случае, с учетом множества факторов, таких как его возраст, состояние здоровья, а также специфические потребности, связанные с лечением, питанием, оплатой жилья и коммунальных услуг.

Суды детально изучают материальное положение ребенка, в том числе учитывают пенсию и другие виды государственной социальной помощи, которые могут поступать на его содержание. Также суды исследуют финансовое положение родителей и их способность оказывать материальную поддержку, принимая во внимание различные обстоятельства, такие как инвалидность родителей, необходимость дополнительного ухода или лечения совершеннолетнего ребенка.

В качестве примера можно привести решение суда № 2 города Уральска по делу, возбужденному А. к своему отцу Д. с иском о взыскании алиментов в твердой денежной сумме. Судом было принято решение о взыскании алиментов в размере 4-кратного МРП, действующего на момент выплаты алиментов, с учетом состояния здоровья истца, его инвалидности II группы и наличия необходимости в дорогостоящем лечении. Несмотря на получаемое государственное социальное пособие и стипендию, суммы которых не хватало на покрытие расходов на лечение, суд признал требование частично обоснованным и удовлетворил его в соответствии с принципами разумности и справедливости. Суд также учел материальное положение ответчика, который, несмотря на относительно низкий доход, был обязан обеспечить помощь своему нетрудоспособному ребенку [115].

Примечательно, что в данном случае истец обжаловал решение, ссылаясь на недостаточность взысканной суммы и утверждая, что ответчик скрывает свои доходы. Однако апелляционная инстанция оставила решение без изменений, что демонстрирует важность комплексного подхода к решению вопросов, связанных с алиментами на совершеннолетних нетрудоспособных детей, с учетом множества обстоятельств, включая здоровье сторон, их финансовое положение и жизненные потребности ребенка.

Алименты на содержание совершеннолетних детей, обучающихся по очной форме в возрасте до двадцати одного года

Согласно пункту 2 статьи 138 и пунктам 2, 3 статьи 141 ГПК РК, взыскание алиментов на содержание совершеннолетних детей, обучающихся в системе общего среднего, технического и профессионального образования, а также в системе высшего образования по очной форме обучения в возрасте до 21 года, при отсутствии соглашения об уплате алиментов, осуществляется в судебном порядке[44]. Важно, что размер алиментов, взыскиваемых в твердой денежной

сумме, определяется судом на основании размера месячного расчетного показателя (МРП), с учетом необходимости сохранения ребенку прежнего уровня обеспечения. При этом суд учитывает материальное и семейное положение сторон, а также другие заслуживающие внимания обстоятельства [99].

Тем не менее, аналогично делам о взыскании алиментов на нетрудоспособных совершеннолетних детей, судебная практика демонстрирует, что суды не всегда привлекают второго родителя в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований на предмет спора. При этом следует отметить, что родители несут равные обязанности в отношении содержания своих нуждающихся в помощи совершеннолетних детей.

Судебная практика показывает, что в большинстве случаев суды правильно определяют размер алиментов в твердой денежной сумме, исходя из суммы, необходимой для обучения и содержания совершеннолетнего ребенка. При этом суды принимают во внимание материальное положение лица, обязанного оплачивать алименты, его семейное положение, а также положение другого родителя, с которым проживает совершеннолетний ребенок.

При определении размера алиментов, взыскиваемых в твердой денежной сумме, суды, как правило, исходят из размера МРП и устанавливают взыскание алиментов на период обучения ребенка до его достижения 21 года. Размер алиментов обычно указывается в кратном отношении к МРП, и выплата производится ежемесячно.

Однако в некоторых случаях наблюдается вынесение решения о взыскании алиментов в виде единовременного ежегодного платежа, что, по мнению практиков, является ошибочным. Примером этого может служить решение районного суда № 2 Алмалинского района города Алматы от 13 декабря 2018 года, где в пользу совершеннолетней дочери Б. были взысканы алименты на сумму 216 000 тенге за 2018 год обучения, а также по 240 000 тенге за каждый последующий год обучения до 19 сентября 2021 года. В данном случае алименты были взысканы не в виде ежемесячных выплат, как это предусмотрено законодательством, а в виде единовременных ежегодных сумм. Это решение, по мнению специалистов, является неправильным, поскольку алименты должны выплачиваться ежемесячно [115].

Кроме того, судебная практика сталкивается с ситуацией, когда в интересах детей, достигших совершеннолетия, подаются иски одним из родителей. Однако в силу статьи 17 Гражданского кодекса Республики Казахстан, с достижением совершеннолетия у детей возникает гражданская дееспособность, что исключает необходимость подачи исков родителями в их интересах [157]. В подтверждение этому, примером является решение Мактааральского районного суда № 2 Южно-Казахстанской области, который удовлетворил иск К. о взыскании алиментов на содержание совершеннолетнего сына в период его обучения в высшем учебном заведении. В таких случаях следует учитывать, что заявления, поданные родителями в интересах совершеннолетних детей, подлежат возврату в соответствии с подпунктом 5) части первой статьи 152

ГПК, а если производство по делу уже начато, суд оставляет заявление без рассмотрения на основании подпункта 3) статьи 279 ГПК [44].

Взыскание дополнительных расходов на содержание несовершеннолетних детей или нетрудоспособных совершеннолетних нуждающихся в помощи детей

В соответствии с положениями статьи 144 Кодекса, если соглашение между родителями об уплате алиментов отсутствует, а также в случаях наличия исключительных обстоятельств (например, тяжелая болезнь, увечья несовершеннолетних детей или нетрудоспособных совершеннолетних детей, нуждающихся в помощи, необходимость оплаты постороннего ухода и прочие обстоятельства), суд может обязать каждого из родителей нести дополнительные расходы, связанные с этими обстоятельствами.

Когда порядок участия родителей в несении дополнительных расходов не был согласован ими, суд определяет эти расходы, исходя из материального положения сторон, наличия других детей и иных значимых факторов. Размер этих расходов определяется в кратном отношении к месячному расчетному показателю (МРП) на момент осуществления алиментных выплат, которые подлежат уплате ежемесячно.

Кроме того, суд имеет право обязать родителей участвовать как в уже понесенных дополнительных расходах, так и в расходах, которые необходимо будет произвести в будущем для содержания детей.

Пример судебной практики: Р. подала иск против Н. о взыскании дополнительных расходов на лечение ребенка, страдающего тяжелым заболеванием и нуждающегося в постоянной медицинской помощи, а также об установлении дополнительных алиментов в размере 56 000 тенге ежемесячно для покрытия расходов на лечение в будущем. Суд города Актобе 27 сентября 2017 года удовлетворил иск частично, взыскал с ответчика понесенные истцом дополнительные расходы в сумме 73 742 тенге. Суд установил, что расходы были произведены на лечение и обеспечение специальной медицинской помощи ребенку, что являлось исключительными обстоятельствами. Однако, в части требования о взыскании ежемесячных алиментов в размере 56 000 тенге на будущие расходы суд отказал, разъяснив, что истец может обращаться за платными медицинскими услугами в интересах ребенка, согласовав это с ответчиком для последующей оплаты расходов в равных долях. В случае возникновения спора этот вопрос подлежит разрешению в судебном порядке [115].

В то же время, существуют случаи, когда взыскание дополнительных расходов происходит в отсутствие законных исключительных обстоятельств. Примером может служить решение Костанайского городского суда от 15 мая 2018 года, когда был частично удовлетворен иск Б. к Е. о взыскании дополнительных расходов в размере 25 МРП ежемесячно на содержание несовершеннолетних детей. Суд мотивировал это тем, что размер алиментов (1/3 заработка и иных доходов ответчика) оказался недостаточным для обеспечения полноценного содержания детей. Однако суд неверно применил

положения статьи 144 Кодекса, поскольку недостаточность алиментов для содержания детей не является исключительным обстоятельством. В данном случае следовало бы обратиться с иском об увеличении размера алиментов, а не о взыскании дополнительных расходов, которые могут быть наложены только в случае наличия исключительных обстоятельств [115].

Таким образом, приведенный пример демонстрирует необходимость правильного толкования положений Кодекса и соблюдения юридических норм при принятии решений по делам, связанным с взысканием алиментов и дополнительных расходов.

Алименты на содержание супругов и бывших супругов

В соответствии с пунктом 3 статьи 2 Кодекса, брак (супружество) признается только в случае его регистрации государственными органами. Брак, заключенный только по религиозным обрядам и церемониям, не имеет юридической силы и не порождает правовых последствий, аналогичных зарегистрированному в государственных органах браку. Фактическое сожительство, независимо от того, является ли оно между мужчинами и женщинами или лицами одного пола, также не признается браком и не влечет правовых последствий, связанных с правами супругов.

Круг лиц, имеющих право требовать алименты в судебном порядке от супруга или бывшего супруга, обладающего соответствующими средствами, определяется пунктом 2 статьи 147 и пунктом 1 статьи 148 Кодекса. Применяя эти нормы, суды устанавливают, кто из супругов может требовать алиментов в зависимости от условий их материального положения и иных обстоятельств.

Понятие «нетрудоспособности», которое используется в Кодексе для определения условий возникновения алиментных обязательств, в свою очередь, уточняется через законодательство о социальном обеспечении. Согласно этому законодательству, нетрудоспособными признаются инвалиды, а также лица, достигшие пенсионного возраста, в соответствии с правилами о пенсионном обеспечении.

При принятии решения о взыскании алиментов на содержание супруга суды всегда учитывают семейное и материальное положение сторон, а также другие значимые обстоятельства.

Пример судебной практики: 4 апреля 2018 года Атырауским городским судом было вынесено решение о частичном удовлетворении иска Т. против К. В результате, с ответчика К. были взысканы алименты на содержание супруги в размере 10 МРП ежемесячно с момента подачи иска до достижения ребенком трехлетнего возраста. Суд установил, что стороны находятся в браке, имеют троих несовершеннолетних детей, а истец находится в отпуске по уходу за младшим ребенком. Размер алиментов был определен с учетом материального положения сторон и ранее взысканных алиментов на содержание детей [115].

Однако в некоторых случаях суды, ошибочно полагая, что общий размер алиментов не должен превышать половины заработка ответчика, отказываются в удовлетворении иска о взыскании алиментов на содержание супруги. Примером такого случая является решение Бостандыкского районного суда

города Алматы от 15 марта 2018 года, в котором было отказано в иске А. против К. о взыскании алиментов на содержание супруги на период беременности и до достижения ребенком трехлетнего возраста. Суд сослался на статью 95 Закона об исполнительном производстве, часть 3 статьи 115 Трудового кодекса, статью 139 Кодекса, утверждая, что общий размер алиментов не должен превышать половины заработка ответчика [114].

Такой подход нарушает положения брачно-семейного законодательства и права супруги, предусмотренные статьей 147 Кодекса. Важно отметить, что наличие решения суда, по которому с должника уже взысканы алименты на содержание детей или других лиц в размере половины заработка, не может являться основанием для отказа в иске о взыскании алиментов на содержание супруги. При возникновении задолженности по алиментным платежам она может быть погашена за счет имущества должника.

Кроме того, судебная практика показывает, что некоторые суды рассматривают иски о взыскании алиментов на содержание супруги в период беременности, несмотря на то, что срок беременности не позволяет еще учитывать возраст ребенка. Так, Бурлинский районный суд Западно-Казахстанской области 13 февраля 2018 года вынес решение о взыскании алиментов с ответчика П. на содержание супруги С. в размере 15 МРП ежемесячно, начиная с 12 недели беременности и на протяжении трех лет с момента рождения ребенка. Суд также взыскал алименты на период беременности и после рождения ребенка до достижения им трехлетнего возраста [115].

Однако, такой подход вызывает вопросы с точки зрения процессуального законодательства, поскольку решения, касающиеся алиментов на период до достижения ребенком трех лет, должны обязательно содержать информацию о дате рождения ребенка. Учитывая, что закон не связывает право супруги на получение алиментов от другого супруга в период беременности с ее нуждаемостью, такие дела требуют внимательного рассмотрения. Суд должен корректно разграничить алименты на период беременности и после рождения ребенка, при этом учитывая, что наличие дохода у истца в период беременности или в течение трех лет со дня рождения ребенка может быть учтено при определении размера алиментов.

Таким образом, обобщение судебной практики показывает необходимость внимательного подхода к применению норм семейного законодательства, а также точного следования процессуальным требованиям при принятии решений по алиментным делам.

О взыскании алиментов на содержание супруги

Практика рассмотрения подобных исков показывает, что значительное количество споров разрешается на стадии досудебного урегулирования в рамках примирительных процедур. Однако, в отдельных случаях судебное разбирательство становится необходимым.

Практика показывает, что на примирительной беседе наибольшее количество споров о взыскании алиментов на содержание супруги заканчиваются примирением, за исключением отдельных случаев.

Так, решением суда от 04 июля 2024 года иск Ш. к Б. о взыскании алиментов на содержание супруги до достижения ребенком трехлетнего возраста был удовлетворен. Суд взыскал с Б. в пользу Ш. алименты в размере 15 месячных расчетных показателей (МРП). При вынесении решения суд учел, что супруги от зарегистрированного брака имеют малолетнего ребенка М., принято во внимание материальное положение ответчика и наличие судебного акта по взысканию алиментов на содержание ребенка М.[115].

Согласно статьи 149 КоБС РК при отсутствии соглашения между супругами (бывшими супругами) об уплате алиментов размер алиментов, взыскиваемых на супруга (бывшего супруга) в судебном порядке, определяется судом исходя из материального и семейного положения супругов (бывших супругов) и других заслуживающих внимания интересов сторон в кратном отношении к месячному расчетному показателю, действующему на момент выплаты алиментов [22].

Таким образом, законодательство Республики Казахстан предоставляет механизм защиты прав нуждающихся супругов, при этом обеспечивая баланс интересов сторон. При рассмотрении исков о взыскании алиментов на содержание супруги суды применяют индивидуальный подход, учитывая не только формальные критерии, но и конкретные жизненные обстоятельства участников спора.

Взыскание алиментов на содержание супруги является важным инструментом обеспечения социальной и экономической стабильности семьи. Судебная практика свидетельствует о том, что такие требования удовлетворяются при наличии доказанных оснований и соблюдении баланса интересов сторон. Законодательство Республики Казахстан, устанавливая нормы о взаимных алиментных обязательствах супругов, обеспечивает защиту социально уязвимых категорий граждан, что соответствует международным стандартам семейного права.

О взыскании неустойки по алиментам

Иски о взыскании неустойки в связи с несвоевременной уплатой алиментов подаются получателями алиментов и должны отвечать требованиям статьи 148 ГПК [44]. В них, в частности, делается ссылка на судебный акт, на основании которого взысканы алименты, указывается размер взысканных алиментов, также делается ссылка на постановление судебного исполнителя об определении задолженности по алиментам, в иске приводится или к иску прилагается расчет неустойки по алиментам.

В соответствии с пунктом 2 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 года №6 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов» в соответствии с частью четвертой статьи 30 ГПК иски о взыскании алиментов могут быть предъявлены истцом по месту своего жительства. Поскольку иски о

взыскании неустойки в связи с несвоевременной уплатой алиментов вытекают из прав взыскателя на получение алиментов, такие иски могут быть предъявлены по выбору истца либо по месту своего жительства, либо по месту жительства ответчика [98]. Пунктом 32 указанного нормативного постановления разъяснено, что при рассмотрении дел указанной категории необходимо выяснять, по какой причине лицо, обязанное уплачивать алименты, их не платит, какие меры предприняты судебными исполнителями для исполнения судебного акта, имеет ли место уклонение лица, обязанного уплачивать алименты, от их уплаты [98].

Вина должника в образовании задолженности по алиментам является обязательным условием для взыскания с него неустойки и убытков.

Такая ответственность не может быть возложена на плательщика, если задолженность по алиментам образовалась по вине других лиц, в частности, в связи с несвоевременной выплатой заработной платы, задержкой или неправильным перечислением алиментных сумм и т.п.

При исчислении неустойки необходимо учитывать, что обязанность по уплате алиментов носит ежемесячный характер и, следовательно, неустойку за

степень нуждаемости истца в помощи, дополнительном питании, лечении, выяснить мнение ответчика по поводу алиментных обязательств других членов семьи, к которым требование о взыскании алиментов не предъявлено, сопоставить материальное положение сторон, и исходя из этого определить размер алиментов на содержание нетрудоспособного родителя.

На практике имеют место случаи, когда суды необоснованно отказывают в иске нетрудоспособных родителей о взыскании алиментов с их детей, ошибочно полагая, что ответчики также являются нетрудоспособными.

Имеет место вынесение решения об удовлетворении исков на содержание родителей при отсутствии данных об их нетрудоспособности и нуждаемости.

Пример: 22 января 2018 года Бостандыкским районным судом города Алматы вынесено решение о взыскании алиментов с К. на содержание матери Ч. Установлено, что истец, 1969 года рождения, не является пенсионером по возрасту, не признана инвалидом, имеет несовершеннолетнего ребенка в возрасте 11 лет, состоит в браке, имеет трудоспособного супруга. Однако в иске указала, что в связи с болезнью нуждается в материальной помощи. Ответчик признал иск и суд взыскал с К. алименты в размере 50 МРП ежемесячно.

Практика показывает, что такие иски инициируются родителями должников по другим обязательствам, в частности, алиментам на несовершеннолетних детей, с целью дальнейшего обращения в суд с исками о снижении размера алиментов на содержание несовершеннолетних детей.

При аналогичных обстоятельствах, когда ответчик также признал иск, пояснив, что увлекается азартными играми и согласен оплачивать матери алименты, суд отказал в иске, указав, что нетрудоспособными являются лица, достигшие установленного законом пенсионного возраста, либо признанные инвалидами. Однако истец трудоспособен, не достиг пенсионного возраста, каких-либо документов об инвалидности не предоставил. Кроме того, поскольку ответчик согласен выплачивать алименты, то суд указал о праве сторон заключить соглашение добровольно.

Согласно пункту 5 статьи 145 Кодекса дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию своих нетрудоспособных, нуждающихся в помощи родителей, если судом будет установлено, что родители ранее уклонялись от выполнения обязанностей родителей в отношении этих детей [22].

Пример: 19 марта 2018 года Айыртауским районным судом Северо-Казахстанской области вынесено решение об отказе в иске Г. о взыскании алиментов с совершеннолетних детей И. и В. Суд указал, что истец, будучи родителем ответчиков, уклонялся от уплаты алиментов на их содержание как несовершеннолетних детей, что им признано в суде, поэтому он не вправе требовать содержания от своих, достигших совершеннолетия, детей [100].

Анализ судебной практики показал, что передача дел, подсудных одному региону специализированному суду другого региона противоречит принципу наилучшего обеспечения интересов ребенка (ст. 3 Конвенции ООН о правах ребёнка). Также согласно разъяснений Верховного Суда РК по спорам о

расторжении брака и определении места жительства детей запрещено направление дел по правилам экстерриториальной подсудности.

В связи с этим считаем необходимым внести изменения в третий абзац пункта 3 статьи 27 ГПК РК изложить в следующей редакции: «Гражданские дела по спорам, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних, за исключением дел, подсудных районным (городским) судам, находящимся в пределах городов республиканского значения и столицы, областных центров, не передаются по правилам экстерриториальной подсудности».

Заключение

Проведённое диссертационное исследование было направлено на комплексное осмысление современных правовых моделей разрешения семейных споров в Республике Казахстан в условиях трансформации семейных отношений, усложнения социальной структуры семьи и изменения роли государства в регулировании внутрисемейных конфликтов. Семейные споры, затрагивающие не только имущественные, но прежде всего личные неимущественные права, интересы детей, вопросы родительства, опеки и ответственности, выступают одной из наиболее чувствительных и социально значимых категорий правовых конфликтов, требующих особого подхода как на нормативном, так и на институциональном уровне.

Анализ теоретических подходов, законодательства Республики Казахстан, правоприменительной практики, а также зарубежного опыта показал, что современная система разрешения семейных споров в Казахстане находится в стадии становления и фрагментарного реформирования. Несмотря на формальное наличие как судебных, так и внесудебных механизмов урегулирования семейных конфликтов, действующая модель в целом сохраняет признаки классической адверсариальной парадигмы, ориентированной преимущественно на формально-юридическое разрешение спора, а не на восстановление нарушенных семейных связей, защиту уязвимых субъектов и достижение устойчивого, социально приемлемого результата.

В результате проведённого историко-правового анализа установлено, что эволюция механизмов разрешения семейных споров в казахстанской правовой традиции характеризуется устойчивым сочетанием юрисдикционных и примирительных начал. Трансформация семейно-брачного регулирования сопровождалась переходом от обычных и религиозных регуляторов к кодифицированному светскому праву при одновременном сохранении восстановительных практик, ориентированных на согласие сторон и социальную гармонию. Институт суда биев выступает историческим прообразом интегративной модели разрешения семейных конфликтов, сочетающей элементы правосудия и медиации.

Проведённый теоретико-правовой анализ позволил обосновать, что семейный конфликт представляет собой самостоятельный социально-правовой феномен, обладающий сложной, многослойной и междисциплинарной природой. В отличие от семейного спора, возникающего в рамках формализованных правовых процедур, семейный конфликт формируется в эмоционально-психологической и социокультурной плоскостях и отражает системный кризис внутрисемейных отношений. Трансформация конфликта в правовой спор свидетельствует о неспособности семьи самостоятельно восстановить баланс интересов.

В ходе исследования было установлено, что семейный спор по своей природе существенно отличается от иных видов частноправовых конфликтов. Он характеризуется повышенной эмоциональной напряжённостью,

длительностью последствий, асимметрией процессуальных возможностей сторон, а также вовлечённостью третьих лиц, прежде всего детей. Данные особенности объективно обусловливают необходимость формирования специальных правовых моделей разрешения семейных споров, основанных на принципах приоритета интересов ребёнка, баланса частных и публичных интересов, конфиденциальности, гибкости процедур и междисциплинарного подхода.

На основе сравнительно-правового анализа установлено, что в мировой практике сформировались пять устойчивых моделей разрешения семейных споров: судебная, медиационная, интегративная (гибридная), административная и модель специализированных семейных судов. Каждая из них обладает собственной концептуальной архитектурой, набором принципов и инструментов, а наиболее эффективные системы характеризуются интеграцией судебных процедур с восстановительными и междисциплинарными механизмами.

Установлено, что действующая система разрешения семейных споров в Республике Казахстан сохраняет доминирование классической адверсариальной судебной модели, ориентированной преимущественно на формально-юридическое разрешение спора. Судебное разбирательство обеспечивает юридическую определённость и защиту нарушенных прав, однако по своей природе носит ретроспективный характер, фиксирует уже сложившийся конфликт и не устраняет его глубинных причин, что особенно проявляется в делах о расторжении брака, разделе имущества и определении места жительства ребёнка

Исследование показало, что в национальной правовой системе до настоящего времени отсутствует целостная концепция разрешения семейных споров, объединяющая судебные и внесудебные механизмы в единую, согласованную систему. Нормы семейного, гражданского, гражданского процессуального и административного процессуального законодательства зачастую функционируют разрозненно, что приводит к дублированию процедур, формализму, затягиванию рассмотрения дел и снижению доверия граждан к правовым институтам. При этом потенциал альтернативных способов разрешения семейных споров, в частности семейной медиации и иных примирительных процедур, реализуется не в полной мере и носит эпизодический характер.

Обобщение судебной практики Республики Казахстан показало, что причины семейного конфликта, эмоциональное состояние сторон и возможности восстановительного разрешения спора, как правило, остаются за пределами судебного рассмотрения. Это объективно ограничивает потенциал суда как единственного механизма разрешения семейных споров и обусловливает необходимость институционального дополнения судебной модели альтернативными и смешанными формами урегулирования

Особое внимание в диссертации было уделено анализу институциональных моделей разрешения семейных споров, включая деятельность судов, органов

опеки и попечительства, нотариата, медиаторов и иных профессиональных участников. Установлено, что отсутствие устойчивых механизмов межинституционального взаимодействия, единых стандартов участия специалистов немедицинского и неюридического профиля, а также недостаточная подготовка кадров существенно ограничивают эффективность действующей системы и препятствуют формированию клиентоориентированного, восстановительного подхода к разрешению семейных конфликтов.

Вместе с тем результаты исследования подтверждают, что в Республике Казахстан уже сформированы предпосылки для перехода к новой, интегрированной модели разрешения семейных споров, сочетающей судебную защиту с развитыми внесудебными и квазисудебными механизмами. Законодательное закрепление примирительных процедур, развитие института медиации, расширение процессуальных возможностей судов по применению гибких форм урегулирования споров, а также актуализация международных стандартов защиты прав ребёнка создают основу для дальнейшего реформирования данной сферы.

Обосновано, что медиационная модель разрешения семейных споров, основанная на принципах добровольности, конфиденциальности и автономии воли сторон, обладает значительным потенциалом снижения конфликтности и защиты интересов ребёнка. Однако в Республике Казахстан данный потенциал реализуется фрагментарно, что связано с отсутствием обязательной досудебной медиации по ключевым категориям дел, недостаточной интеграцией медиаторов в судебный процесс и низкой правовой культурой населения.

Выявлено, что применение экстерриториальной подсудности к семейно-правовым спорам противоречит принципу приоритета интересов ребёнка (ст. 3 Конвенции ООН о правах ребёнка), поскольку такие дела требуют проведения обследований жилищных условий, психологических исследований, учёта мнения ребёнка и участия органов опеки по месту жительства семьи. Согласно разъяснений Верховного Суда РК по спорам о расторжении брака и определении места жительства детей запрещено направление дел по правилам экстерриториальной подсудности. Также по аналогии иные споры, связанные с воспитанием и содержанием детей, определении места жительства и порядка общения, усыновления, не должны направляться по экстерриториальной подсудности, поскольку указанная категория дел подлежит рассмотрению в офлайн формате. В связи с этим предлагается исключить семейно-правовые споры, затрагивающим права и законные интересы несовершеннолетних, из категории дел, передаваемых по правилам экстерриториальной подсудности.

Установлено, что органы опеки и попечительства в действующей системе разрешения семейных споров выполняют преимущественно контрольно-административную функцию и не интегрированы в единую восстановительную модель. Отсутствие стандартизированных алгоритмов их участия, процессуальной определённости и межведомственного взаимодействия снижает эффективность защиты прав и законных интересов ребёнка.

Проведённый анализ показал, что нотариальный процесс обладает значительным превентивным потенциалом в сфере семейных споров (брачные договоры, соглашения о детях, алиментные соглашения), однако в настоящее время используется преимущественно как формально-правовой инструмент. Интеграция нотариата в систему раннего урегулирования семейных конфликтов требует расширения его роли в сопровождении соглашений и взаимодействии с медиаторами и органами опеки.

Таким образом, обобщение полученных теоретических и практических результатов позволяет сделать вывод о необходимости переосмысления подходов к разрешению семейных споров как особой категории правовых конфликтов и формирования современной правовой модели, ориентированной не только на разрешение спора как такового, но и на восстановление нарушенных семейных отношений, профилактику повторных конфликтов и укрепление социально значимых ценностей семьи.

Обосновано, что действующая система разрешения семейных споров в Республике Казахстан носит фрагментарный характер и не образует целостной концептуальной модели. Несмотря на наличие как судебных, так и внесудебных механизмов, в правоприменительной практике сохраняется доминирование классически-адверсариального подхода, ориентированного преимущественно на вынесение судебного решения, а не на восстановление нарушенных семейных отношений и достижение устойчивого согласованного результата.

Доказано, что нормы семейного, гражданского и процессуального законодательства Республики Казахстан, регулирующие порядок разрешения семейных споров, характеризуются недостаточной согласованностью и межотраслевой интеграцией. Отсутствие единых принципов и алгоритмов применения примирительных и восстановительных процедур приводит к формализму, дублированию функций государственных органов и снижению эффективности защиты прав участников семейных правоотношений.

Выявлено, что судебная форма разрешения семейных споров, обладая высокой степенью правовой определённости и гарантированности, не в полной мере учитывает психологическую, коммуникативную и восстановительную составляющие семейных конфликтов. В результате судебное решение нередко завершает процессуальный спор, но не устраняет сам конфликт, что способствует его трансформации в повторные или латентные формы.

Обосновано, что альтернативные способы разрешения семейных споров, прежде всего семейная медиация, обладают значительным, но недооценённым потенциалом в национальной правовой системе. Их применение позволяет учитывать реальные интересы сторон, снижать конфликтность, обеспечивать добровольность исполнения договорённостей и минимизировать негативные последствия семейных конфликтов для детей, однако в настоящее время данные механизмы используются ограниченно и несистемно.

Установлено, что отсутствие специализированной институциональной среды (семейных судов, центров семейного примирения, междисциплинарных команд) существенно снижает эффективность разрешения семейных споров.

Функциональная разобщённость судов, органов опеки и попечительства, медиаторов, нотариата и иных субъектов не позволяет реализовать комплексный подход, необходимый для данной категории дел.

Доказано, что современная правовая модель разрешения семейных споров должна носить интегрированный характер и сочетать судебные, внесудебные и квазисудебные механизмы на основе единых принципов: приоритета интересов ребёнка, баланса частных и публичных интересов, конфиденциальности, добровольности, пропорциональности вмешательства государства и ориентации на восстановление семейных связей.

Сформулировано, что эффективное разрешение семейных споров невозможно без внедрения междисциплинарного подхода, предполагающего участие специалистов не только юридического, но и психологического, социального профиля. При этом такое участие должно иметь чёткое правовое регулирование, процессуальные рамки и профессиональные стандарты, исключающие подмену правового разрешения спора психологическим консультированием.

Обоснована целесообразность институционального развития семейной медиации как самостоятельного направления, адаптированного к особенностям семейных конфликтов, а также расширения её применения на досудебной и судебной стадиях. Семейная медиация должна рассматриваться не как факультативный элемент, а как системный инструмент профилактики и урегулирования семейных споров.

Доказано, что дальнейшее развитие правовых моделей разрешения семейных споров в Республике Казахстан требует нормативного закрепления специальных процедур и процессуальных механизмов, учитывающих специфику семейных правоотношений, включая дифференциацию споров по степени конфликтности, наличию насилия, интересам детей и иным существенным критериям.

Установлено, что имплементация международных стандартов защиты прав ребёнка и семьи должна осуществляться не формально, а через адаптацию национальных правовых институтов, процедур и практик разрешения семейных споров. Это предполагает отказ от универсального процессуального подхода и переход к гибким, клиентоориентированным моделям правового реагирования.

Сделан общий вывод, что формирование современной правовой модели разрешения семейных споров в Республике Казахстан возможно только при условии комплексного реформирования законодательства, судебной практики и институциональной структуры, направленного на переход от преимущественно конфликтно-репрессивной модели к восстановительной, профилактической и социально ориентированной системе защиты семейных прав и интересов.

Результаты исследования подтверждают необходимость перехода от разрозненных механизмов к интегрированной правовой модели разрешения семейных споров, основанной на сочетании судебной защиты, обязательных или стимулируемых примирительных процедур и профилактических мер. Такая

модель ориентирована на достижение устойчивого правового и социального результата, а не только на формальное завершение дела.

Формирование современной правовой модели разрешения семейных споров в Республике Казахстан предполагает реформирование законодательства, институциональной структуры и правоприменительной практики, включая разработку специализированных процессуальных механизмов, повышение квалификации профессиональных участников и внедрение единых стандартов разрешения семейных конфликтов.

Реализация предложенной в диссертации концепции современной правовой модели разрешения семейных споров позволит повысить эффективность защиты прав и законных интересов участников семейных правоотношений, снизить конфликтность семейных процессов, укрепить социальную функцию семьи и обеспечить соответствие национальной правовой системы международным стандартам защиты прав человека и ребёнка.

Список использованных источников

1 Конституция Республики Казахстан : принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K950001000_ (дата обращения: 20.12.2025).

2 Конституция Республики Казахстан от 12 февраля 2026 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=35502996&pos=6;134 (дата обращения: 18.03.2026).

3 Концепция семейной и гендерной политики до 2030 года // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U1600000384 (дата обращения: 09.12.2025).

4 Стратегия «Казахстан-2050» : новый политический курс состоявшегося государства : послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана, Астана, 14 декабря 2012 г. // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1200002050_ (дата обращения: 12.04.2025).

5 Джандарбек Б.А. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в Республике Казахстан : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Б.А. Джандарбек. – Алматы : Казахский гуманитарно-юридический университет, 2010. – 142 с.

6 Муканова М.Ж. Брачный договор как способ регулирования отношений супругов : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.Ж. Муканова. – Алматы, 2003. – ___ с.

7 Каипбергенова Ж.С. Правовое регулирование брачно-семейных отношений с иностранным элементом : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ж.С. Каипбергенова. – Алматы : Восточно-Казахстанский университет им. С. Аманжолова, 2009. – 28 с.

8 Раззак Н. Концептуальные проблемы правового положения несовершеннолетних в Республике Казахстан : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Н. Раззак. – Бишкек : Кыргызская государственная юридическая академия при Правительстве Кыргызской Республики, 2015. – 28 с.

9 Акимжанова М.Т. Права ребенка по семейному законодательству Республики Казахстан и зарубежных стран (на примере Республики Болгария) : дис. PhD : 6D030100 / М.Т. Акимжанова. – Караганда : Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова, 2019. – 139 с.

10 Шайменова А.Б. Альтернативные способы разрешения гражданско-правовых споров в Республике Казахстан : теория и практика : дис. PhD : 6D030100 / А.Б. Шайменова. – Караганда, 2021. – 157 с.

11 Муканова М.Ж. Развитие семейного права Республики Казахстан в современных условиях / М.Ж. Муканова // Вестник Карагандинского университета. Серия «Право». – 2010. – № 3 (59). – С. 151–156.

12 Оспанова Д.К. Суды по делам несовершеннолетних и семьи : зарубежный опыт и казахстанская практика : дис. PhD : 8D04251 / Д.К. Оспанова. – Алматы : Каспийский общественный университет, 2025. – 156 с.

13 Законы Хаммурапи / пер. с аккад., коммент. В.К. Афанасьевой // Памятники права Древнего Востока. – М. : Наука, 1984. – С. 85–115.

14 Законы Ману / пер. с санскр., вступ. ст. и коммент. А.Я. Сыркина. – М. : Наука, 1992. – 352 с.

15 Хвостов В.М. Система римского права : конспект лекций / В.М. Хвостов. – 3-е изд. – М. : Тип. Вильде, 1907. – 204 с.

16 Зиманов С.З. Проблемы казахского обычного права : материалы конф. / отв. ред. С.З. Зиманов. – Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. – 140 с.

17 Варенникова С.П. Казахское обычное право и судопроизводство биев / С.П. Варенникова // Lex russica. – 2016. – № 8. – С. 168–177. – Режим доступа: https://doi.org/10.17803/1729-5920 (дата обращения: 20.03.2026).

18 Зиманов С.З. Казахский суд биев – уникальная судебная система / С.З. Зиманов. – Алматы : Атамура, 2008. – 223 с.

19 Ахметова Н.С., Кожахметов Г.З. Ереже – положение съезда биев // Сборник правовых памятников и документов по истории обычного права казахов. – Караганда : Болашак-Баспа, 1997. – 123 с.

20 Ахметова Н.С., Турлаев А.В. Исследование суда биев в трудах С.З. Зиманова // Материалы междунар. науч.-практ. конф. – Режим доступа: https://rep.ksu.kz/bitstream/handle/data/15626/93.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

21 Мажитова Ж.С. Суд биев в казахском традиционном обществе / Ж.С. Мажитова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. – Т. 14, вып. 5. – С. 97–103.

22 Кодекс Республики Казахстан «О браке (супружестве) и семье» от 26 декабря 2011 г. № 518-IV (с изм. и доп.) // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31102748 (дата обращения: 09.12.2025).

23 Нечаева А.М. Семейное право Российской Федерации : учебник / А.М. Нечаева. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2021. – 368 с.

24 Антокольская М.В. Семейное право : учебник / М.В. Антокольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2002. – 289 с.

25 Толстикова О.М. Семейные споры и способы их разрешения / О.М. Толстикова // Сибирский юридический вестник. – 2012. – № 1. – С. 69–73.

26 Тасалян Л. Семейные споры и медиация / Л. Тасалян // Science Review. – 2019. – № 5 (22). – С. 42–48.

27 Садыков В.Р. Современные возможности института медиации при разрешении семейных споров / В.Р. Садыков. – Нур-Султан : Право, 2020. – 320 с.

28 Ахметов А.Д. Правовое регулирование семейных споров в Республике Казахстан / А.Д. Ахметов. – Алматы : Право, 2017. – 376 с.

29 Алиев Б.С. Практика урегулирования семейных споров в Республике Казахстан / Б.С. Алиев. – Астана : Право, 2015. – 411 с.

30 Карибян С.О. Семейно-правовая ответственность : монография / С.О. Карибян. – М. : Юстицинформ, 2018. – 417 с.

31 Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РК : науч.-практ. пособие / Ю.Ф. Беспалов. – М. : Проспект, 2020. – 326 с.

32 Муканова М.Ж. Договорный режим имущества супругов : теория и законодательное закрепление : монография / М.Ж. Муканова. – Караганда : Карагандинский университет «Болашак», 2010. – 263 с.

33 Обобщение судебной практики по спорам о расторжении брака (Астана, 2021) // ИС «Төрелік». – Режим доступа: http://sud.gov.kz (дата обращения: 20.03.2026).

34 Всеобщая декларация прав человека (принята 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/about-us/universal-declaration-of-human-rights (дата обращения: 20.03.2026).

35 Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://www.adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000072 (дата обращения: 20.03.2026).

36 Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) [Электронный ресурс] // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

37 Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (Нью-Йорк, 18 декабря 1979 г.) [Электронный ресурс] // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 20.03.2026).

38 Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.) [Электронный ресурс] // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtm (дата обращения: 20.03.2026).

39 Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (Гаага, 25 октября 1980 г.) [Электронный ресурс] // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=24 (дата обращения: 20.03.2026).

40 Гаагская конвенция о защите детей и сотрудничестве в отношении межгосударственного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 г.) [Электронный ресурс] // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=69 (дата обращения: 20.03.2026).

41 Family Law Act 1975 (Cth). Section 60I – Attending family dispute resolution before applying for parenting order [Электронный ресурс]. – Australia, 1975. – Режим доступа: https://www.austlii.edu.au/cgi-bin/viewdoc/au/legis/cth/consol_act/fla1975114/s60i.html (дата обращения: 08.03.2026).

42 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) [Электронный ресурс] // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5942 (дата обращения: 14.12.2025).

43 Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Кишинёв, 7 ноября 2002 г.) [Электронный ресурс] // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1034672 (дата обращения: 10.12.2025).

44 Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V (с изм. и доп.) // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000377 (дата обращения: 20.03.2026).

45 Рекомендация Rec (98)1 Комитета министров Совета Европы по семейной медиации (принята 21 января 1998 г.) [Электронный ресурс] // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://rm.coe.int/16804fdfb4 (дата обращения: 20.03.2026).

46 Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 г. № 401-IV «О медиации» (с изм. и доп.) // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927376 (дата обращения: 20.03.2026).

47 Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбул, 11 мая 2011 г.) [Электронный ресурс] // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://rm.coe.int/1680462541 (дата обращения: 20.03.2026).

48 Гаагская конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании и исполнении решений в области брака и опеки над детьми (19 октября 1996 г.) [Электронный ресурс] // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://www.hcch.net/ru/instruments/conventions/full-text/?cid=70 (дата обращения: 20.03.2026).

49 Кутцнер против Германии (Kutzner v. Germany) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. – 2002. – № 2. – С. 16.

50 Решение Европейского суда по правам человека по делу X против Латвии (X v. Latvia), жалоба № 27853/09, от 26 ноября 2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-128503 (дата обращения: 20.03.2026).

51 Вуарен П., Губо Ж. Гражданское право : частное нотариальное право, режимы имущественных отношений между супругами, наследование по закону : пер. с фр. / П. Вуарен, Ж. Губо. – М. : Фонд развития правовой культуры, 2007. – Т. 2. – 375 с.

52 Воронина З.И. Коллизионное и материальное регулирование международных семейных отношений / З.И. Воронина. – Тюмень : Изд-во Тюменского государственного университета, 2009. – 192 с.

53 Жила Е.А. Анализ семейного законодательства западноевропейских стран / Е.А. Жила // Вестник ИрГТУ. – 2015. – № 6 (101). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-semeynogo-zakonodatelstva-zapadnoevropeyskih-stran (дата обращения: 20.03.2026).

54 Барковская Е. Семейное право и законодательство на мусульманском Востоке / Е. Барковская // Россия и мусульманский мир. – 2006. – № 12. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/semeynoe-pravo-i-zakonodatelstvo-na-musulmanskom-vostoke (дата обращения: 20.03.2026).

55 Глушенкова С.С. Правовой режим имущества супругов в Германии, Франции и Великобритании / С.С. Глушенкова // Молодой ученый. – 2022. – № 32 (427). – С. 70–72. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/427/94409/ (дата обращения: 20.03.2026).

56 Андреева И.А. Ювенальная юстиция Франции: история и современность / И.А. Андреева // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 4 (68). – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yuvenalnaya-yustitsiya-frantsii-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 20.03.2026).

57 Яковлев В.Г. Семья в условиях трансформации российского общества : дис. … [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/semya-v-usloviyakh-transformatsii-rossiiskogo-obshchestva-problema-konfliktov-i-sposoby-ikh- (дата обращения: 20.03.2026).

58 Измайлов В.В. Порядок расторжения брака при достижении согласия между супругами в европейских странах / В.В. Измайлов // Право: история и современность. – 2017. – № 1. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/poryadok-rastorzheniya-braka-pri-dostizhenii-soglasiya-mezhdu-suprugami-v-evropeyskih-stranah (дата обращения: 20.03.2026).

59 Bruggemeier G., Colombi C.A., O'Callaghan P. Fundamental Rights and Private Law in the European Union. Vol. II : Comparative Analyses of Selected Case Patterns. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 456 p.

60 Legge 1 dicembre 1970, n. 898 – Disciplina dei casi di scioglimento del matrimonio [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.normattiva.it/eli/legge/1970/12/01/898/CONSOLIDATED (дата обращения: 20.03.2026).

61 Constituição da República Portuguesa (1976) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.parlamento.pt/Legislacao/Paginas/ConstituicaoRepublicaPortuguesa.aspx (дата обращения: 04.06.2025).

62 Ley 30/1981, de 7 de julio… [Электронный ресурс]. – Boletín Oficial del Estado. – № 164. – Режим доступа: https://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1981-16216 (дата обращения: 04.06.2025).

63 Fifteenth Amendment of the Constitution Act, 1995 [Электронный ресурс]. – Irish Statute Book. – Режим доступа: https://www.irishstatutebook.ie/eli/1995/ca/15/enacted/en/html (дата обращения: 04.06.2025).

64 Ley 23.515 – Modificación del régimen legal del matrimonio civil [Электронный ресурс]. – Sistema Argentino de Información Jurídica. – Режим доступа: https://www.argentina.gob.ar/normativa/nacional/ley-23515-5453/texto (дата обращения: 04.06.2025).

65 Constitución Política de Colombia de 1991 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.constitucioncolombia.com/titulo-2/capitulo-2/articulo-42 (дата обращения: 04.06.2025).

66 Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства : учебник для вузов / В.С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2012. – 560 с.

67 Code de l'organisation judiciaire (France). Art. L213-3-1 – Juge aux affaires familiales [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr (дата обращения: 20.03.2026).

68 Gesetz zur Förderung der Mediation und anderer Verfahren der außergerichtlichen Konfliktbeilegung (2012) / Bundesministerium der Justiz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gesetze-im-internet.de/mediationsg/ (дата обращения: 20.03.2026).

69 Mediation in EU countries [Электронный ресурс]. – Netherlands : European e-Justice Portal (European Commission), 2022. – Режим доступа: https://e-justice.europa.eu/topics/taking-legal-action/mediation/mediation-eu-countries/nl_en (дата обращения: 20.03.2026).

70 Parkinson P. Australian family law in context : commentary and materials / P. Parkinson. – 7th ed. – Pyrmont, NSW : Lawbook Co., 2019. – XXIX, 896 p.

71 Department of Justice Canada. Family Justice Services [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.justice.gc.ca/eng/fl-df/fjs-saf.html (дата обращения: 20.03.2026).

72 Egger A. Familiengerichtsbarkeit in Deutschland / A. Egger. – München : C.H. Beck, 2019. – 312 S.

73 Munro E. The Munro Review of Child Protection : final report / E. Munro. – London : Department for Education, 2011. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7b455ee5274a34770ea939/Munro-Review.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

74 Bala N., Carrington P. Canadian Child Welfare Law : children, families and the state / N. Bala, P. Carrington. – Toronto : Thompson Reuters, 2015. – Режим доступа: https://law.queensu.ca/sites/lawwww/files/curriculumvitae/Bala%20cv%202022.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

75 Gilbert N., Parton N., Skivenes M. Child protection systems : international trends and orientations / N. Gilbert, N. Parton, M. Skivenes (eds.). – Oxford : Oxford University Press, 2011. – Режим доступа: https://psycnet.apa.org/record/2011-09378-000 (дата обращения: 20.03.2026).

76 Children Act 1989 (UK) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1989/41/contents (дата обращения: 20.03.2026).

77 Swift K., Callahan M. At risk : social justice in child welfare and other human services / K. Swift, M. Callahan. – Toronto : University of Toronto Press, 2009. – Режим доступа: https://dokumen.pub/at-risk-social-justice-in-child-welfare-and-other-human-services-9781442697911.html (дата обращения: 20.03.2026).

78 Nordic Council of Ministers. Family policy and prevention of family conflicts in the Nordic countries. – Copenhagen, 2016.

79 Boele-Woelki K., Ferrand F., González Beilfuss C., Jänterä-Jareborg M., Lowe N., Martiny D. Principles of European Family Law regarding divorce and maintenance between former spouses. – Antwerp : Intersentia, 2004. – Режим доступа: https://uni-salzburg.elsevierpure.com/en/publications/principles-of-european-family-law-regarding-divorce-and-maintenan (дата обращения: 20.03.2026).

80 Anase T. Community and the law : a critical reassessment of American liberalism and Japanese modernity / T. Anase. – Cheltenham : Edward Elgar, 2010. – Режим доступа: http://ndl.ethernet.edu.et/bitstream/123456789/24939/1/29.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

81 Kim S. Korean legal system / S. Kim. – Oxford : Oxford University Press, 2012. – Режим доступа: https://academic.oup.com/edited-volume/37082 (дата обращения: 20.03.2026).

82 Сюкияйнен Л.Р. Основы теории исламского права : учеб. пособие / Л.Р. Сюкияйнен. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2019. – 163 с.

83 Al-Sharmani M. Marriage in Islamic interpretive tradition : revisiting the legal and the ethical / M. Al-Sharmani. – Cairo : American University in Cairo Press, 2019. – Режим доступа: https://pdfs.semanticscholar.org/2a17/51e03070353f5f3dec5a5413971c1802263c.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

84 Buskens L. Islamic family law : text and practice in Morocco / L. Buskens. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2003. – Режим доступа: https://www.academia.edu/29558393/Buskens_2003a (дата обращения: 20.03.2026).

85 Bernard-Maugiron N. Judicial reform in Egypt / N. Bernard-Maugiron. – Cairo : American University in Cairo Press, 2008. – Режим доступа: https://escholarship.org/content/qt84q1g0bg/qt84q1g0bg_noSplash_49cd02a19d78e943c65124184cdcacae.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

86 Al Hajjaji S.A.D. Judicial independence in post-2013 Egypt : current status and reform proposals / S.A.D. Al Hajjaji // Hikama. – 2023. – Vol. 4, № 7. – P. 169–183. – Режим доступа: https://www.dohainstitute.org (дата обращения: 03.03.2026).

87 Welchman L. Women and Muslim family laws in Arab states : a comparative overview of textual development and advocacy / ed. L. Welchman. – Amsterdam : Amsterdam University Press, 2007. – Режим доступа: https://library.oapen.org/bitstream/id/90cca9d7-762e-43a4-92b0-6f3a176fa5af/340144.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

88 Жучкова О.В. Медиация в семейных спорах : проблемы теории и практики / О.В. Жучкова // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 112–121.

89 Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stat.gov.kz/ru/news/na-1000-brakov-prikhoditsya-333-razvoda-/ (дата обращения: 20.03.2026).

90 Аблаева Э.Б. Ювенальные суды Республики Казахстан : история, реалии и перспективы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/yuvenalnye-sudy-respubliki-kazahstan-istoriya-realii-i-perspektivy (дата обращения: 20.03.2026).

91 Department of Justice Canada. Family dispute resolution options. – Ottawa, 2014.

92 American Psychological Association. Guidelines for child custody evaluations in family law proceedings. – Washington, DC : APA, 2010. – Rev. ed. 2022.

93 Особенности влияния федеральных законов США на институт брака [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dukedocument.com/osobennosti-vliyaniya-federalnyh-zakonov-ssha-na-institut-braka (дата обращения: 20.03.2026).

94 Family Procedure Rules 2010 (UK). Part 3 – Non-court dispute resolution [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2010/2955/contents (дата обращения: 20.03.2026).

95 Kääriäinen A., Hämäläinen J. Family mediation in Finland : preventive support for families / A. Kääriäinen, J. Hämäläinen // International Journal of Law, Policy and the Family. – 2018. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/324200430 (дата обращения: 20.03.2026).

96 Ekelund J. Family justice in the Nordic countries : a preventive and negotiated model / J. Ekelund // Nordic Journal of Family Law and Social Policy. – 2014. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/308720242_ (дата обращения: 20.03.2026).

97 Пчелинцева Л.М. Семейное право России : учебник для вузов / Л.М. Пчелинцева. – М. : Норма, 2000. – 462 с.

98 ZANGER-4, 14 апреля 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sud.gov.kz (дата обращения: 20.03.2026).

99 Мутубаева Д.М. Приемы и способы реализации примирительных процедур по спорам, вытекающим из брачно-семейных отношений / Д.М. Мутубаева // Теоретические и исторические основы укрепления казахстанской государственности и развитие национальной правовой системы : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Караганда : КарГУ, 2019. – С. 265–268.

100 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака (супружества)» от 28 апреля 2000 г. № 5 (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1018064 (дата обращения: 11.12.2025).

101 «В Караганде открыли Центр помощи семье» // gov.kz. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/karaganda/press/news/details/632656?lang=ru (дата обращения: 20.03.2026).

102 Статистические данные по гражданским делам : срезы по районам // ИС «Төрелік». – Режим доступа: https://sud.kz/rus/tag/torelik-2 (дата обращения: 20.03.2026).

103 Мутубаева Д.М., Кожахметов Г.З. The legislation regulating the activities of juvenile courts in Kazakhstan // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. – 2019. – № 1 (93). – С. 66–73.

104 Пастухова В.И. Особенности правовых систем стран Северной Европы // Социально-экономические и правовые исследования. – 2018. – № 3 (53). – С. 151–158.

105 Алешина А.В., Косовская В.А. Юридическая природа медиации как способа разрешения семейных конфликтов // Семейная медиация в ювенальной политике : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 24–31.

106 Парсел Ш. Варианты на выбор : развитие медиации при судах США // Медиация и право. – 2009. – № 3. – С. 2–13.

107 Паркинсон Л. Семейная медиация. – М. : Международный центр управленческого и политического консультирования, 2010. – 112 с.

108 Бондарева А.Н., Михайлова М.В. Применение процедуры медиации при разрешении семейных конфликтов с участием детей // Семейная медиация в ювенальной политике : сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 98.

109 План нации – 100 конкретных шагов : программа Президента Республики Казахстан от 20 мая 2015 г. // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1500000100 (дата обращения: 20.03.2026).

110 Адылханова М.А. Қазақстан Республикасындағы неке шартының құқықтық реттелуі : дис. … магистр акад. дәрежесін алу үшін : 6М0301 – Құқықтану. – Өскемен, 2010.

111 Мутубаева Д.М. Сотта татуластыру рәсімдерін қолданудың тәсілдері // ZANGER. – 2019. – № 8 (217). – Б. 50–51.

112 По сведениям Верховного Суда Республики Казахстан // ИС «Төрелік». – Режим доступа: https://torelik.sud.kz/#/court/reports/iron/916725379?month=DECEMBER&year=true&snapshotConfig (дата обращения: 20.03.2026).

113 Мутубаева Д.М. О перспективе создания семейных судов в Казахстане // Вопросы науки и образования : теоретические и практические аспекты : материалы междунар. науч.-практ. конф. – Прага, 2019. – Нефтекамск : НИЦ «Мир науки», 2019. – С. 76–84.

114 Материалы судебной практики // Официальный сайт Верховного Суда Республики Казахстан. – Режим доступа: https://sud.gov.kz/rus (дата обращения: 20.03.2026).

115 Определение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области об утверждении медиативного соглашения по иску У. к У. о разделе имущества (дело № 3597-23-00-2/1279) [Электронный ресурс].

116 Определение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области об утверждении медиативного соглашения по иску Г. к Г. об определении места жительства и порядка общения с ребенком (дело № 3597-24-00-2/670) [Электронный ресурс].

117 Закон Республики Казахстан от 27 марта 2023 г. № 216-VII «О внесении изменений и дополнений…» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36278590&show_di=1&pos=1;-16#pos=1;-16 (дата обращения: 20.03.2026).

118 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2018 г. № 15 «О применении судами законодательства…» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P180000015S (дата обращения: 08.11.2025).

119 Анализ судебной практики рассмотрения отдельных категорий дел по брачно-семейным спорам за 2023–2024 гг. (Карагандинский областной суд) // Официальный сайт. – Режим доступа: https://sud.gov.kz/rus/content/obzory-sudebnoy-praktiki (дата обращения: 20.03.2026).

120 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области от 27 апреля 2023 г. по иску ГУ «Отдел образования г. Караганды» к Т.К.В. о лишении родительских прав и взыскании алиментов (№ 3597-23-00-2/188) [Электронный ресурс].

121 Задолженность по алиментам в Казахстане достигла… // dknews.kz. – Режим доступа: https://dknews.kz/ru/finansy/357459-zadolzhennost-po-alimentam-v-kazahstane-dostigla-16 (дата обращения: 20.03.2026).

122 285 тысяч дел по алиментам находятся у ЧСИ в Казахстане // МИА Kazinform. – Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/285-tisyach-kazahstantsev-uklonyayutsya-ot-alimentov-785727 (дата обращения: 20.03.2026).

123 Более 1 600 человек ищут за неуплату алиментов в Казахстане // Казахстанская правда. – Режим доступа: https://kazpravda.kz/n/bolee-1-600-chelovek-ishchut-za-neuplatu-alimentov-v-kazahstane (дата обращения: 20.03.2026).

124 Сергеева Е.С. Ребенок в российском цивилистическом процессе : дис. … канд. экон. наук : 5.1.3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dlib.rsl.ru (дата обращения: 20.03.2026).

125 В Казахстане значительно увеличен штат органов опеки и попечительства // gov.kz. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/bala/press/news/details/982369?lang=ru (дата обращения: 20.03.2026).

126 Закон Республики Казахстан от 21 ноября 2024 г. № 136-VIII ЗРК «О внесении изменений…» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2400000136/info (дата обращения: 20.03.2026).

127 Закон Республики Казахстан от 27 марта 2023 г. № 216-VII «О внесении изменений…» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36278590&show_di=1&pos=1;-16#pos=1;-16 (дата обращения: 20.03.2026).

128 Правила разрешения органом опеки споров о общении с ребенком… от 31 марта 2025 г. № 53 // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2500035880_ (дата обращения: 20.06.2025).

129 Правила оказания государственной услуги «Оформление документов на выезд…» : утв. Приказом МВД РК от 27 марта 2020 г. № 259 // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2000020207 (дата обращения: 20.03.2026).

130 Павлов С.П. Развод как форма психоэмоциональной депривации детей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.homekid.ru/content/docs/izdaniya/serealnui_sbornik/vse-vupyski/v2/74-93.pdf (дата обращения: 20.03.2026).

131 Закон Республики Казахстан от 17 декабря 1998 г. № 321 «О браке и семье» (утратил силу) // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://kodeksy-kz.com/ka/zakon_o_brake_i_seme.htm_ (дата обращения: 20.06.2025).

132 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области от 22 февраля 2022 г. по иску К.А.К. к К.З.М. об определении места жительства детей с отцом (дело № 3597-21-00-2/945) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

133 Методические рекомендации «Раннее выявление и оказание комплексной поддержки семьям с детьми, попавшим в трудную жизненную ситуацию». – Нур-Султан : Национальная академия образования им. Ы. Алтынсарина, 2022. – 130 с.

134 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 ноября 2019 г. № 6 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adile.zan.kz/rus/docs/P190000006S (дата обращения: 20.03.2026).

135 Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 28 июня 2024 г. № 46-НП // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://prg.kz/Document/?doc_id=32076670 (дата обращения: 20.03.2026).

136 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области от 22 февраля 2022 г. по иску Ш.И.Е. к Б.А.М. о взыскании алиментов на содержание супруги до достижения ребенком трехлетнего возраста (дело № 3597-24-00-2/1849) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

137 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области по иску Т.М. к Т.О., С.В. об

уменьшении размера алиментов (дело № 3597-22-00-2/335) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

138 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области по иску Т.М. к Т.О., С.В. о взыскании алиментов с бабушки (дело № 3597-24-00-2/3068) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

139 Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. № 345-II «О правах ребенка в Республике Казахстан» (с изм. и доп. по состоянию на 15.04.2024 г.) // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z020000345 (дата обращения: 20.03.2026).

140 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области по иску Т.К.М. об освобождении от уплаты алиментов (дело № 3597-24-00-2/3068) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

141 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области по иску Ш.А.Я. к П.Ю.А. об установлении отцовства и взыскании алиментов (дело № 3597-22-00-2/756) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

142 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области по иску Ж. к М. об оспаривании отцовства (дело № 3597-24-00-2/1240) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

143 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области по иску Л. к Л. об оспаривании отцовства (дело № 3597-23-00-2/260) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

144 Мутубаева Д.М., Ильясова Г.А. Practical aspects of deferred payment of state duty in courts of the Republic of Kazakhstan // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. – 2024. – № 3 (115). – С. 146–152.

145 Мутубаева Д.М. Сопровождение семьи в семейных кабинетах // ZANGER. – 2024. – № 12. – С. 65–67.

146 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2009 г. «О судебных расходах по гражданским делам» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P06000009S (дата обращения: 17.12.2025).

147 Закон Республики Казахстан от 20 декабря 2021 г. № 84-VII «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты

Республики Казахстан по вопросам совершенствования гражданского процессуального законодательства и развития институтов внесудебного и досудебного урегулирования споров» // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39218292 (дата обращения: 20.03.2026).

148 «Участились разводы»: К.К. Токаев поручил пресечь мошенничество с социальной помощью // NUR.KZ. – Режим доступа: https://kaz.nur.kz/society/1796920-ucastilis-razvody-tokaev-porucil-presec-mosennicestvo-s-socpomosu/ (дата обращения: 20.03.2026).

149 Муканова М.Ж. Ответственность супругов по брачному договору // Актуальные проблемы частного права : материалы междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы, 2003. – С. 412–416.

150 Анализ судебной практики признания и приведения в исполнение решений иностранных судов по Гаагской конвенции от 23 ноября 2007 г. за 2022–2024 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

151 Конвенция о международном порядке взыскания алиментов на детей и иных форм содержания семьи (Гаага, 23 ноября 2007 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minsk.diplo.de/resource/blob/2176856/b312346c85edbbb7759400fed45f7834/hhue-rus-data.pdf (дата обращения: 07.01.2026).

152 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области от 2 июля 2024 г. по иску П.О.В. к П.А.М. об определении места жительства ребенка с матерью (дело № 3597-22-00-2/908) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

153 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области от 9 марта 2023 г. по иску Г. к Ш. об определении порядка общения с ребенком (дело № 3597-22-00-2/908) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

154 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 июля 2003 г. № 5 «О судебном решении» // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P03000005S (дата обращения: 01.09.2025).

155 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области по иску К. к Ф. о взыскании алиментов в твердой денежной сумме (дело № 3597-24-00-2/908) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

156 Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 г. № 224-VII // ИС «Юрист». – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224 (дата обращения: 20.03.2026).

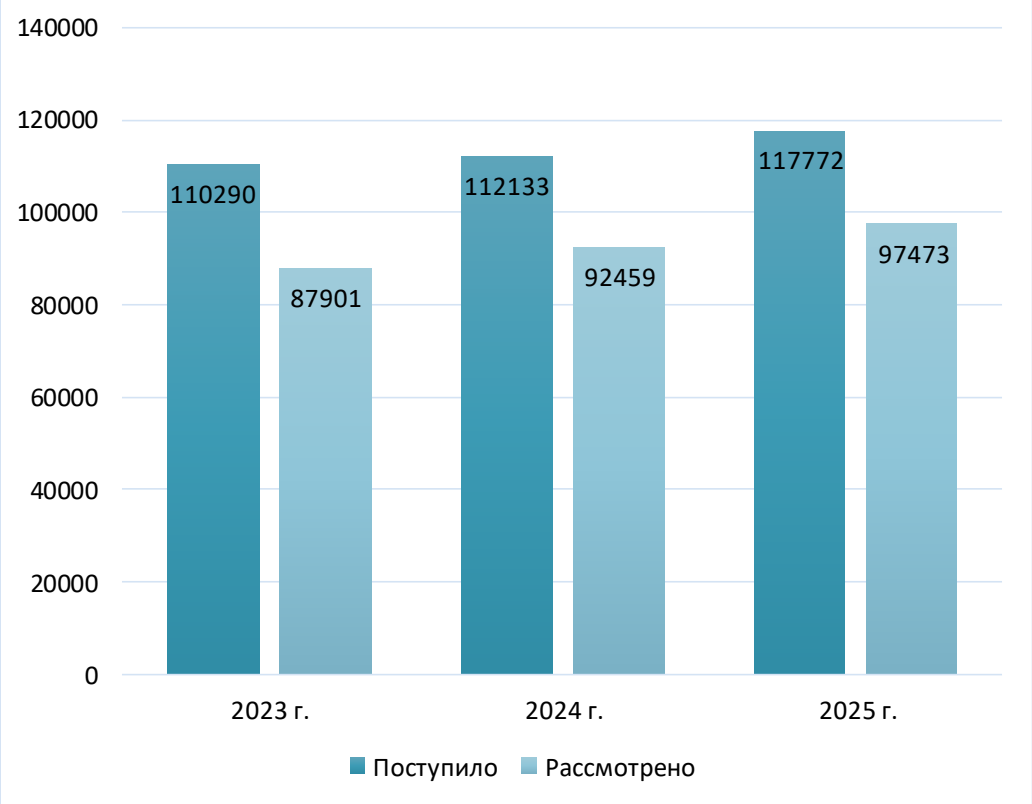
157 Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) от 27 декабря 1994 г. № 268-XIII // ИПС НПА РК. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001000_ (дата обращения: 11.02.2025).

158 Решение суда от 18 января 2022 г. по иску Е.С. к О.А. о взыскании неустойки по алиментам (дело № 3524-21-00-2/2655) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

159 Решение суда от 5 сентября 2022 г. по иску Г.Е. к Г.Д. о взыскании неустойки по алиментам [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

160 Решение специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области от 11 января 2024 г. по иску К.А. к К.Г. о взыскании неустойки по алиментам (дело № 3597-23-00-2/1279) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [электронный архив специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области].

Приложение А
Количество поступивших и рассмотренных исков, вытекающих из брачно-семейных отношений в суды Республики Казахстан за период 2023-2025 гг.



Приложение Б

«Утверждаю»
Председатель судебной коллегии
по гражданским делам
Карагандинского областного суда
_____ Абдиров Ш.М.
«20» 09 2023 год

АКТ ВНЕДРЕНИЯ
по реализации пилотного проекта «Примирительные процедуры в суде», «Семейный суд» в практический процесс результатов докторской диссертации докторанта Карагандинского государственного университета им.Е.А.Букетова» по специальности «Юриспруденция» Мутубаевой Д.М.

Комиссия в составе: председателя коллегии по гражданским делам Карагандинского областного суда Абдирова Ш.М. и членов комиссии судьи Карагандинского областного суда Кириллова Е.А., составили настоящий акт внедрения в практический процесс следующих результатов докторской диссертации:

1. Реализация пилотного проекта «Семейный суд» с презентацией механизма сопровождения семьи.
2. Открытие кабинетов семейных консультаций в ювенальном суде.

Результаты исследования используются в практической деятельности при рассмотрении и сопровождении семей в суде.

Председатель коллегии по гражданским делам
Карагандинского областного суда Абдиров Ш.М.

Судья Карагандинского областного суда Кириллова Е.А.

Приложение В

«Утверждаю»
Председатель судебной коллегии
по гражданским делам
Карагандинского областного суда
Абдиров Ш.М.
«20» сентября 2023 год

АКТ ВНЕДРЕНИЯ
в практический процесс результатов диссертационного исследования
«Современные правовые модели разрешения семейных споров»
докторанта Карагандинского университета им.академика Е.А.Букетова
по специальности «6D030100 – Юриспруденция»
Мутубаевой Динары Маратовны

Комиссия в составе: председателя коллегии по гражданским делам Карагандинского областного суда Абдирова Ш.М. и членов комиссии судьи Карагандинского областного суда Кириловой Е.А., составили настоящий акт внедрения результатов диссертационного исследования по теме «Современные правовые модели разрешения семейных споров».

В работе рассмотрены современные модели разрешения семейных споров, проведен анализ практики рассмотрения семейных споров.

Выводы, содержащиеся в вышеуказанном диссертационном исследовании направлены на совершенствование семейного законодательства при рассмотрении семейных споров, применимые в практической деятельности судов при разрешении семейных споров, в работе также приведены итоги реализации пилотного проекта «Семейный суд», направленного на актуализирование роли досудебного урегулирования семейных споров с организациями социального и семейного развития.

Председатель комиссии:
Председатель коллегии по гражданским делам
Карагандинского областного суда Абдиров Ш.М.

Член комиссии:
Судья Карагандинского областного суда Кириллова Е.А.

Приложение Г

Утверждаю

Уполномоченный по правам ребенка Карагандинской области

_____ И.Б. Киселева

«30» октября 2025 г.

Утверждаю

Председатель специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области

_____ С.Б. Смагулов

«30» октября 2025 г.

АКТ

о внедрении результатов НИР в деятельность специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области

Мы, нижеподписавшиеся, уполномоченный по правам ребенка Карагандинской области и председатель специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области и докторант образовательной программы «8D042001 – Юриспруденция» Мутубаева Д.М., составили настоящий акт о том, что результаты диссертационного исследования на тему «Современные правовые модели разрешения семейных споров в Республике Казахстан», подготовленное докторантом Мутубаевой Динарой Маратовной, выполненной в НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова» приняты к внедрению в судопроизводство ювенального суда по рассмотрению семейных споров, связанных с воспитанием детей в следующем виде:

1. Открытие и организация работы семейных кабинетов в ювенальном суде с привлечением организаций социального и семейного развития, в том числе специалистов в сфере защиты прав детей (психологов, медиаторов, социологов, наркологов, теологов, ювенальных адвокатов, органа опеки), в рамках меморандума о взаимном сотрудничестве;
2. Оказание правового и психологического консультирования организациями социального и семейного развития, в том числе специалистами в сфере защиты прав детей;
3. Сбор и обработка статистических данных и анализ результатов сопровождения семей с детьми.

Использование указанных результатов позволяет:

1. Оказывать правовую помощь и психологическое консультирование семьям с детьми, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, жертвам бытового насилия;
2. С целью досудебного и внесудебного разрешения вопросов, повысить роль взаимодействия со специалистами в сфере защиты прав детей;

Докторант:

_____ Д.М.Мутубаева

«30» октября 2025 г.

От предприятия:

Уполномоченный по правам ребенка Карагандинской области

_____ И.Б. Киселева

«30» октября 2025 г.

Председатель специализированного межрайонного суда по делам несовершеннолетних Карагандинской области

_____ С.Б. Смагулов

«30» октября 2025 г.

Приложение Д

Утверждаю
Декан юридического факультета
НАО «Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова»
_____ А.М. Серикбаев
«02» июня 2025 г.

АКТ
о внедрении результатов НИР в учебный процесс

Мы, нижеподписавшиеся, представители кафедры гражданского и трудового права юридического факультета НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова» и докторант образовательной программы «8D04201 – Юриспруденция» Мутубаева Д.М., составили настоящий акт о том, что результаты диссертационного исследования на тему «Современные правовые модели разрешения семейных споров в Республике Казахстан», подготовленное докторантом Мутубаевой Диной Маратовной, выполненной в НАО «Карагандинский университет имени академика Е.А.Букетова» приняты к внедрению в учебный процесс и используются при преподавании дисциплин «Семейное право Республики Казахстан», «Гражданское процессуальное право Республики Казахстан» студентам Образовательной программы «6B04205 - Правовое регулирование предпринимательской деятельности» (бакалавр); «Особенности рассмотрения отдельных категорий гражданских дел», «Примирительные процедуры урегулирования споров в предпринимательскойдеятельности»магистрантам Образовательной программы «7M04205-Частное право» (магистратура).

Использование указанных результатов позволяет:

1. Повысить уровень подготовки бакалавров, магистрантов;
2. Разработать кейсы по вопросам разрешения споров, вытекающих из семейно-брачных отношений;
3. Разработать учебно-практические пособия по дисциплинам «Семейное право Республики Казахстан», «Гражданское процессуальное право Республики Казахстан» для обучения по Образовательной программе «6B04205 - Правовое регулирование предпринимательской деятельности» (бакалавр).

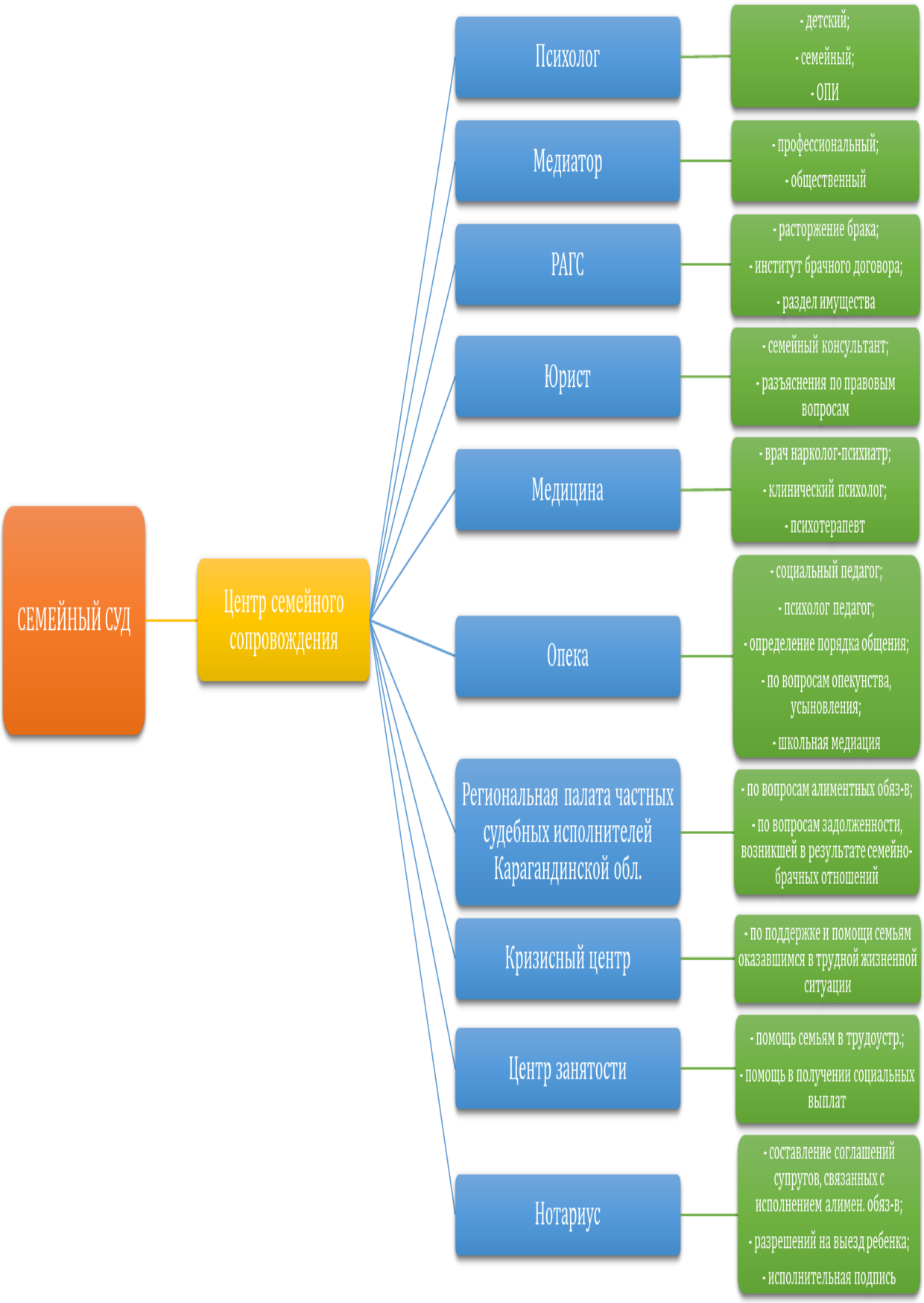
Докторант:
_____ Д.М. Мутубаева
«02» июня 2025 г.

От предприятия:
Декан юридического факультета
НАО «Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова» _____ А.М. Серикбаев
«02» июня 2025 г.

Зав. кафедрой гражданского и трудового права
_____ А.Ж. Абдижами
«02» июня 2025 г.

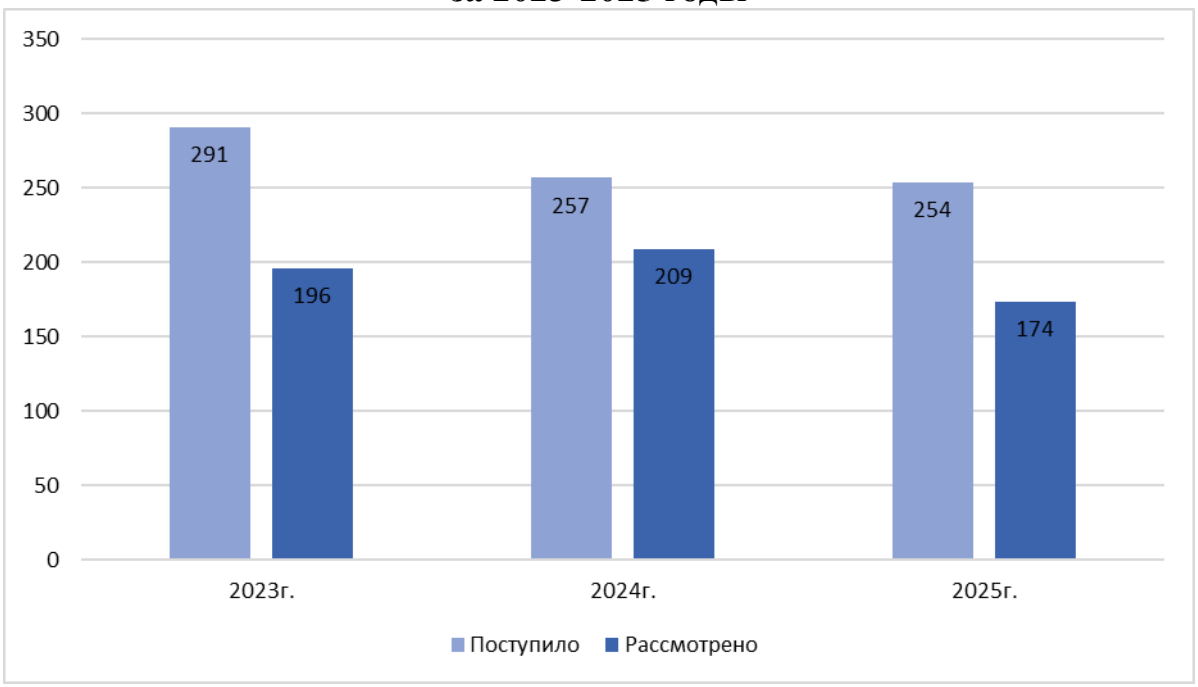
Заместитель декана по учебной работе
_____ К.Т. Байжанова
«02» июня 2025 г.

Приложение Е
Проект Центра при «Семейном суде»



Приложение Ж

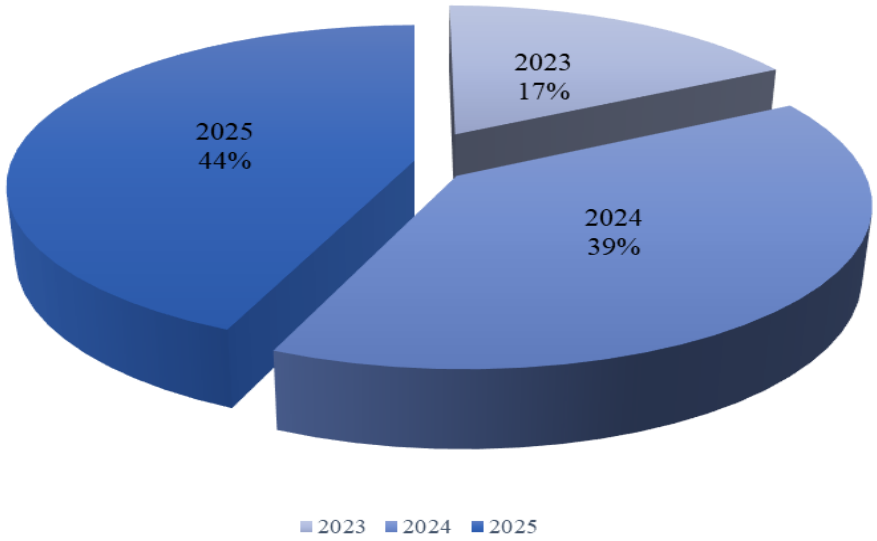
Показатели количества исков о разрешении споров об определении порядка общения и определении места жительства ребенка в районных (межрайонных) и городских судах Карагандинской области за 2023-2025 годы



Количество поступивших и рассмотренных исков, вытекающих из брачно-семейных отношений в суды Карагандинской области за период 2023-2025 гг.

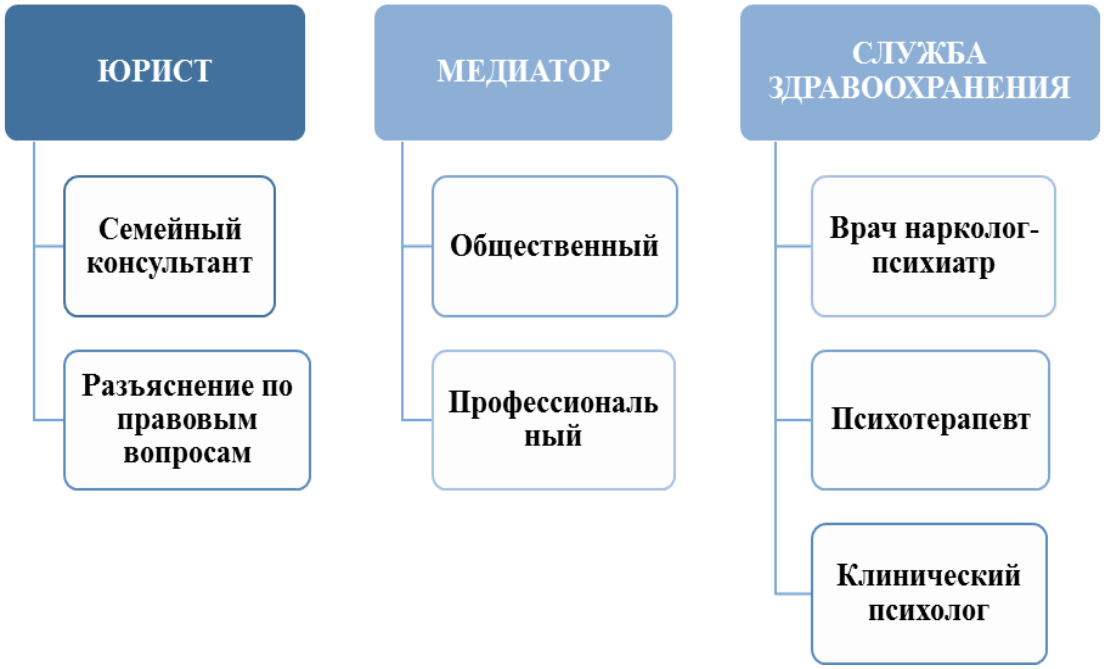
Приложение 3
«Виды и состав семейных правоотношений»

Приложение И.
Сравнительный анализ поступивших семейных споров в ювенальный суд Карагандинской области в процентном соотношении с учетом увеличения подсудности дел за периоды с 2023-2025 гг.



Приложение К

Задачи специалистов в сфере защиты прав семьи и детей:



Задачи органа, осуществляющего функции по опеке и попечительству